Через три войны

Иван Владимирович Тюленев

SHOUT
SHARE
IT

- Тюленев Иван Владимирович

Тюленев Иван Владимирович
Через три войны

Тюленев Иван Владимирович
Через три войны
{1}Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

Аннотация издательства: Военная служба одного из виднейших военачальников Советской Армии генерала армии Ивана Владимировича Тюленева началась в 1913 году, когда он был призван и зачислен в 6-й Каргопольский драгунский полк. С тех пор минуло почтя шестьдесят лет, а убеленный сединами генерал продолжает оставаться в строю. Большой и нелегкий путь прошел Иван Владимирович Тюленев. Он участвовал в первой империалистической, гражданской и Великой Отечественной войнах, был свидетелем многих исторических событий. В годы гражданской войны И. В. Тюленев сражался в рядах Первой Конной армии, во время Великой Отечественной командовал фронтами: сначала Южным, потом Закавказским. Читатель найдет в книге взволнованный рассказ о революционных событиях 1917 года, о защите завоеваний Октября, о мужестве и стойкости советских людей в годы Великой Отечественной войны. Наиболее интересные страницы воспоминаний посвящены битве за Кавказ.

Содержание
Вперед заре навстречу
Начало пути
"За веру, царя и отечество"
За власть Советов
В горниле гражданской войны
Враги меняют тактику [103]
Идет война народная
И снова бой
Южный фронт
На Урале и под Москвой
В предгорьях Кавказа
Бои на Тереке и Баксане
На перевалах
Туапсинский "орешек"
"Горы" и "Море"
Примечания
Список иллюстраций

Вперед заре навстречу

Начало пути

Жизнь мне представляется широкой полноводной рекой: чем ты старше становишься, тем все дальше и дальше уходишь от верховья. Ныне я в устье своей жизни. И хоть реки не текут вспять, но бывает так: память вдруг стремительно понесет тебя против течения, к истоку. И увидишь, будто это было вчера, и себя, босоногого мальчугана, и отчий дом, и братьев, которых уже нет в живых, услышишь певучий голос матери, степенный глухой басок отца...

Множество событий, ярких, нетускнеющих, как золото, и менее значительных, оттеснили в дальние уголки памяти родное село Шатрашаны, лица близких товарищей детства.

За плечами - первая империалистическая война, великие дни Октября, фронты гражданской и Отечественной войн и многое другое, что вспоминается когда с радостью, а когда с грустью...

Недалеко от Волги у густого соснового бора раскинулись Шатрашаны. Большое это было село. Пятьсот крестьянских дворов разбросано по пригорку. Покосившиеся от времени бревенчатые избы с позеленевшими крышами печально смотрели подслеповатыми оконцами на кривые, как турецкие сабли, переулки и улицы. Только в центре села, у церковной площади, стояло несколько добротных домов на каменном фундаменте с резными наличниками и карнизами. В них жила деревенская знать - богатей-лавочник, поп, староста.

Шатрашаны - село старинное. Старики утверждали, что название свое оно получило от слова "шатры". Здесь когда-то проходили татаро-монгольские завоеватели. Места были глухие, лесистые, а на склонах холмов зеленели луга, поросшие сочными травами. Там кочевники ставили свои шатры и жили некоторое время, набираясь сил для дальнейших походов.

Эти места помнят "вольницу" Степана Разина и Емельяна Пугачева. По Волге плыли под парусами резные струги с разудалыми молодцами, а по берегам великой русской реки двигались отряды пеших и конных, наводя ужас на бар-помещиков.

Об этих далеких временах много интересного довелось мне слышать от моей бабушки Марфы Сидоровны. На сказы она была большая мастерица.

Бывало, зимой соберемся мы. ребятишки, возле нее. За окном завывает вьюга. В печи потрескивают дрова. На столе слабо мигает керосиновая лампа. Отец плетет рогожи, мать ставит заплаты на рубахи, а бабушка, сидя за прялкой, под монотонное жужжание веретена ведет неторопливый рассказ о Емельяне

Пугачеве и Степане Разине, где быль переплетается с легендой. Рассказывала бабушка так, что каждое ее слово западало в наши детские души.

Семья у нас, Тюленевых, была большая: шесть человек своих ребят да четверо умершего дяди. Отцу с матерью приходилось трудиться не покладая рук, чтобы прокормить столько ртов. Лишения и невзгоды, голод и холод постоянно стучались в нашу дверь.

Моя мать, Агафья Максимовна, была трудолюбивая, добрая, отзывчивая к чужим горестям. Как ни трудно было ей ухаживать за десятком ребят, она никогда не роптала. С утра до поздней ночи хлопотала по хозяйству. Старшие дети помогали ей как могли.

Отец мой, Владимир Евстигнеевич, участвовал в русско-турецкой войне. Вернулся с медалью, но я никогда не слышал, чтобы он кому-нибудь похвалился своей наградой. Медаль лежала на дне сундучка, под горкой книг. Скромный, тихий, работящий, отец слыл на селе грамотеем. Он очень любил книги, часто перечитывал те, что имел, и радовался, как ребенок, когда удавалось на гроши, заработанные тяжелым трудом, купить новую книгу. В свободное время, особенно зимними вечерами, он любил читать односельчанам.

К 1900 году мои старшие братья подросли и, как многие другие парни нашего села, подались в город на заработки. Время от времени они присылали отцу деньги. Положение семьи несколько улучшилось, но до хорошей жизни было еще далеко.

В 1903 году я окончил сельскую школу и стал упрашивать отца отвезти меня в город: уж очень хотелось мне продолжать учение. Мать поддержала меня.

- Весь в тебя, - говорила она отцу, - до книжек, как травинка к солнцу, тянется. - Отцу приятно было слышать такое, но решил он по-другому:

- Конечно, надо бы еще парню поучиться, да где возьмешь денег? Как говорят: рад бы в рай, да грехи не пускают.

Заметив, как я огорчился, отец погладил меня по голове:

- Ничего, сынок, не печалься. Поработаешь немного, поможешь нам, а там, глядишь, и снова попадешь в учение.

Но он, как и я, видно, мало верил в это. Так оно и получилось. Мое образование ограничилось сельской школой. Началась тяжелая трудовая жизнь.

Я стал помогать отцу плести рогожи. Потом он пристроил меня подмастерьем в сельскую кузницу, а к концу 1904 года отвез в город Симбирск. Там устроил чернорабочим крахмало-паточного завода "Никита Понизовкин и сыновья".

Хотя завод и делал патоку, но мне там жилось не сладко. С утра до вечера перетаскивал бочки, убирал мусор во дворе, колол дрова. Работал много, а зарабатывал, как говорится, с гулькин нос. Денег едва хватало на харчи. Домой я не мог послать ни гроша.

Тогда отец решил: лучше уж мне помогать ему дома, чем гнуть спину на "паточного" фабриканта. И я вернулся в родное село...

* * *

Русско-японская война еще больше омрачила нашу безрадостную жизнь: призвали в армию дядю Петра.

Провожали новобранцев рано утром. По дороге, поднимая столбы пыли, со скрипом двигались телеги, а за ними понуро брели мужики и бабы. На телегах трясся нехитрый скарб новобранцев: сундучки, котомки, узелки...

Парни, еще не понимая, что их ждет на войне, бодро шагали по пыльной дороге и под гармошку пели: "Последний, нонешний денечек гуляю с вами я, друзья..." Те, что постарше, шли молча в окружении женщин и детей. Обливаясь слезами, бабы причитали по ним, как по покойникам: "И на кого же вы нас покидаете? Куда улетаете, соколики?.."

Старики и старухи, которые уже не могли двигаться, сидели на завалинках и сокрушенно вздыхали:

- Вернутся ли домой, родимые?

- Чего заранее в гроб кладете? - урезонивал их один бывалый солдат. Японец нам не ровня. Он малорослый, дунешь, плюнешь - он и с копыт долой! Гляди, наши-то какие орлы! Да неужто не управятся? Шапками закидаем!

Ходячей была тогда эта фраза, брошенная каким-то бравым генералом. Облетела она всю Россию, и многие поверили, хотели верить, что так оно и будет. Но когда с далеких полей Маньчжурии докатились первые слухи о поражении русских войск, это "шапками закидаем" стало произноситься не с бравадой, а с горькой иронией.

Всю войну и долго еще поело нее лились слезы русских матерей, жен, сестер и детей. В нашей семье особенно убивалась бабушка. Она плакала и когда приносили письма, и когда долго не было их. Получив от сына весточку, она просила меня:

- Ванюша, прочти, родной, что пишет мой ясный сокол Петя.

Я разворачивал письмо дяди Пети и начинал читать, а бабушка, подперев рукой морщинистую щеку, маленькая, совсем постаревшая с тех пор, как сын ушел на войну, беззвучно плакала.

В такие минуты мне становилось не по себе. Жалость к бабушке переполняла грудь, и я старался, как мог, успокоить ее:

- Бабушка, да что же ты плачешь? Ведь дядя Петя жив, здоров.

Но бабушка еще пуще заливалась слезами:

- Пока жив. Да ведь я век прожила, знаю, что с войны мало кто цел-невредим возвращается. Чует мое материнское сердце - худо Петруше.

Читая однажды письмо от дяди, мы не заметили, как в избу вошел отец.

- От Петра? Ну как он там? Что пишет?

- Да вот, прибыл на Сахалин, - стал я пересказывать отцу. - Войны там пока нет, а под Порт-Артуром, пишет, сильная сеча. Японцы что-то у нас отвоевали, а что - не разберу. Зачеркнута вся строчка...

Отец взял из моих рук письмо, внимательно посмотрел его на свет, покачал головой и сказал, как мне показалось, с удовлетворением:

- Японцы заняли Порт-Артур... Что ж, вести неплохие.

Меня поразили слова отца. Как же так? Или он желает победы японцам? Но спросить об этом я не осмелился.

Заметив мое недоумение, отец улыбнулся и сказал:

- Ты, сынок, не ломай над этим голову. Молод еще. Подрастешь разберешься...

На селе же по поводу неудач русской армии в Маньчжурии толковали так:

- Сила русского солдата могучая, непобедимая. Не может быть такого, чтобы враг нас одолел. Тут что-то не так. Разве что начальство продает Россию японцам? Нам-то война одно разорение, а фабрикантам да помещикам она, видать, на руку. Говорят же фабричные, что богатеям доход от войны в карман идет. Присмотреться, оно и правда. Вот Понизовкин свой завод расширяет, ставит дело на широкую ногу. Поди, ему война и впрямь праздник, что твое рождество или пасха.

Горькая правда о войне все больше проникала в гущу народа. В осенние дождливые вечера в нашей избе собирались мужики. Шли они к отцу, искренне полагая, что, раз он грамотный, читает книги, значит, должен все знать, объяснить, что к чему.

Заведет разговор один, вставит слово другой, и вот уже в избе гул стоит. Особенно горячился сосед Степан: дескать, нет в России села более горемычного и нищего, чем Шатрашаны.

- И чего ты кипятишься, Степан, - пробовал урезонить его дружок Игнат. - Разве только в нашей деревне бедствуют мужики? Вот я повидал немало на свете. Где только я не был, и везде нашему брату мужику живется худо. Так уж заведено испокон веку на Руси.

Помню, в один из осенних вечеров в нашей избе было

особенно людно. Мужики собрались послушать новости, привезенные из Симбирска нашим соседом Герасимом Гуськовым. В тот вечер я поздно не ложился спать. Притаившись в углу, жадно слушал, старался не пропустить ни одного слова.

В избе было тесно и душно. Махорочный дым облаком стоял под потолком. Мужики сидели вдоль стен на лавках. Герасим чинно, не спеша рассказывал:

- Подъезжаю это я к селу Нагаткино, а навстречу мужичишка. Лошаденка еле тащит воз, а на возу всякого добра навалено: ящики, стулья, узлы. "На новое жительство?" - спрашиваю. А тот аж захлебывается от радости: "Домой, мил человек. Домой барахлишко везу. Бог послал, не обидел. Добрые люди дали. Бери, говорят, барское добро, не жалко..." Остановились мы, закурили, мужичок и пояснил: "Нагаткинские-то разгромили своего помещика Белякова, все из усадьбы растащили, а последушки мне разрешили взять, животность начали делить, а потом, гутарят, и за землю примутся. Вот как, мил человек, на свете бывает. Был пан да пропал... Жаль, не нагаткинский я, а то бы мне и коровенка досталась..."

Герасим оглядел слушателей и продолжал:

- Мужик поехал своей дорогой, а я решил завернуть к имению Белякова. Думаю, надо же самому поглядеть, как там они с помещиком разделались. Подъезжаю - и вправду: возле усадьбы людей видимо-невидимо. Все о чем-то хлопочут, кричат. Телеги с барахлом стоят. Волокут коров, лошадей. Ну как ни есть - ярмарка!

- А ты чего же подарочка не прихватил? - поинтересовался Игнат.

- Чего на добро соседних помещиков зариться? У своих надо брать! А мы вот сидим все судим да рядим, как быть, - хмуро ответил Герасим.

Мужики заволновались. Новости, привезенные Герасимом Гуськовым, взбудоражили всех.

На следующий день в Шатрашанах только и было разговоров что о разгроме усадьбы Белякова. Большинство крестьян одобряли нагаткинцев, хвалили их за решительность и смелость. Лишь некоторые старики и зажиточные осуждали "бунтарей".

Самые решительные и смелые предлагали:

- Хватит зря языком, что цепом, молоть. Пошли к своему барину, теперь наш черед.

В нашей семье особенно воинственно был настроен дядя Афанасий. Он предлагал немедленно последовать примеру нагаткинцев:

- Чего ждать? Надо идти в имение и брать за грудки

управляющего.

Дядя Гавриил предостерегал:

- Не пори горячку! Подожди, посмотрим, как обернется дело с нагаткинцами.

- Правильно! Ожидай, ожидай, Гаврила, - с издевкой говорил дядя Афанасий. - Видно, забыл, как с тебя чуть шкуру не спустил управляющий, когда ты прихватил сноп овса из барской скирды для своей лошаденки?

При этом напоминании дядя Гавриил поморщился:

- Как же! Забудешь такое! Все село я тогда обошел. Еле-еле наскреб денег. Принес управляющему штраф, а он, нехристь, взял как должное да еще обругал меня на своем басурманском языке. И чего это везде в имениях управляющие не из русских?

- Наверно, потому, что боятся бары своего русского человека...

Вмешался в разговор отец:

- Дело не в боязни. Просто руками иностранца помещику легче драть с нас шкуру и гнуть мужика в дугу.

Часто в подобных спорах принимал участие наш сосед - Петр Салабаев. Он всегда соглашался с доводами отца, поддерживал его:

- Истинную правду говорит Евстигнеич. На то и поставлен управляющий, чтобы шкуру с нас драть.

Иногда к нам на огонек заглядывал учитель Иван Степанович Новиков. Он охотно беседовал с мужиками. В такие вечера я не ходил гулять: учитель казался мне самым умным человеком на свете.

Однажды засиделись мужики в нашей избе за полночь.

Горячо спорили о том, что же дальше делать. Поступить по примеру пагаткинцев или иным каким способом заполучить землю у помещика. Порешили мужики созвать сход и на нем обсудить вопрос.

Сход был назначен на один из воскресных дней. Решили пригласить и управляющего имением князя Голицына: через него шатрашанцы собирались предъявить барину свои требования. Но управляющий, узнав о предстоящем сходе, вызвал из Симбирска солдат, а посланных к нему делегатов выгнал:

- На сборище ваше я не приду. Нечего мне с быдлом разговаривать!

Мужики решили все же сход собрать.

В воскресенье, после обедни, площадь перед церковью запрудил народ. Вместо управляющего появился земский начальник.

Выслушав требование крестьян о продаже им части

помещичьей земли, он только пожал плечами:

- Земля принадлежит князю Голицыну. Он ее хозяин. Захочет продать продаст, не захочет - не продаст. Если же вы попытаетесь захватить ее силой, будете строго наказаны за самоуправство.

- Так пускай барин нам ответит, будет он продавать землю или нет! загудели в толпе.

- Барина ищи свищи! - перекрыл гомон чей-то насмешливый голос.

Земский начальник впился глазами в крикуна:

- Чего горланите, смутьяны? Вам не землю - дубину надо, грабители!

Эти слова оказались искрой, упавшей в пороховую бочку. Ропот перешел в грозный рев. Послышались угрозы:

- Нам дубину, а тебе, черту толстопузому, - петлю! Сам ты грабитель!

Кричали все. Один старался перекричать другого. Но вот послышался сильный, ровный голос учителя Новикова:

- Крестьяне не грабители! Никогда грабителями не были! Они всю жизнь добывают хлеб честным трудом...

Толпа постепенно затихала, прислушиваясь к словам учителя. Земский начальник, чудом избежавший расправы, вытирал платком пот со лба. А Новиков продолжал:

- Кто князю Голицыну нажил миллионное состояние?

Сам князь не только не работает, но никогда и не бывает в имении. Скажите, господин земский начальник, почему князь Голицын один владеет столькими десятинами земли, сколько у крестьян всего уезда нет?

Земский начальник пытался что-то ответить, по голоса заглушили его слова:

- Вспотел, кабан!

- Что, жарковата мужицкая банька?!

Не выдержал земский начальник и под свист, улюлюканье, соленые словца чуть не бегом покинул сход. Сельский староста вместе с волостным старались уговорить расходившихся мужиков:

- Братцы, опомнитесь! Что вы делаете? Пострадаете не только вы, но и другие, невиновные. Придут стражники, начнут пороть старого и малого. Кончайте, братцы! Расходитесь подобру-поздорову.

Староста так приставал к мужикам, что один из них разозлился и сорвал у него с рубахи медаль.

В толпе нашлись вожаки.

- Эй, шатрашапцы! Пошли в имение!

- Нет барина, пусть управляющий ответ держит!

И тысячная толпа мужиков, сопровождаемая стайкой ребятишек, двинулась к голицынскому имению на окраине Шатрашап.

Вот и усадьба, белокаменный дом, к которому ведет тополиная аллея.

У ворот с ружьями наперевес стояли солдаты. Толпа на мгновение замерла. Казалось, вот-вот люди хлынут обратно, а стражники откроют стрельбу.

И тогда вперед вышел мой старший брат Антон, снял с головы картуз, хлопнул им о землю.

- Стреляйте, холуи господские! Только посмотрим, что от вас останется!

Он тряхнул льняными волосами и смело двинулся вперед на солдат. За ним последовали другие.

Цепь стражников разомкнулась. Обнажив головы, стояли мужики перед барским домом. На крыльце появился управляющий. Он покусывал тонкие губы, щека подергивалась, а рука нервно перебирала пуговицы на пиджаке.

- Что вам надо? - спросил он, плохо выговаривая русские слова.

- Землю нам надо, за недорогую цену. Плуги и бороны!.. - стал перечислять дядя Афанасий.

Другие поддержали Афанасия:

- Объявляйте! Ждать долго не будем!

Управляющий даже попятился.

- Какую землю, какую цену? Вы с ума сошли! Я не имею полномочий от князя... Я ему передам... пошлю депешу в Париж...

- Слыхали мы эти сказки! Рассказывай кому другому!

Управляющий стоял жалкий, растерянно оглядывая грозную толпу.

- Ишь присмирел, как ягненок! Теперь он не хозяин, а как гнуть нас в бараний рог да штрафовать, так он первый...

- Братцы! - простонал управляющий. - Я же не хозяин.

- Серый волк тебе братец!

- А раз не хозяин, так убирайся, пока не прогнали взашей! - крикнул Антон, потрясая кулаком.

Управляющий попятился, поспешил скрыться за дубовыми дверьми парадного подъезда.

Толпа еще больше осмелела. Горячие головы подливали масла в огонь:

- Отберем землю!

- Поделим барское добро!

- На князя работать больше не будем!

Тем временем стало темнеть. Управляющий больше не

показывался. Толпа начала редеть...

Все происшедшее произвело на нас, мальчишек, огромное впечатление.

- Вот это да! Вот это разговор! Пожалуй, похлеще, чем в Нагаткине! восхищался мой дружок Яшка Тишков.

- Куда нагаткинским до наших шатрашанских! - ликовал я.

Но мне возразил татарчонок Мурадка:

- Нагаткинские выгнали управляющего и поделили имение, а наши только собираются...

- И мы выгоним. У нагаткинских что? Имение у их барина захудалое, не то что у нашего. Наш князь, поди, с царем за одним столом обедает. Неспроста в имение солдат прислали.

- Пока мужики ругались, я приметил, как управляющий все время глядел из окна и что-то на бумаге писал, - сказал мне Яшка.

- Ты это точно видел?.. - забеспокоился я.

- Вот те крест святой!.. - Яшка размашисто перекрестился.

"Надо отцу сказать", - решил я и кинулся со всех ног домой.

Мать набросилась на меня:

- И где тебя леший носит? Спать пора, а ты по улицам бегаешь!

Отец, лукаво подмигнув мне, сказал матери:

- Ничего, мать, не бранись. Мы с Ванюшкой к управляющему ходили...

Тогда я, осмелев, пересказал отцу Яншины слова. Отец не выразил никакой тревоги, пренебрежительно махнул рукой:

- А пусть себе пишет. Мы тоже не лыком шиты, сынок. - После минутной паузы, поглядев на меня уже посерьезневшим взглядом, добавил: - Запомни этот день, Ваня! Тлел, тлел в крестьянской душе уголек, пока не выдул искру. Сегодня искра, завтра - пламя!

...Много воды утекло с тех памятных дней осени 1905 года. Мне, тринадцатилетнему подростку, все тогда казалось необычным - и сход на площади, и бегство земского начальника, и толпа, бушевавшая у барского имения... В моем представлении это было исключительное, из ряда вон выходящее событие.

Не мог я тогда знать, что в тревожном 1905 году не было губернии, уезда, где бы не происходило подобного.

* * *

Немало разговоров в селе вызвал поход в имение. Кое-кто забеспокоился:

- Лучше бы нам не ступать в воду, не спросясь броду. Теперь жди расправы...

Более горячие стояли на своем:

- Негоже нам, как барсукам, прятаться по норам. Раз начали,

надо кончать!

И они стали первыми рубить барский лес, увозить снопы с помещичьего поля.

Неоднократные прошения мужиков об оформлении передачи им земли застревали где-то в губернии.

Земля и лес по-прежнему оставались помещичьими. Управляющий усилил охрану имения и строчил барину доносы на крестьян. Те в свою очередь писали жалобы на управляющего, но их жалобы оседали в канцелярии губернатора Симбирска.

И вдруг однажды ночью Шатрашаны разбудил гулкий звон церковного колокола. На ноги поднялось все село. Встревоженные крестьяне выбегали из изб.

Выскочив на улицу, я увидел за околицей огромное зарево. Народ не бежал, как обычно, с ведрами тушить пожар. Мужики спокойно стояли возле своих изб. Из разговоров я понял: горит подожженная кем-то усадьба. Она полыхала, а над селом гудел не умолкая колокол. В пламени пожара было что-то мощное и властное, а в частых ударах набата - жуткое и тревожное.

Мужики, стоявшие группами на улице, рассуждали:

- Хорошо, ветра нету, а то, смотри, и на село перебросило бы.

- Пускай горит дотла барское добро. Не горбом его барии нажил. Награбленному туда и дорога.

Мать чуть не силком увела меня в избу.

Утром стало известно, что за ночь сгорели почти все постройки усадьбы, амбары с хлебом, конюшня.

В ноябре в имение на пепелище вернулся управляющий в сопровождении казачьей сотни. Потом в село прибыл полк драгун. Шатрашаны превратились в военный лагерь. Крестьяне поутихли, старались не показываться на глаза озверевшему управляющему, обходили стороной казаков.

Но расправа все-таки началась. По указанию управляющего казаки хватали то одного, то другого и на дворе усадьбы пороли плетьми. Шли повальные обыски.

Шатрашанские парни не могли примириться с этим. Участились нападения на солдат: заманив стражника в укромное местечко, избивали его до полусмерти.

Наступила зима. Царский манифест, обещавший политические свободы, остался на бумаге. Никаких свобод народу он не принес. Даже самому темному крестьянину стало ясно, что от царя милостей не дождешься.

Мужикам запрещалось собираться группами. Облавы проводились чуть ли не каждый день. Многие из тех, кто позарился на помещичью землю, бесследно исчезли из села.

Не миновала беда и нашу избу. Одним из первых увели отца.

Он вернулся домой два дня спустя с кровоподтеками на лицо. Его допрашивал сам исправник. Когда отец отказался назвать зачинщиков схода, его избили до потери сознания.

Мы молча сидели за столом. Мать всхлипывала, а отец рассказывал:

- Приказали, чтобы я завтра привел в имение Антона и Афанасия. Ладно, говорю, приведу. Поверили и отпустили. Дураки! Ты, мать, не плачь, а собери-ка меня в дорогу. Ничего другого не придумаешь. Поживете пока без меня. А ты, Ванюша, - обратился он ко мне, - оставайся хозяином в доме, помогай матери. Антону с Афанасием тоже надо куда-нибудь податься.

У меня невольно подкатил комок к горлу, я с трудом сдержался, чтобы не заплакать. Опустив голову, чуть слышно ответил:

- Ладно, батя, не беспокойся. Не маленький, все понимаю.

Отец ласково потрепал меня за вихры:

- И отвезешь меня ты, Ванюшка.

Вот когда я почувствовал себя мужчиной.

Той же ночью мы выехали с отцом со двора. Лошадь бойко бежала по проселку. Снег поскрипывал под полозьями саней, дорога все дальше углублялась в лес. Здесь было сумрачно и жутко, стройные сосны казались еще выше, чем днем.

- Не гони коня, - сказал отец, и я слегка натянул вожжи.

Лошадь перешла на шаг. На наше счастье, мы выехали из села никем не замеченные. В морозную ночь драгуны и казаки предпочитали сидеть по теплым избам, играть в карты и пить водку.

К рассвету добрались до глухого чувашского села Тимерсяны.

- Тут и остановимся, - сказал отец и предупредил: - Смотри никому ни слова, куда ты меня отвез. Даже матери. Отдохнешь немного и с богом обратно. Да езжай другой дорогой. А если кто тебя спросит, куда ездил, скажи - на мельницу...

Я невольно загордился, что отец разговаривает со мной, как со взрослым.

Когда я вернулся домой, у нас шел обыск. Кроткая по натуре мать спокойно говорила исправнику:

- Кормилец наш еще с вечера уехал на мельницу рожь смолотить. Вон сколько у нас ртов, и каждый есть просит.

- А эта орава тоже таскала барское добро? - усмехнулся исправник.

- Да что вы, господин исправник! Куда уж им таскать-то. Сидели дома и не показывались на улицу. Хоть всю избу переверните, нигде ничего чужого не сыщете.

- Поглядим, - сказал исправник и кивнул головой двум

солдатам. Те только того и ждали. Начали переворачивать вверх дном и перетряхивать весь наш домашний скарб. Найдя несколько отцовских книг, солдаты передали их исправнику. Усевшись на скамью, он стал листать страницу за страницей. Безрезультатный обыск раздражал исправника. Он начал бранить солдат и покрикивать на мать. В суматохе я зачем-то полез под лавку. Свистнула плеть, обожгла мне спину. Я не заплакал, а только сердито вскрикнул:

- Чего дерешься?

Это еще больше разозлило исправника, и он стал наносить мне удар за ударом. Мать заголосила, упала перед исправником на колени:

- За что вы его? Он же ни в чем не виноват! Пожалейте дите малое...

Исправник отвернулся от матери и грубо сказал:

- Видно, пащенок в папашу, такой же мерзавец. Ничего не найдя - ни вещей из барской усадьбы, ни крамольной литературы, - стражники прекратили обыск.

- Приедет муж, скажи, чтобы немедленно явился ко мне! - сказал исправник матери и вместе с солдатами вышел из избы.

Мать, окруженная ребятами, сидела на скамье и смотрела невидящими глазами на разбросанные по полу вещи. Я подошел к ней, прижался и тихо произнес:

- Ничего, мама. Мы еще им припомним. Отец говорил, что правда на мужицкой стороне.

Мать подняла на меня свои усталые глаза, и я увидел в них любовь и ласку. Приободрившись, она принялась за уборку.

Долго длилась расправа над шатрашанскими крестьянами. Уже ушел из села полк драгун, уехала и часть казаков, а крестьян все допрашивали, ища зачинщиков беспорядков.

Вернулись домой отец и Антон. Их, как и других, арестовали и отдали под суд. Свыше тридцати человек были приговорены к тюремному заключению: кто на год, кто на два. Осудили и моего отца с братом.

Тюрьму битком набили мужиками. Кормили плохо, и семьям осужденных приходилось возить туда хлеб и сухари. Во время одной из таких поездок мне довелось увидеть отца. В группе заключенных он гулял по тюремному двору.

Кончилась суровая зима. Как только сошел снег с полей, шатрашанцы выехали на обработку своих крохотных клочков земли. Каждый хотел поскорее окончить весенние половые работы и пораньше уйти на заработки в город.

Мы с матерью решили, что пахать и сеять буду я.

Первую двенадцатисаженную полоску я обрабатывал

старательно и долго. Трудно было одному справляться с пахотой, а еще труднее было сеять. Помог мне сосед Сергей Чурбашкин. Увидел он, как я неумело разбрасываю семена, подошел и сказал:

- Ты, сынок, вот как рассевай: бери в руку ровную горсть семян и разбрасывай сквозь пальцы. Каждую горсть - под левую ногу.

Кончились весенние полевые работы, и большинство мужиков нашего села ушли на заработки в город. Меня тоже потянуло туда. Жаль было только расставаться с матерью. Она почернела от горя, день-деньской обливаясь слезами по отцу и Антону, сидевшим в тюрьме.

- Куда ты пойдешь, дитятко мое? - возражала мать. - Что ты можешь там заработать? Ты еще молод. Ремеслу никакому не обучен. Сам только измучишься, да и нам без тебя трудно будет. Теперь ты ведь один у нас мужик в доме. На тебя, Ванюша, вся надежда. Не оставляй нас...

Мне до слез жаль было мать, братишек и сестренок. Но иная мысль настойчиво сверлила мозг: "Иди в город, приобретай специальность, осваивай ремесло. Другие, такие же парии, как ты, уже работают слесарями, столярничают, куют железо".

Как-то на мою очередную просьбу мать устало ответила:

- Ну, раз так порешил - иди! Иди, и добрый тебе путь, сынок. Только смотри веди себя так, чтобы ничего худого не приключилось с тобой...

Мать проводила меня до околицы села, перекрестила на прощание, и зашагал я с котомкой за плечами на фабрику Протопопова, что верстах в сорока от Шатрашан. На сердце было грустно и тревожно, что-то властно тянуло назад в отчий дом. Но я шел вперед, только изредка оглядываясь на родное село.

Лишь на другой день к вечеру добрался до фабричного поселка. У конторы фабрики толпились человек двадцать парней и пожилых мужиков. Меня встретили неприязненно.

- И чего ты, малец, приперся? Нас, здоровых мужиков, не берут, а куда тебе, квелому? - буркнул костлявый, с чахоточным лицом парень. - Небось только от мамкиной сиськи, а туда же!..

Хоть и оробел я от этих слов, все же решил дождаться конторщика. Надежда попасть на фабрику не покидала меня.

Вскоре на крыльце появился мужчина в белой вышитой рубахе с карандашом за ухом и листом бумаги в руке. Он начал расспрашивать, кто такие, откуда, стал отбирать на вид самых сильных и здоровых. Отобрав десять человек, он направил их в контору, а нам безразлично бросил, что больше рабочих фабрике не нужно.

Усталый и разбитый, побрел я по улице поселка, не зная, что

делать, куда деться. Уже вечерело, а у меня не было ночлега.

У калитки красивого под жестяной крышей дома на лавочке сидела женщина и лузгала семечки. Я подошел, поздоровался и робко спросил:

- Не знаете, тетенька, где можно переночевать?

Молодуха окинула меня холодным взглядом своих серых глаз и, сплюнув шелуху, ответила с иронией:

- Много вас тут, бродяг, шляется, на всех ночлега не напасешься. У меня своих постояльцев полон дом. Вон иди к той избе, к бабке Матрене. Может, она примет. Но без денег не суйся, не пустит.

Последняя фраза меня не обеспокоила: в кармане, завернутые в тряпицу, лежали двадцать пять копеек и я считал себя богачом.

Бабка Матрена приняла меня хорошо, отнеслась участливо к первой моей неудаче и посоветовала идти к помещику Фирсову: ему нужны рабочие.

Утром, поблагодарив старуху и уплатив ей за ночлег пятак, направился в село Тагай в помещичье имение.

"Не взяли на фабрику, - думал я, - поработаю у помещика. Если у Фирсова не пристроюсь, пойду хоть на край света, а домой без денег не вернусь".

Село Тагай - богатое, сплошь пятистенки под рыжими жестяными крышами. Был воскресный день, когда я пришел туда. Празднично одетые парни и девушки прогуливались вдоль улицы. На завалинках, на бревнах сидели мужики, курили самокрутки, степенно рассуждали о видах на урожай. Я подошел к ним, спросил, далеко ли до имения Фирсова и как туда дойти.

Пожилой крестьянин в ситцевой рубахе и суконной жилетке, узнав, что я ищу работу, предложил остаться у него. Он позвал меня в дом, накормил дымящимися наваристыми щами. Я сильно проголодался и в мгновение ока расправился с полной миской. Это понравилось хозяину.

- Кто шибко ест, тот быстро и работает.

Гостеприимный хозяин пришелся мне по душе, и я стал подумывать, не остаться ли у него. От добра добра не ищут...

Мужик, будто разгадав мои мысли, снова стал уговаривать:

- Оставайся, парень. Думаешь, у Фирсова будет лучше? Небось не знаешь, какой живодер наш барин. А я тебя, как родного, приму. До Покрова поработаешь, получишь двадцать пять целковых да еще в придачу хорошие валенки. Ну что, по рукам?

Я бы остался, да уж очень не хотелось мне батрачить. У Фирсова, по рассказам бабки Матрены, своя сушилка, кузница, мастерские. Там можно специальность получить. Поэтому я сразу

не дал окончательного ответа. Сославшись на то, что мне надо побывать в имении, повидать там кое-кого из наших, шатрашанских, начал собираться в путь. Хозяин хоть и был огорчен моей настойчивостью, однако не удержался, чтобы не похвалить меня:

- А ты, парень, с характером. Люблю таких!

Поблагодарив хозяина, я вышел со двора.

В имении Фирсова действительно требовались рабочие руки, и меня сразу определили кочегаром в сушилку. Работа была несложная. Знай себе подкладывай дрова и наблюдай, чтоб котел не перегрелся. Но работать приходилось по двенадцать - четырнадцать часов в сутки. Возвращаясь из сушилки, я, не раздеваясь, валился на нары.

Однажды, подбросив дров в топку, я прилег отдохнуть и не заметил, как уснул. Сколько проспал - не знаю. Вскочил, как ужаленный, от удара. Надо мной стоял мастер. Я не сразу понял, почему он бранится. Оказывается, топка погасла, температура в котле упала, сушилка не работала...

Ну, думаю, выгонят. Но все обошлось. Правда, на следующий день мастер объявил, что меня переводят подмастерьем в кузницу. Я обрадовался.

- Плакать надо, а ты смеешься, дурак! - вскипел мастер и в сердцах сплюнул. У порога сушилки он остановился, повернулся ко мне и дал последнее наставление, пригрозив увесистым кулаком: - Да смотри и там не натвори чего-нибудь, а то я тебе быстро мозги вправлю!

Несмотря на такое грозное предупреждение, душа моя пела от радости: меня не выбросили на улицу, не лишили заработка!

В кузнице мне понравилось. Кузнец Петр Антонович Чачин был добряком и большим знатоком своего дела. Он прекрасно чинил плуги, бороны, жнейки и готов был научить меня своему ремеслу. Однако недолго проработал я в кузнице: из дому пришла весть о том, что заболела мать, младшие остались без присмотра. Пришлось взять расчет и уехать домой.

Но в родном селе я не засиделся. Едва матери полегчало, подался в Симбирск на заработки. Там проработал около года на кирпичном заводе братьев Смирновых.

По воскресным дням любил ходить с товарищами на берег Волги. Она неудержимо влекла к себе своим широким простором. Особенно красива была Волга вечером и ночью, когда шли по ней освещенные огнями пароходы. Я подолгу засиживался с дружками на крутом берегу, любуясь могучей рекой.

Мой брат Ефим, тоже работавший в Симбирске, решил со своим товарищем Сергеем Дементьевым податься в Астрахань, а

оттуда в Мумры. Уговорили и меня.

Мы отплыли из Симбирска на пароходе "Добрыня Никитич", обосновались на верхней палубе. Солнце медленно садилось за горизонт. "Добрыня Никитич" шел с креном на левый борт, далеко разбрасывая водяные брызги.

Легкий ветерок подхватывал их, мелкой росой обдавал нас.

"Добрыня" тащился как черепаха. Стояла летняя пора, мелководье, и капитану на мостике приходилось глядеть в оба: путь преграждали перекаты, крутые заструги, посреди реки белели косы-завалихи. Как ни плелся наш пароход, мне казалось, что быстроходнее его нет на Волге. Но вот позади нас появился сначала дымок, а потом силуэт "Амазонки", трехпалубного заднеколесного парохода, очень легкого на ходу. Ближе к носу у него торчали две узкие трубы, из-за чего он получил у волгарей прозвище "коза". Расстояние между нами быстро сокращалось. Наконец "Амазонка" догнала "Добрыню". Пассажиры "Амазонки" не то дружески, не то с насмешкой махали шапками и котелками. Мне было обидно за наш пароход...

Последний поворот реки - и взору открылся широкий плес, упирающийся в высокий гористый берег. Жигули! Пассажиры высыпали из кают на палубу.

Рядом со мной стояли Ефим и Сергей. Они вполголоса разговаривали.

- Приедем в Астрахань, сядем на другой пароход и через день будем в Мумрах, - говорил Ефим.

- А в Мумрах что делать будем? - спросил Сергей.

- Как что? Пойдем прямо к Ивану Елкину и к Леонтию Тюленеву, будем с ними рыбачить.

Речь шла о наших дальних родственниках, которые еще в 1900 году уехали из Шатрашан и поселились в Мумрах.

- Ничего, Сережа, - успокаивал товарища Ефим, - устроимся в Мумрах не хуже других.

Я уснул крепким сном на чистом волжском воздухе. Когда проснулся, утренняя заря уже согнала с реки туманную дымку.

Пароход стоял у большой пристани. Брата не было, он ушел в город за хлебом. Сергей готовил завтрак.

- Где стоим? - спросил я.

- Самара, - коротко ответил Сергей.

- А Самара больше нашего Симбирска? - поинтересовался я.

Сергей пренебрежительно хмыкнул:

- Сравнил! Самара - один из крупнейших волжских городов, через нее проходит железная дорога в Среднюю Азию до самого Ташкента. А Симбирск что? Дыра!

Мне даже обидно стало.

- Поди ты! Симбирск - губернский город.

- Что ж что губернский, а по сравнению с Самарой дыра...

Вернулся Ефим.

- Ну и дороговизна, - возмущался он. - Ни к чему подступиться нельзя! Ходил, ходил по базару, так ничего и не купил, кроме ситного.

Пароход дал второй гудок - и снова тяжелая волжская вода, чайки за кормой.

В Астрахань мы прибыли на пятый день. Меня поразили гомон и толчея на пристанях, вереница пароходов, курсировавших между Астраханью и Форпостом, множество рыболовецких подчалков в затоне "Балчуг".

До поселка Мумры добирались на двухпалубном пароходе общества "Братья Фадеевы".

Поселок Мумры расположен на протоке недалеко от главного русла, по которому шли суда на двенадцатифутовый рейд Каспийского моря. На промыслах в весеннюю и осеннюю путину работало до полутора-двух тысяч рабочих. Поэтому в поселке собиралось много народу.

Рыбаки днем и ночью, в любую погоду выезжали на лов и не всегда возвращались с удачей, чаще всего из-за ветхих суденышек, которые не позволяли уходить далеко в море. А если и выдавался хороший улов, все равно приходилось сдавать его за гроши хозяину.

Сначала я стал рыбачить, а потом нанялся матросом, ходил в море на лов белуги.

Навсегда мне запомнился первый выход на путину. Словно было это вчера, ясно вижу нашего работягу "Баклана". Пять суток, не снимая парусов, шел он к Апшеронскому полуострову.

Давно уже прошли рыболовецкий базар, миновали и двенадцатифутовый рейд. Впереди еще более трудный путь. Нужно пройти мимо Двух Братьев - так называли рыбаки подводные утесы, обогнуть Бирючью косу, глубоко вдававшуюся со стороны калмыцких степей в Каспийское море.

За рулем стоял лоцман Егор Бакулин.

Выбор места для установки снастей, особенно при лове белуги, имеет первостепенное значение. Опытный моряк и рыболов, Бакулин знал самые выгодные участки. Он не раз ходил на этот промысел и теперь, стоя за штурвалом, взял определенный, ведомый только ему курс. Его помощник измерял глубину, определяя дно моря. Когда прошли линию Баку - Красноводск, Бакулин приказал бросить якорь. Здесь решено было утром ставить снасть.

Рано утром вся команда - девять человек - была на ногах.

Погода выдалась тихая, безветренная. Мы снялись с якоря, подняли малый парус на фок-мачте. Бакулин перекрестился и сам бросил в море первый якорь с маяком, который определял начало выставленного порядка снастей.

На малом ходу стали выматывать снасть с востока на запад. Каждый делал свое дело: кто выбрасывал снасть, кто якорь, и к десяти часам мы благополучно выставили снастей десять - двенадцать километров.

На следующий день на тихой глади моря появились тюлени. Бакулин довольно потирал руки:

- Ну, братцы, с богом, поезжайте проверять снасть. Уверен, что улов богатый. Смотрите, тюлени играют - верный признак, что место мы выбрали хорошее.

Спустили шлюпку на воду и пошли на веслах. За старшего на лодке был помощник Бакулина Кириллов, тоже опытный моряк и рыбак.

Проверили добрую половину участка, а рыбы в сетях не оказалось. Мы приуныли, потеряли надежду на улов, и вдруг Кириллов заговорил тихо, словно боясь кого-то вспугнуть:

- Ребята, осторожнее, есть рыба, и, ей-ей, немалая!..

И действительно, мы подобрались к крупной белуге, висевшей на двух стальных крючках. Чтобы не упустить ее, дать успокоиться, стали искусно выбирать снасти, а затем ударом багра оглушили рыбину. Ну и крупная же нам попалась белуга, метра два длиной!

Весенняя путина оказалась очень удачной. Мы доставили хозяину более пятисот пудов рыбы.

А осенью я снова ушел в море. На этот раз лоцман Бакулин избрал для лова новый участок, в районе так называемого "Синего морца", на Северном Каспии.

Однажды я стоял на вахте. Мы плыли вдоль берегов Дербента. Небо было ясное, но Бакулин часто выходил из каюты, подозрительно посматривая на северо-восток.

- Ветер крепчает, - сказал он мне, - быть шторму.

Я не увидел ничего грозного в маленькой тучке на горизонте. Но Бакулин хорошо знал направление ветров и без барометра умел предугадать шторм.

Отстояв вахту, я ушел в кубрик отдыхать. Не прошло и двух часов, как разразился сильный шторм. Мы выскочили наверх, быстро положили паруса и бросили якорь. Невдалеке чернел берег. Судно, как перышко, бросало на волнах. Ветер крепчал. Канат натянулся как струна. И вдруг его точно ножом отрезало. Судно накрыло волной и быстро понесло к берегу. Оно сильно накренилось на борт. Чего доброго, и на берег не успеет

выбросить - пойдем ко дну. Мы кинулись ко второму якорю. Эти несколько минут, пока якорь не соскользнул в бушевавшую воду, показались нам вечностью.

Опасность миновала. Мы забрались в каюту, на чем свет стоит ругая хозяина за то, что он, жадюга, который уж год не меняет старые канаты.

- Наживается на нашем горбу, а нас на гибель посылает!

Долго мы ругали хозяина. Давали себе зарок больше у него не работать. Но скоро наш пыл охладел. Другой работы не было, и мы продолжали ходить в море на старой посудине с гнилой оснасткой.

Я полюбил море, оно закалило меня. Из тщедушного подростка я стал здоровым, раздавшимся в плечах парнем.

В Мумрах у меня появилось много друзей. Особенно я сдружился с Дмитрием Кавезяным, который был намного старше меня. Этот скромный, тихий человек был душой поселка. Говорили, будто живет он по чужому паспорту, так как замешан в событиях девятьсот пятого года.

Другой мой товарищ - Костя Феногенов - весельчак и песенник. Он любил напевать под саратовскую гармонь: "А я, Ванька-демократ, своей жизни я не рад". Как-то я спросил Костю, что означает эта припевка. Объяснить он мне ничего не смог. Сказал только, что слышал ее в Саратове от одного человека, которого потом сослали в Сибирь.

По вечерам в свободное от работы время рабочие и работницы часто собирались вместе. О чем бы они ни говорили, разговор возвращался к одному: сколько ни работай, как ни гни спину на хозяина-подрядчика, все равно из кабалы не вырвешься. И выходит, что труд у нас на промыслах - каторжный. Находились смельчаки, которые говорили: надо объединиться и потребовать у хозяина прибавки. Другие резонно замечали:

- Забыли девятьсот пятый, что тогда получили за такие же требования рабочие и крестьяне?

На этом наши разговоры кончались. А тот, кто вслух высказывал подобные мысли, через день-два исчезал с промысла. Подрядчик, вербовавший рабочих на промысел, был связан с полицией. Да и кроме него было немало соглядатаев, которые, как ищейки, шныряли среди нас, доносили хозяину и полиции о смутьянах.

* * *

Пять лет проплавал я на Каспии. В 1913 году вернулся в Шатрашапы, где мне предстояло призываться на военную службу.

Из Симбирска в родное село меня подвез односельчанин Бурмистров. Дорогой он сообщил скорбную весть: я остался

сиротой...

- И надо же случиться такому, - рассказывал он. - Отец твой и мать померли в один день. Сказывают, будто от чумы. Но что-то не верится... Батька твой, Владимир Евстигнеевич, после тюрьмы часто хворал. Мать тоже... Я так думаю - это нужда и горе загнали их в гроб.

С тяжелым сердцем приехал я в Шатрашаны, где в осиротевшей избе меня встретили два младших брата. Маленьких сестер не было - их отдали в приют...

"За веру, царя и отечество"

Призывная комиссия определила меня во флот на Балтику. Я, считавший себя бывалым моряком, обрадовался этому. Но меня ждало разочарование. Не знаю, из каких соображений уездный воинский начальник отменил решение комиссии и направил меня в кавалерию. После проверки политической благонадежности меня определили в 5-й драгунский полк, стоявший в Казани.

Несколько дней партия новобранцев в двести человек на крестьянских телегах тряслась по пыльному тракту из Буинска в Симбирск. Всех нас еще в Буинске разбили на группы, которые сопровождали нижние чины тех полков, куда были назначены новобранцы.

Нас, будущих воинов 5-го драгунского полка, сопровождали унтер-офицер Прокофьев и солдат Смолин. Новобранцев, записанных в уланы и гусары, вели за собой солдаты уланского и гусарского полков.

Таким образом, мы, крестьянские парни, имели возможность лицезреть кавалерийскую форму в трех "ипостасях", и, надо сказать, каждому из нас нравилась "своя". Мне, например, драгунская казалась и нарядней и осанистей, нежели форма улан или гусар.

И все же, как ни красива была кавалерийская амуниция, уже на второй день мы взирали на нее равнодушно. Каждый с тоской и тревогой думал: какова-то она будет, служба в армии, что ждет его вдали от родного дома? Многие выезжали в такую дальнюю дорогу впервые. До призыва не только в городах не были, но и в соседние деревни годами не наведывались. Однако по рассказам приезжавших на побывку или тех, у кого вышел срок службы, мы знали - нет ничего постылее, чем солдатчина.

Жители сел, через которые мы проезжали, встречали и провожали нас с жалостью: бабы плакали - ведь не минет лихая година и их сыновей, мужики тяжело вздыхали и отводили глаза в сторону.

Чтобы заглушить в себе чувство тоски по родным, по "вольной жизни", мы всю дорогу распевали песни, куражились,

хотели казаться друг другу веселыми, отчаянными парнями. А на душе у каждого кошки скребли.

На третий день нашего "тележного похода" добрались до Симбирска. Здесь нас расквартировали в манеже уланского полка.

Утром, выйдя из казармы, мы получили первый наглядный урок солдатской жизни. Шли занятия солдат второго года службы по вольтижировке. По кругу манежа галопом скакала лошадь, хлыст в руках вахмистра со свистом рассекал воздух, один раз опускался на круп коня и десять - на солдатскую спину. Мороз пробегал у нас по коже при виде такой изуверской муштры...

- Вот она, ребята, царская служба, - говорили мы между собой. - Кому рай, а кому ад кромешный. Пожалуй, в сто раз хуже, чем батрачить у богатеев или работать на заводе.

В дороге я познакомился и подружился с двумя новобранцами - Павловым и Зайнулиным. Мы все время держались вместе. Увидев издевательства вахмистра над солдатами, Зайнулин тяжело вздохнул:

- Неужто и в драгунском полку нас вот так "обучать" будут? А я ведь сам избрал службу в коннице, мечтал стать джигитом.

Особенно встревожился Павлов, грузный, страдавший одышкой. Он откровенно признался, что ему службы в армии не вынести.

- Ничего, ребята, - пытался я успокоить и ободрить своих новых друзей, - как бы ни была трудна военная служба, все мы пообвыкнем да еще такими заправскими солдатами станем. Я вот, когда нанялся матросом, первоначально боялся по палубе пройти, а потом и не заметил, как палуба для меня стала, что пол в родной избе. Уж на что Каспий неспокойное, капризное море, и то полюбил его. Научился, как кошка, лазить по вантам и по реям даже в шторм...

Когда до Казани оставались две остановки, мы, предупрежденные сопровождающими, стали готовиться к выходу. Все начали подтягивать ремни, лямки, чтобы удобнее было нести сундучки с вещами. Матери, сестры, а у иных и жены не пожалели для нас ничего, собрали последнее, чтобы мы ни в чем не нуждались первое время.

- А ты, Зайнулин, шашку и коня с собой, случайно, не прихватил? смеялись мы, увидев, как Зайнулин подгоняет на себе большую солидного веса кладь.

- Да, братцы, только коня да шашки недостает, остальное все при мне. Хватит на пять лет службы, - отвечал он с улыбкой.

В Казань прибыли поздно вечером. Быстро высыпали на перрон. В темноте толкались и суетились у вагонов, громко окликали друг друга, боясь потерять товарищей, с которыми

подружились в дороге. Сопровождающий нас унтер-офицер, из тех, которых в армии называют "кадровая шкура", поторапливал нас, и кое-кому из наиболее медлительных и нерасторопных досталось от него по шее. Унтеру хотелось поскорее сбыть нас с рук дежурному офицеру, прибывшему из полка для встречи пополнения.

Подали команду "Смирно", а мы все еще не успели построиться. В темноте слышно было, как дежурный офицер со злобой отчитывал унтера: "Что за безобразие творится?" Его ругань внесла еще большее замешательство в наши ряды. Наконец мы кое-как построились, рассчитались на "первый-второй" и, взвалив на плечи сундучки, потопали в казармы на окраину города, к озеру Кабан.

Новые казармы драгунского полка в сравнении с деревенскими хатами показались нам дворцами. Служба же в этих "дворцах", как мы убедились вскоре, была не сладкой.

Первым делом всех нас разбили по эскадронам. Меня, Павлова и Зайнулина определили в первый эскадрон.

В то время Казанским военным округом командовал генерал Сандецкий. О нем ходила недобрая молва. Нам рассказывали, с какой изощренностью расправляется этот изувер с нижними чинами.

Надев солдатскую форму, мы должны были усвоить назубок нерушимые правила: не прекословь офицеру, ешь глазами начальство, ежели ты вышел в город, ходи по мостовой - тротуар не для солдата, и боже тебя упаси зайти в парк или городской сад - солдатской "серятине" там гулять запрещено. Малейшее нарушение этих правил грозило зуботычиной, гауптвахтой, а то и шомполами.

Особенно доставалось от гарнизонных служак генерала Сандецкого молодым, еще не освоившимся солдатам. Кстати сказать, я как следует разглядел Казань лишь после того, как прослужил в полку зиму. Вышел в первый раз из казармы, вроде как из тюрьмы, к тому же с "прицепом" - в сопровождении бывалого солдата. По издавна установившемуся неписаному закону молодой солдат обязан был отблагодарить сопровождающего - выложить деньги на выпивку "няньке". Какое удовольствие от такой прогулки? Ходили мы по грязным закоулкам города, и, кроме кабака да осевших хибарок с подслеповатыми оконцами, я ничего не увидел.

Отбывая карантин, мы приглядывались к офицерам полка, под начальством которых нам предстояло служить.

В кавалерийских частях, в том числе и в нашем 5-м Каргопольском драгунском полку, было много офицеров из

"благородных", из дворянской знати: князь Кропоткин, князь Абхазии, барон Корф... Все они произвели на нас, новобранцев, тягостное впечатление.

- Ну, ребята, - делились мы впечатлениями, - достанется нам от их "благородий".

Этот разговор услышал старый солдат - мой земляк Командин.

- "Их благородия" вы редко будете видеть, - сказал он, - с вами будут заниматься унтер-офицеры. Но иные из них, особенно сверхсрочной службы, почище офицеров мордуют нашего брата.

Ничего себе, успокоил! Через три недели после прибытия в полк мы убедились, насколько мой земляк был прав. Унтеры не давали нам вздохнуть. Только одна уборка коней занимала пять часов, да к ним еще семь часов конностроевых занятий. Весь день мы носились как угорелые из казармы в конюшню, из конюшни в казарму, из казармы на плац, с плаца в манеж и так до отбоя. Но это еще можно было вынести. Мы и дома привыкли работать от зари до зари. Куда труднее обстояло дело с обучением. Тяжело давалась нам конная подготовка. До выхода из казармы взводный унтер-офицер намечал для каждого из нас коня.

- Ты, Тюленев, поседлай Гвардейца, ты, Зайнулин, - Гордого...

Кони по масти были все одинаковые, их трудно было различить. Многие из нас часто путали их, седлали не тех коней, которых назначал взводный. А за это - ругань, насмешка или удар хлыстом. И совсем мука, когда тебе доставался Трясучий, плохо выезженный конь. Поскольку первое время верховая езда практиковалась без стремян, новобранцы до крови натирали себе шенкеля, мешком плюхались на землю.

Павлов, с которым мы вместе прибыли в полк, не выдержал: через два месяца бежал в лютую стужу, заночевал где-то в стогу сена. Его нашли с отмороженными ногами. Началась гангрена. В лазарете ему ампутировали обе ноги. Через полгода он был отправлен домой.

Немало времени уходило у нас на изучение истории полка, вызубривание титулов высочайших особ, генералов и офицеров всех рангов. Этим мы занимались по вечерам.

Наш полк был сформирован в мае 1907 года и получил наименование Каргопольский драгунский полк. Была у нас и своя любимая полковая песня. Возвращаясь в казармы с полевых учений, драгуны лихо распевали:

Когда войска Наполеона
Пришли из западных сторон,
Был авангард Багратиона
Судьбой на гибель обречен.

Бой закипел и продолжался
Все горячей и горячей.
Людскою кровью напитался,
Краснел шенграбенский ручей.
Так свято ж помните об этом
На предстоящем вам пути.
И будет пусть у вас заветом:
Пять против тридцати!

Природа меня не обидела здоровьем, а поэтому служба в коннице не казалась мне невыносимо тяжелой. Я хорошо владел оружием, был неплохим гимнастом. Наверно, поэтому сразу же после присяги меня направили в учебную команду.

В 1914 году наш полк отправился походным порядком в лагеря на маневры. На всем пути от Казани до Симбирска проводились полевые учения - ни часу передышки! Старые солдаты по этому поводу говорили:

- Неспроста это, братцы. Видать, к войне...

Вызывало беспокойство и то, что была задержана очередная демобилизация. В народе тоже поговаривали, что война не за горами. Крестьяне осторожно спрашивали у солдат: не на войну ли идет полк? Я, как и другие солдаты, не знал, что отвечать крестьянам. Да и разговаривать на эту тему было опасно.

В конце июля наша кавалерийская дивизия расположилась биваком в селе Часовня, на левом берегу Волги.

Жизнь в лагерях ничем не отличалась от казарменной. Ежедневно проводились совместные учения пяти полков, одной пулеметной команды и двух артиллерийских батарей. Они сводились главным образом к отработке конных атак. Эскадроны и полки сходились в "атаку", начальство то благодарило нас за лихость, то распекало за отсутствие равнения в строю.

В лагерях мы жили, отрезанные от внешнего мира, варились в своем солдатском котле. О том, что происходило на белом свете, узнавали из писем, проштемпелеванных цензурой.

В один из июльских дней я остался в наряде. Эскадрон в 7 часов утра ушел на полевые занятия. Убрав казармы и конюшни, я уселся отдохнуть на пригорке, откуда хорошо были видны река, железнодорожный мост, перекинутый через Волгу. Любуясь Волгой, я невольно вспомнил Каспийское море, своих прежних товарищей. Предавшись воспоминаниям, не заметил, как ко мне подошел дежурный по эскадрону унтер-офицер Алтухов. Он набросился на меня с кулаками, начал кричать, называть бездельником. Я стал оправдываться - ведь никакой вины за мной не было. Алтухов еще больше разъярился, угрожал доложить начальству. Не знаю, чем кончилась бы для меня эта стычка с

дежурным, если бы вдруг с улицы не грянуло громовое "ура".

- Что за чертовщина? - изумился Алтухов. - Почему орут "ура"? Неужели село "атакуют"?

Дежурный ушел в канцелярию узнать, почему эскадрон так рано возвратился с учения.

Крики "ура" не смолкали.

"Что же там происходит?" - подумал я и побежал открыть ворота. Офицеры эскадрона галопом разъехались по своим квартирам, а солдаты с шумом заполнили двор.

- В чем дело, ребята?

- Разве не знаешь? Война! Война объявлена! Нас генерал Мориц с походом поздравил. Сегодня же грузимся в вагоны и возвращаемся на зимние квартиры!

Взводный торопил сборы. Солдаты забегали, как муравьи, собирая в кучу вьюки, укладывая свои пожитки. А вечером мы уже погрузились в железнодорожные вагоны.

Я с тревогой подумал, что пришла пора и моим братьям, старшему Антону и младшему Андрею, покинуть отчий дом.

А Зайнулин ни о чем другом думать не мог, как о своей лошаденке. Он то и дело приставал к Гилеву:

- Заберут мою лошадь или нет?

Гилев отвечал:

- Если подходит по всем конским статьям для кавалерии, обязательно реквизируют.

Зашел разговор и на самую ходкую тему - о господах офицерах.

- Не верю я князьям и дворянам, продадут, как в японскую войну генерал Стессель продал Порт-Артур, - говорил Гилев.

Зайнулин, ненавидевший полковника Шмидта, поддержал Гилева:

- Разве может волк волка съесть? Не захочет немец Шмидт драться против своих...

Поезд неожиданно остановился. Мы испуганно переглянулись: уж не подслушал ли кто наш разговор? Думали, вот сейчас в вагон войдет полковник Шмидт или кто-нибудь другой из офицеров, и тогда не миновать шомполов.

Кто-то несмело выглянул. Оказалось, поезд остановился на разъезде, пропуская санитарную летучку. Никому из офицеров в этот час не было до нас дела, и мы вновь стали говорить о войне, о том, что нас ждет на позициях. Меньше десяти лет прошло со времени русско-японской войны, в которой царская армия потерпела позорное поражение. Невольно приходило на ум: тогда нас Япония одолела, а ведь Германия с Австрией куда сильнее!

- Да, братва, вряд ли нам устоять в этой войне с нашими

офицерами-белоручками, - раздался чей-то голос позади меня. - Им не воевать, а только пировать. К примеру, наш командир полка генерал Ильяшевич. Какой из него вояка! Когда он на коне, все одно что мешок с отрубями. В пенсне ничего кругом себя не видит...

Поезд остановился на станции Бугульма. В вагон зашел взводный, поручик Бжизицкий, поздоровался наигранно-бодро:

- Здорово, молодцы! Как устроились?

- Ничего, вашбродь, - хором ответили солдаты.

Набравшись храбрости, один из солдат спросил:

- Ваше благородие, по какому такому случаю война объявлена и долго ли она будет продолжаться?

Бжизицкий степенно ответил:

- Войну государь объявил Вильгельму потому, что немцы и австрийцы обижают братьев славян. А долго ли ей длиться, - он помолчал, будто прикидывая в уме, и закончил уверенно, - месяцев шесть пройдет, к зиме покончим с пруссаками.

Солдат Гилев, видя, что офицер охотно отвечает на вопросы, тоже вступил в разговор:

- Ваше благородие, помню я, когда мы с японцем начали воевать, нам тоже говорили: больше полгода войне не быть, мы их шапками закидаем. А вышло так, что по мы их, а они нас...

Бжизицкий нервно протер пенсне, в упор уставился на Гилева, будто видел его впервые, затем грозно отрезал:

- Чтоб я больше таких разговоров в своем взводе не слышал! - Круто повернулся и был таков.

Утром мы из вагонов видели, как по дорогам потянулись вереницы крестьянских подвод с мобилизованными.

Сборы на зимних квартирах в Казани были недолгими. Через сутки мы уже снова сидели в вагонах. Наш воинский поезд на всех парах несся на запад. На остановках без разрешения нельзя было выходить из вагонов. Нашему эшелону оказали "честь": два раза посылали эскадрон на усмирение взбунтовавшихся мобилизованных солдат на станциях Минск и Белосток.

Под Белостоком на каком-то полустанке наш полк выгрузился и походным порядком двинулся на Варшаву. Эта неожиданная высадка вызвала среди солдат много разных толков: одни говорили, что дальше двигаться по железной дороге нельзя, потому что в небе появились немецкие дирижабли, другие уверяли, что немец уже близко, подходит к Варшаве.

В действительности же все объяснялось гораздо проще: надо было срочно высвободить вагоны для переброски на фронт других частей.

Еще в пути поползли среди солдат слухи о том, что у нас

мало орудий, пулеметов и даже винтовок.

- Коли оружия нет, шапками немца забросаем, - высказался какой-то шутник.

В Варшаве наша 5-я кавалерийская дивизия с неделю простояла на отдыхе.

Газеты скупо освещали положение на фронтах. Но солдаты знали больше того, что писалось в газетах: наши войска на юге отходили к Иван-Городу и Варшаве.

В первый месяц войны нас обрадовали успехи 1-й армии Ренненкампфа. Она вторглась в Восточную Пруссию. Газеты восторженно писали, что враг бежит. Однако эти успехи были временными и незначительными. Вскоре пришли другие, более достоверные, но невеселые вести: немец нас лупит на всех фронтах. "Прославленного" генерала Ренненкампфа назвали немецким шпионом.

Из Варшавы кавдивизия выступила в район местечка Ново-Място на реке Пилице. Здесь произошел наш первый бой.

Сначала драгуны атаковали немецкий батальон велосипедистов, захватив с полсотни пленных. Начальство поспешило раздуть этот боевой успех, выдать его за крупную победу. Затем дивизия вышла в район местечка Погребище во фланг и тыл немецкой пехотной бригаде ландштурма.

Целый день полки готовились к атаке, но она так и не состоялась. Произошли мелкие стычки, и немецкая бригада ретировалась. А наш командир дивизии барон фон Мориц, вместо того чтобы стремительно преследовать противника, вернул полки в исходное положение за Пилицу. Бригада смогла преспокойно оторваться и уйти от преследования. За эту "операцию" фон Мориц был отстранен от командования дивизией. Его преемником стал генерал Чайковский. Но он, как и Мориц, не блистал ни умом, ни военными знаниями. В этом мы убедились в первом же бою под его командованием.

А произошло вот что. На город Сандомир наступала пехота - Тульский полк. Одного этого полка было мало для того, чтобы прорвать сильно укрепленные позиции врага. Надо было немедленно ввести в бой для поддержки Тульского полка нашу кавдивизию, стоявшую во втором эшелоне. Все мы ждали, что приказ об этом вот-вот поступит. Но Чайковский не спешил, хотя прекрасно знал, что пехотинцы истекают кровью и их атака может захлебнуться. Тогда солдаты драгунского полка, не дожидаясь приказа сверху, сами перешли в наступление. Немцы были оттеснены, и мы заняли город Сандомир.

После этого боя солдаты стали вслух высказывать недовольство новым командиром дивизии, дескать, сменили

кукушку на ястреба, да и тот оказался петухом.

- Ну, братцы, с таким начальством не до жиру, быть бы живу, - говорил солдат Блажевич.

Весь 1914 год наш полк бесцельно колесил по полям Западной Польши, а враг тем временем продолжал наступать.

Мы больше не верили в то, что война скоро закончится, и совсем уже перестали верить в ее успешный исход. Падала в полку дисциплина, солдаты все чаще роптали, поминали недобрым словом самодержца, затеявшего эту бессмысленную бойню.

Однажды в район деревни Вулька от нашего взвода был выслан дозор, который должен был разведать, не занят ли противником ближайший населенный пункт. Разъезд остановился в лощине, оружие у всех нас было наготове. Дозор подал знак, что деревня свободна. Но когда мы стали входить в нее, нас неожиданно атаковал взвод немецких улан. Они с гиком и свистом скакали навстречу нам по деревенской улице. Офицер Бжизицкий поспешно подал команду "Направо кругом", т. е. отходить, и первый повернул коня.

Но мы не выполнили приказа взводного. Надоело нам то и дело бегать от врага. Как-то само по себе получилось, что мы пришпорили коней и бросились на атакующих немцев. Те, не ожидая контратаки, дрогнули. Трое немцев, остановив коней на всем скаку, вылетели из седел. Мы стали преследовать улан, захватили еще пленных. Когда вернулись на исходную позицию, офицера Бжизицкого в лощине не было. "Куда оп запропастился?" - ломали мы голову. Посовещались, перекурили и вдруг видим - на высоте маячат всадники. Подумали, что немцы снова изготовились к бою. Оказалось, это наш командир взвода Бжизицкий с двумя солдатами. Отсюда, с горки, он наблюдал, как мы контратаковали немецких улан. Увидев, что опасность миновала, Бжизицкий спокойно подъехал к нам.

- Ваше благородие, - доложил я ему честь по чести, - вышибли мы из деревни немцев, взяли пленных и трофеи. - И не удержался, чтобы не высказать то, что думал каждый из нас: - Атаковали бы всем взводом, еще больше взяли бы пленных.

Этот бой Бжизицкий расписал в полку так. что нам никто проходу не давал, все дивились нашему геройству. А ведь геройства-то никакого и не было.

Наступала суровая зима 1915 года.

Из запасного полка начали прибывать маршевые эскадроны для пополнения. Прибывающие солдаты, в основном уже немолодые, привозили из тыла нерадостные вести:

- Вот вы воюете здесь, а семьи ваши разоряются. Идет только

первый год войны, а на Волге народу жрать нечего, все под чистую забирают. Наживаются на войне одни буржуи...

Слушали мы их с тоской и гневом и думали, когда же кончится эта проклятая война да и многие ли из нас вернутся домой.

Между тем война из маневренной превратилась в окопную. Конницу спешили и посадили в окопы. 5-й кавдивизии отвели участок обороны на реке Бзура. Каждую неделю кавалерийские полки сменяли в окопах друг Друга.

Весна в том году выдалась ранняя. Трудно сказать, почему кавалерийское начальство решило в свободное время проводить конные строевые занятия, вроде мы не на фронте, а в летних лагерях.

Запомнился мне вопиющий случай офицерского самоуправства, который произошел на одном из таких занятий в 4-м эскадроне.

Эскадрон рассыпался в цепь, или, говоря по-казачьи, в лаву. Один из солдат, не помню его фамилии, несколько отстал от цепи. Тогда к нему подскочил поручик Жилиговский и ударил клинком по спине. Этого ему, видимо, показалось мало. Офицер на скаку ткнул солдату в спину клинок и заколол насмерть. В полку поднялся ропот, солдаты потребовали наказания убийцы. Однако дело замяли, а Жилиговского лишь перевели в другой полк.

В 1915 году 5-я кавдивизия была переброшена с Юго-Западного фронта на Западный, в район Поневеж - Шавли.

Положение на Западном фронте из-за разгрома самсоновской армии и отхода армии Ренненкампфа сложилось тяжелое. Союзники тоже терпели поражение. Прошел слух, что французы запросили у царя Николая русские войска для посылки во Францию.

Мы только руками разводили:

- Ну вот, довоевались! У самих плохо, а тут помогай французу. Видать, русским солдатом хотят все дыры заткнуть.

...Под городом Поневежем эшелон остановился: оказалось, противник перерезал нам путь.

Не успел эскадрон полностью выгрузиться, как мы услышали сигнал боевой тревоги. К командиру эскадрона подскакал ординарец полка.

- В двух километрах северо-западнее железнодорожной станции противник, - сообщил он. - Эскадрону приказано его атаковать. Правее наступает 2-й, а левее 5-й эскадроны.

- Шашки вон, пики к бою! - подал команду ротмистр Козлов.

Эскадрон на рысях стал выдвигаться навстречу врагу. Над

колонной разорвался шрапнельный снаряд. На левом фланге несколько впереди нас послышались крики "ура". Наш эскадрон развернутым строем перешел в галоп, и вот мы уже увидели перед собой колонну противника, которая, по-видимому, собиралась ударить во фланг нашего соседа слева.

С криками "ура" мы бросились на немцев. Атака была молниеносной. Противник не выдержал и начал беспорядочно отступать. На поле боя остались два орудия и другие военные трофеи.

Об этом бое под Поневежем было много разговоров, особенно среди солдат. Разгоряченные успехом, они шутили:

- Будем так воевать, погоним колбасников до самого Берлина!

Кто-то даже похвалил нашего дивизионного командира:

- А ведь наш-то Чайковский, генерал, научился воевать!

В ответ раздался насмешливый голос обо всем осведомленного Гилева:

- Научился! Как бы не так. Лез он из кожи вон, потому что в этом районе его имение. А мы-то, дураки, за его имение на смерть шли...

- А и правда! Под городом Сандомиром, помните, ребята, он, гадюка, не хотел помочь нашей пехоте, по его вино много там полегло нашего брата, поддержал его старый солдат Кулешов. - А за свое добро он хорошо воюет!

В разговор включился солдат Исаев, прибывший к нам с маршевым пополнением. Человек он был начитанный, грамотный, из петроградских рабочих.

- Будет вам, ребята, зря болтать. Разговорами делу не поможешь. Придет время, а оно не за горами, тогда смотри не дремли. Припомним все Чайковскому и кое-кому другому.

Разговор прекратился с появлением поручика Бжизицкого.

- Здравствуйте, братцы! - Он уселся на услужливо подставленный ему унтером Алтуховым стул. - А что, здорово мы немцев поколотили?

- Да, ваше благородие. Почаще бы их так. Но что-то у нас не всегда получается, - ответил я за всех.

- Как не получается, Тюленев, или вы не слышали из газет, как наши доблестные войска взяли крепость Перемышль?

- Так то оно так, но ведь и мы целую армию генерала Самсонова в Восточной Пруссии потеряли.

В последнее время офицеры стали относиться к подобным разговорам снисходительней, вероятно, потому, что в действующей армии усилилось брожение, недовольство затянувшейся войной, военными неудачами.

Бжизицкий, протирая платком стекла пенсне, ответил

заученными, истертыми, как старые пятаки, словами:

- На войне, братцы, бывают успехи и неудачи. Наше дело солдатское, мы призваны воевать за веру, царя и отечество. За богом молитва, а за царем служба не пропадут. Уверен, что солдаты моего четвертого взвода вернутся после войны домой увешанные крестами.

Когда он ушел, Гилев, весело прищурившись, уставился на Зайнулина, словно уже видел всю его широкую грудь в георгиевских крестах.

- А ведь вам, магометанам, по вере вашей кресты не положено носить, поддел он Зайнулина. - Куда же ты тогда кресты денешь?

- Нельзя носить крест на шее, а на груди коран не запрещает, невозмутимо ответил Зайнулин. - А если уж правду говорить, то царская награда ничего солдату не дает.

- Это верно. Знал я одного земляка, который с японской войны вернулся с тремя Георгиями, - поддержал Зайнулина Исаев. - А в девятьсот пятом году стражники не посмотрели на его царские кресты, вместе с другими мужиками так выпороли, что он скоро богу душу отдал.

Зачадив самокруткой, Исаев продолжал:

- Одному достанется серебряный крест, а тысячам - деревянный на погосте. Война кому нужна? Царю да генералам, вроде нашего Чайковского. А нам она на что? Земли прибавит? Самое большее - три аршина... Да, кому война мачеха, а кому мать родная. Второй год гнием в окопах, кормим вшей, а дома разруха, голод. Останешься жив, вернешься с Георгием, много ли он тебе в хозяйстве прибавит, ежели у тебя грош в кармане да вошь на аркане.

Исаев поглядел на нас умным проницательным взглядом и, понизив голос, сказал:

- Уж коли воевать, то не с немцами, а со своими шкурорванцами, которые из нас кровь сосут. Как говорится, повернуть дышло, превратить войну империалистическую в войну с помещиками и фабрикантами.

Солдаты зашумели.

- Ну, Исаич, тут ты загнул! Обернуть одну войну в другую?! Да ты с ума спятил! Сколько же лет тогда нам воевать? Нам и эта война обрыдла...

Исаев приложил палец к губам:

- Товарищи, прошу об этом разговоре ни гугу. Объяснить я точно все не могу, но среди рабочих такой слух в Петрограде ходит. Сам слышал на Путиловском заводе перед отправкой на фронт.

Исаев перевел разговор на другую тему. Мы были уверены,

что он не все нам сказал, что он знает больше, по нам, слабо разбирающимся в политике, пока не говорит. Позже я убедился, что именно так и было.

* * *

После нескольких удачных боев под городом Шавли и местечком Свинтяны наши войска к осени 1915 года начали вновь отходить. Конницу спешили, опять загнали в окопы.

На этот раз наш полк занял позицию по реке Дубице.

Всю зиму и весну на нашем участке было спокойно: ни немцы нас не беспокоили, ни мы их. Лишь изредка пушки с обеих сторон вступали в артиллерийскую дуэль, и время от времени уходили за переднюю линию окопов лазутчики.

Летом же 1916 года фронт словно пробудился от зимней спячки. Немцы перешли в наступление. Мы их встретили сильным ружейным огнем, но наши пушки молчали - не было снарядов. Артиллерийский огонь противника за несколько часов сровнял с землей наши окопы. Остатки полка стали отходить за Двину.

Драгунский полк из шестиэскадронного стал четырехэскадронным: по два эскадрона из каждого полка перевели в пехоту.

В дивизию приехал новый командир - генерал Скоропадский. Мы уже не удивлялись смене начальства, привыкли, что после каждого поражения смещали одного, назначали другого и чаще всего, как говорится, меняли шило на мыло.

...Стояла дождливая осень 1916 года. Наш полк сменила в окопах пехота. Мы же готовились к торжественной встрече самодержца, который принял на себя верховное командование. По этому случаю в частях служились молебны о даровании русскому воинству победы.

Две недели мы лихорадочно готовились к встрече царя: выводили вшей, чистили амуницию, снаряжение и втихомолку проклинали Николая, суматоху, вызванную его предстоящим приездом.

В один из погожих осенних дней царь прибыл на фронт. Под Двинском был назначен большой парад войск 5-й армии, которой командовал генерал Плеве.

Полки вывели на гладкую, как плешь, равнину. Конницу в составе двух дивизий построили во взводно-резервных колоннах.

Выезжая на парад, мы шутливо перемигивались:

- Посмотрим, какой он из себя - наш бог на расейской земле.

Вдали показалась вереница автомобилей.

С правого фланга перекатами донеслась до нас команда "Равнение направо". Появилась группа всадников. Она манежным галопом подъезжала к правому флангу. Впереди скакал Николай

Второй. Рядом с ним - министр двора Фредерикс и командующий 5-й армией Плеве.

Прозвучало тихое, неуверенное, картавое:

- Здорово, дети-каргопольцы!

Бледное, болезненно-испитое лицо царя-полковника, щуплая фигурка, вялость в движениях, штатская посадка на коне разочаровали даже тех, кто последние дни не ел, не пил - скорее бы увидеть самодержца всея Руси.

- Ну и папаша, ну и отец... - подталкивали мы локтями друг друга. Теперь понятно, почему Гришка Распутин да немцы, дружки царицы, управляют страной. Да какой же из него главнокомандующий? Пропала матушка-Россия!

Шли месяцы, а конца войне не было видно. Позиции, окопы, гнилая вода под ногами, стужа...

Наступал 1917 год.

По окопам поползли слухи о дворцовом перевороте, об убийстве Распутина, о бунте матросов на Балтике.

Солдаты чутко ко всему прислушивались, ждали больших перемен, хоть и не знали, с какой стороны они придут.

А война шла своим чередом. Немецкие и русские солдаты, зарывшись, как кроты, в землю по обоим берегам Двины, тянули осточертевшую лямку окопной жизни. По временам то на одном, то на другом участке тишину разрывала пулеметная и ружейная стрельба.

Двина была скована льдом. На пустынной ледяной глади лишь кое-где бугрились плохо замаскированные мины. Впереди наших окопов тянулось проволочное заграждение в три кола.

Дежурные части, часовые и подчаски в окопах и на командных пунктах вели тщательное наблюдение за противником. Обо всем замеченном на другом берегу Двины делались записи в журналы наблюдения.

Зима в тот год стояла в Прибалтике холодная, со снежными метелями. Чтобы не обморозиться, солдаты сменялись на постах каждые один-два часа. Треть эскадрона сидела в окопах, остальные грелись в землянках, дожидаясь своей очереди сменить товарищей.

Время от времени в непосредственной близости от наших окопов и землянок рвались снаряды. Смерть вырывала из наших рядов то одного, то другого. Глядя на носилки, покрытые окровавленной шинелью, мы невольно с тоской думали: кто следующий, кого ждет такая же участь?

В зимние длинные ночи особенно мучительно стынуть в окопах. Чтобы как-то скоротать время до утра, мы зарывались в гнилую солому и, тесно прижавшись друг к другу, рассказывали

всякие были и небылицы, предавались воспоминаниям о далекой мирной жизни.

В каждой землянке имелся свой признанный рассказчик, которого слушали с особой охотой. Был и у нас такой - пожилой солдат Кулешов, прибывший к нам в полк с маршевым эскадроном.

Мне запомнился один из его рассказов, образец солдатского фольклора. Байка эта называлась "От чего пошла война России с германцем".

Обычно Кулешов начинал ее так:

- Вот вы, братцы, спрашиваете, с чего пошла нонешняя заваруха? Ежели совру, поправьте, но, сказывают, накликал войну не бог, не царь, а... Впрочем, давайте уж начну по порядку...

И рассказывал не спеша Кулешов про Ваську-мудреца, сумевшего перехитрить мудреца немецкого, из-за чего кайзер Вильгельм, разгневавшись, объявил войну России.

Однажды, когда Кулешов закончил свой рассказ, Исаев, усмехнувшись, сказал:

- Хороша твоя сказка, только для малых ребятишек она. И придумали ее царские холуи, чтобы голову народу заморочить. А вот я тебе не сказку расскажу, а саму правду-матку.

Он расстегнул шинель, пошарил в нагрудном кармане гимнастерки, извлек оттуда сложенный вчетверо, потертый на сгибах газетный лист и со словами "Слушайте да мотайте себе на ус!" начал читать:

Нам в бой идти приказано:
"За землю сгиньте честно!"
За землю? Чью? Не сказано.
Помещичью, известно.
Нам в бой идти приказано:
"Да здравствует свобода!"
Свобода? Чья? Не сказано.
Но только не народа.
Нам в бой идти приказано:
"Союзных ради наций".
А главного не сказано:
Чьих ради ассигнаций?
Кому война - заплатушки,
Кому - мильон прибытку.
Доколе ж нам, братушки,
Терпеть такую пытку?

- И это в газете пропечатано? - изумился Кулешов. - Да ведь это же крамола - против царя, против министров!

- Эх, ты, дурья голова, - опять усмехнулся Исаев. - Газета

газете рознь.

Он поднес газетный лист к глазам Кулешова:

- Читай, если грамотный. Видишь буквы: РСДРП. Понял? И сложил эти стихи наш брат солдат, помудрее твоего Васьки-мудреца.

Признаться, мне, молодому солдату, не очень разбиравшемуся в политике, больше пришлись по душе стихи, прочитанные Исаевым, чем сказка Кулешова. Занозой засели в голове горькие, гневные строки:

Доколе ж нам, братушки,
Терпеть такую пытку?
За власть Советов
Стоял март 1917 года...

Политические новости доходили до нас скупо. Хотя и принято считать, что солдат обо всем узнает раньше своих командиров, но мы даже в марте ничего толком не слыхали о Февральской революции. Только понимали, что офицеры нервничают не зря. Кое-кто из драгун объяснял это тем, что офицеры в долгу перед нами: из нашего фронтового приварка воровалась крупа, деньги за которую офицеры клали себе в карман. Солдаты поумнее, такие, как Исаев, говорили, что дело не в крупе: ведь обкрадывали нас уже не первый год, и до последнего времени это не мешало офицерам смотреть на нас свысока, без зазрения совести. Значит, причина в другом, в чем-то более важном. Но в чем?

Тут как раз подошел срок очередной смены. Драгун отвели из окопов в тыл на отдых, а наше место занял другой полк дивизии. Нас разместили в уединенном поместье, далеко от железной дороги. Глухомань...

Радио тогда не было, газет мы не получали. Единственный источник информации - полевой телефон. Обычно новости сообщали нам штабные телефонисты или дежурные по подразделениям. Но тут, как назло, сколько ни подслушивали солдаты телефонные разговоры, ничего узнать не удалось: офицеры говорили больше по-французски, а если по-русски, то "темнили".

Однажды - это было десятого марта по старому стилю - сидели мы на бревне в расположении полка, курили махру и ломали голову, как бы разжиться "разведданными" о событиях в тылу. Видим, едет наш эскадронный фуражир по направлению к железной дороге.

- На станцию?

- На станцию.

- Обожди минутку!

Мы быстро посовещались, потом я подошел к фуражиру, дал ему три рубля и попросил купить, сколько бы ни стоило, газеты. Фуражир уехал.

Надо сказать, три рубля для солдата были большие деньги, если учесть, что его месячное денежное довольствие составляло пятьдесят копеек. Я же, как полный георгиевский кавалер, получал за свои четыре креста двенадцать рублей в месяц и считался в эскадроне богачом.

Кажется, в этот день мы не ели, не пили в ожидании фуражира. Наконец он приехал.

- Нате вашу газетку. Только на самокрутки она и годится, а спекулянт за нее целковый содрал!

Теперь, пятьдесят с лишним лет спустя, я уже не помню, что это была за газета, выветрилось из памяти ее название, да и не в названии дело. Но хорошо помню, как прочитали мы в ней: "2 марта Николай Второй Романов отрекся от престола в пользу своего брата Михаила". Ниже сообщалось: "Михаил также отрекся от престола на следующий день, третьего марта".

"Что это значит? Как отрекся, почему отрекся? Не по доброй же воле оставил престол?" Все перемешалось в голове. Кто объяснит, где собака зарыта? К кому пойти?

Посовещавшись, я и еще несколько солдат решили обратиться к нашему эскадронному командиру Козлову. Это был неразговорчивый и строгий служака, но солдаты уважали его за справедливость.

Встретил нас Козлов хмуро. На первый же вопрос ответил вопросом:

- Откуда узнали?

Показали ему газету. Эскадронный посмотрел на нас исподлобья, поджал тонкие губы:

- Это все - высокая политика. Я человек военный, в политику не вмешиваюсь. И вам не советую...

С тем мы и ушли.

На следующий день нам удалось раздобыть новую газету. Хоть и туманно было там написано, но поняли мы, что в Питере произошли важные события. Короче говоря, революция! Что это означало, мы тогда еще себе плохо представляли, но пришли к одному выводу: хуже, чем при царе, не будет.

Среди нас, кавалеристов, не было большевиков, может быть, один только Исаев. Но ветер свободы, гулявший по России, залетел и в нашу глухомань. Все сразу решили: надо что-то делать, действовать! Стремление это было еще не осознанным, возникло оно стихийно.

Однажды собрались мы на лужайке, смотрим друг на друга, и

кому-то бросилось в глаза, что очень уж много среди нас георгиевских кавалеров. На кого ни поглядишь - то медаль на груди, то крест, два креста, а то и полный набор - все четыре. И не удивительно: не один год воевал наш полк.

И опять верную мысль высказал Исаев: раз царя больше нет, долой царские регалии!

- Не выбрасывать же кресты, - возразил Исаеву Кулешов. - Как-никак серебро да золото.

- Зачем выбрасывать? Пожертвуем их в фонд революции, - предложил Исаев.

Сказано - сделано. Кто-то притащил мешок, и здесь же, на лужайке, в него посыпались георгиевские кресты и медали. Это был наш первый отклик на революционные события.

Отныне мы заботились главным образом о том, чтобы раздобыть газеты. Каждый день мы снаряжали на станцию посыльного, и он приносил все, что удавалось там найти. Обычно это были зачитанные, уже прошедшие через многие руки газетные листы.

Так как газеты попадались разных партий - и кадетов, и меньшевиков, события в каждой из них толковались по-своему, оттого и сумбур в наших головах был еще больший.

Однажды встречаю Константина Рокоссовского - он служил в нашем полку, только в другом эскадроне. Идет мрачный. Остановились, закурили. Спрашиваю, как он смотрит на события. Оказывается, и у них в эскадроне тоже никто толком не поймет, что же происходит в России.

В конце концов мы все же выудили из газет то, что касалось нас непосредственно: повсюду - и в тылу, и в армии - создаются Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Стало быть, и нам надо объединяться...

...Полк снова уходил в окопы. На этот раз драгуны сменяли на позициях гусарский Александрийский полк.

В этом полку служил мой земляк Петр Лыков. Встретились мы с ним и, как обычно бывает между земляками, сначала заговорили о родном селе - где кто теперь, что пишут из дому. А потом поделились свежими солдатскими новостями.

Лыков рассказал мне, что им приказано снять с погон трафарет - букву "А", обозначавшую имя царицы - шефа полка.

- Всю неделю соскабливаем краску с погон, а она так впиталась, что ее никак не счистишь, - сетовал Лыков. - Ребята смеются: "Вот беда свалилась на нашу голову. От царя избавились, скинули Николашку с трона, а царицу Александру никак с погон сбросить не можем. Засмеют теперь нас, гусар, драгуны". Да и есть над чем посмеяться. Погоны после чистки

стали как тряпки, а метка от трафарета все равно заметна.

- А вы совсем сбросьте погоны, - предложил я.

Лыков возмутился:

- Ты что, Тюленев, рехнулся? Какой же солдат без погон?

- Ничего! Попа и в рогоже можно узнать.

Неожиданно Лыков задал мне вопрос:

- А что, Тюленев, в вашем полку получен указ, чтобы впредь в армии личный состав на "вы" друг к другу обращался?

Я ничего об этом не слышал.

- Так вот знай, - стал просвещать меня Лыков, - у нас уже зачитан приказ. Теперь мы должны величать друг друга "господин солдат", "господии ефрейтор", "господин унтер-офицер"... И начальство: "корнет", "поручик", "штабс-ротмистр", "ротмистр", "полковник" - все господа! Титулы "ваше благородие", "превосходительство" отменяются. А что, здорово Керенка придумал?

- Здорово-то здорово, - усомнился я, - да какая нам от этого польза? Права-то у офицера остаются прежние, хоть солдата и господином будут называть. Вот войну бы отменили, тогда другое дело.

- Да, не мешало бы, - согласился Лыков.

И тогда я высказал Лыкову то, над чем думал последние дни:

- Требовать надо, чтоб послали в Петроград делегацию от солдат, пусть разведает, что там делается.

Лыкову эта мысль пришлась по душе.

- Здорово! Но кто это потребует и у кого?..

- По начальству все нужно делать, - не задумываясь, ответил я. - Прежде всего доложить взводным, не согласятся - эскадронному...

Несколько дней спустя и в пашем полку объявили приказ Временного правительства. Солдаты уже знали об этом от гусар и потому не удивились новым титулам. Удивляло другое: отношение к нам со стороны начальства. Не только эскадронные, но и старшие офицеры полка стали больше интересоваться настроением солдат. Если раньше в окопы редко когда заглядывал эскадронный офицер, то теперь к нам стал наведываться и сам командир полка полковник Дороган.

Помню, как-то сидели мы в блиндажах. При появлении полковника дежурный унтер-офицер Прокофьев подскочил к нему с рапортом. При этом назвал его "господин полковник". Его высокоблагородие всего передернуло от такого обращения. Еще бы!

Дороган служил в свите его величества, с гордостью носил золотые вензеля монарха. Правда, к этому времени ему пришлось снять "высочайшие вензеля".

С трудом подавив раздражение, командир полка горько улыбнулся:

- Вот, господин унтер-офицер, мы теперь с вами равные, я уже не высокоблагородие, а некий демократ - гражданин, как и вы.

- Так точно! - гаркнул в ответ Прокофьев.

Это еще больше разозлило Дорогана. Он поспешил переменить тему разговора:

- Ну как, довольны солдаты службой при Временном правительстве?

- Службой-то довольны, вашбр... виноват, господин полковник, - ответил Прокофьев.

Высокомерная, снисходительная улыбка на лице Дорогана словно говорила: понимаю, трудно переключиться с "благородия" на "господина".

После непродолжительной паузы Прокофьев выпалил:

- Да вот только солдаты жалуются на войну. Все спрашивают, когда она кончится. Устали очень. Да и из дому вести плохие идут - голодают семьи...

Лицо Дорогана посуровело.

- Передайте, господин унтер-офицер, солдатам, чтобы они не беспокоились. Временное правительство примет все меры, чтобы улучшить положение их близких. А воевать, братец, нам нужно до победного конца, иначе наши союзники обидятся.

Прокофьев молчал, солдаты переглядывались между собой, улыбаясь в усы, и тоже молчали.

Командир эскадрона Козлов, сопровождавший Дорогана, предложил ему пойти на командный пункт, и они вышли из блиндажа.

- Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, - сказал Кулешов, махнув рукой в сторону ушедших офицеров. - Воюй до победного конца. А где он, этот конец? В могиле?..

В этот день многие солдаты писали письма домой. Каждый сообщал семье, что, видимо, вернется не скоро. Что царь, что Керенский - одна шатия, и направление у них одно: сиди, солдат, в окопах, пока не сгниешь...

Вечером после дежурства зашел к нам в землянку связист Смолин и рассказал о подслушанном разговоре между полковником Дороганом и ротмистром Козловым:

- Дороган приказал командиру эскадрона брать на заметку пораженцев и изолировать их, а наиболее активных направлять в штаб полка.

Это сообщение Смолина обеспокоило солдат и в то же время еще более укрепило их решимость отстаивать свои права, бороться за прекращение войны.

В апреле в нашем полку и его подразделениях были созданы солдатские комитеты. В полковой комитет входили по одному выборному от эскадрона, команды и пять офицеров полка: тридцать выборных от четырех тысяч солдат и пять представителей от двадцати офицеров.

В президиум комитета были выбраны в основном офицеры, как наиболее грамотные и образованные. Но оказалось, что настроены они были отнюдь не революционно. Офицеры первым долгом осудили пораженчество, занялись выявлением "неблагонадежных" солдат, развернули агитацию за продолжение войны до победного конца. Их довод на первый взгляд звучал убедительно: "Заставим немцев подписать мир, а тогда айда по домам!"

Такая деятельность офицеров привела к тому, что на некоторых общих собраниях голосовали за резолюции,

призывавшие к наступлению на фронте.

Но все же и мы кое-чего добились. На одном из собраний постановили послать в столицу делегацию, которая все выяснит и по возвращении доложит о том, что происходит в тылу и какого направления нам, фронтовикам, держаться в дальнейшем.

Делегацию избрали в составе четырех человек: от офицеров подполковника князя Абхазия и ротмистра Гутьева, от солдат - Давыдова и меня. Нам с Давыдовым солдаты дали наказ ясный: узнать, когда будет заключен мир, скоро ли передадут землю крестьянам, и потребовать, чтобы при дележе земли не забыли о тех, кто сидит в окопах.

У делегатов-офицеров были, конечно, свои планы. Накануне нашего отъезда меня и Давыдова вызвал к себе князь Абхазии. Говорил он с нами мягко, отеческим тоном. Но слова его нам не понравились. Он заявил, что по приезде в Питер мы все четверо первым делом пойдем к военному министру Временного правительства Гучкову и заверим его, что личный состав 5-го Каргопольского драгунского полка исполнен решимости продолжать войну до победного конца, что состояние духа у каргопольцев боевое.

Мы перечить не стали, а когда вышли от князя, Давыдов усмехнулся:

- Боевое-то оно боевое, только в другую сторону.

В общем, мы договорились в пустые пререкания с офицерами не вступать, а действовать по старому фронтовому правилу - осмотрительно, сообразуясь с обстановкой, но помня главное - выполнить поручение наших товарищей однополчан.

Приехали мы в Петроград б апреля по старому стилю.

Столица оглушила нас разноголосым шумом. На вокзале и привокзальной площади юркие мальчишки с кипами газет под мышкой выкрикивали звонкими голосами последние новости.

Немного пообвыкнув и осмотревшись, мы стали прислушиваться к тому, что выкрикивали газетчики. И что же оказалось - эта братва орала в полный голос то, о чем мы не решались говорить вслух, чтоб не попасть на заметку начальству!

- Долой войну! - пищал светловолосый шкет, штопором ввинчиваясь в толпу.

- Долой войну! - вторил другой.

Эти два слова, звучавшие для нас как сладчайшая музыка, сливались в одно звонкое:

- Долой войну! Долой войну! Долой войну!

Чем дольше мы прислушивались, тем больше ликовали. Мальчишки-газетчики провозглашали то, что нам, солдатам 5-го Каргопольского полка, и на ум не приходило:

- Долой министров-капиталистов!

- Мир без аннексий и контрибуций!

"Контрибуция", "аннексия"... Мы, признаться, даже слов таких не слыхали. Но раз "Долой войну", "Долой министров-капиталистов", значит, и это что-то важное, хорошее...

Столкнувшись с богатейшей возможностью получить полную информацию, мы даже растерялись: привыкли на фронте, что газета в окопах - целое событие.

Когда наши офицеры вышли из вагона первого класса и присоединились к нам на перроне, мы с Давыдовым уже держали под мышкой по охапке свежих газет.

Князь Абхазий, поглядев на наши сияющие лица, поморщился, как от зубной боли.

- Сейчас - прямо к министру, - заявил он, - а газетами займетесь на досуге!

Здесь на вокзале мы были равными, не то что в окопах, и я решительно возразил:

- Нет, сначала в Петроградский Совет.

Князь криво усмехнулся:

- Кто тут старший? Или прикажете считать, что вы больше не солдаты, а я не ваш офицер?

Тон его подействовал, сказалась привычка к беспрекословному повиновению офицеру, и мы с Давыдовым молча последовали за Абхазием.

Войдя во дворец, невольно оробели: после окопной грязи непривычным казалось его великолепие да и трудно было еще нам, крестьянским парням, преодолеть робость перед барскими хоромами.

В приемной министра князь Абхазий пошушукался с адъютантом, потом отозвал нас в сторону и сказал шепотом:

- Самого министра нет. Сейчас нас примет его помощник Маниковский. Вы, Тюленев, должны от имени личного состава нашего полка заверить высшее начальство в несокрушимой верности идеалам отечества. Говорите просто, не волнуйтесь, скажите, что мы готовы воевать до победного конца. Это сейчас главное. Ваше слово солдата, георгиевского кавалера, прозвучит убедительнее, чем наше с ротмистром.

Я покосился на Давыдова. Тот подмигнул мне, мол, молчи, не возражай, а там посмотрим.

Когда мы вошли в кабинет, навстречу нам из-за стола поднялся помощник военного министра Маниковский.

Князь Абхазий, вытянувшись в струнку, доложил, кто мы такие, а потом приветливо кивнул мне:

- Говорите, Тюленев!

Я откашлялся, тоже стал по стойке "смирно" и начал так:

- Ваше высокопревосходительство...

Маниковский снисходительно улыбнулся, а князь Абхазии поправил меня:

- Не надо именовать господина помощника министра вашим высокопревосходительством".

Но я пропустил мимо ушей замечание князя.

- Ваше высокопревосходительство! Солдаты послали нас с Давыдовым, - я кивнул на товарища, - чтобы узнать, когда конец войне. Хватит с нас! Это наша солдатская резолюция. А от имени офицеров я говорить не уполномочен.

Улыбка исчезла с холеного лица Маниковского. Он удивленно вздернул брови, вопросительно поглядел на князя. Тот процедил сквозь зубы в мой адрес: "Мерзавец!" Адъютант поспешно вывел меня с Давыдовым из кабинета. На этом наша аудиенция у помощника военного министра закончилась.

Офицеры остались в главном штабе. Мы не стали ждать их и пошли в Таврический дворец, где находился Петроградский Совет рабочих, и солдатских депутатов.

Таврический дворец напоминал развороченный улей. С большим трудом, растерявшиеся, оглохшие от шума, разыскали комендатуру. Получив талоны на питание и ордер в общежитие, пошли потолкаться по коридорам. Именно потолкаться, потому что во дворце было оживленнее и многолюднее, чем на Невском.

Военные, штатские, рабочие в кожаных куртках, сухопарые господа во френчах и золотых очках - кого только не заденешь плечом! И у всех во взгляде одинаковый, как вам показалось, огонек, словно все эти люди только недавно с пожара и отсвет пламени еще не погас в их глазах.

В одном из залов стояла группа пожилых людей, с виду рабочих. Мы с Давыдовым остановились, прислушались, о чем они говорят. Содержание разговора нам было непонятно, но мы обратили внимание, с какой любовью они повторяли: "Ленин сказал..."

Стояли мы тихо, стараясь не обращать на себя внимания, и все же один из группы, усатый, в потертой кожаной куртке, заметил нас:

- Из окопов, война?

"Война" - так называли друг друга солдаты на фронте. И это обращение сразу же расположило нас к усатому.

- Сегодня только прибыли, - сказал я.

- А по какой нужде?

Мы коротко объяснили, откуда и зачем приехали.

Усатый цокнул языком:

- Эх, опоздали маленько! Дня на два пораньше - Ленина бы послушали.

Ленин! О нем мы слышали от Исаева. Говорил Исаев о вожде большевиков с безграничным восхищением. Вспомнилось и то, какая ненависть и злоба появлялась на лицах наших офицеров, особенно князя Абхазия, когда они слышали это имя.

- А нам можно повидать Ленина? - робко спросил Давыдов.

Усатому, вероятно, такой вопрос показался наивным.

Он улыбнулся:

- Этого я вам, ребята, сказать не могу. Много дел сейчас у Владимира Ильича. А вы вот что - раздобудьте "Правду", слыхали про такую газету? Там печатаются статьи товарища Ленина. А все остальные газетки надо читать с поправкой, на ветер. Понятно?

Очень нам понравился этот рабочий-питерец!

Мы не замедлили воспользоваться его советом, здесь же, в Таврическом, купили "Правду".

В один из последующих дней попали мы на шумное собрание. Председательствовал смуглолицый чернявый человечек, как мы потом узнали, меньшевик Чхеидзе.

На трибуну по очереди взбирались разные ораторы, каждый говорил прямо противоположное тому, что сказал предыдущий. Но теперь, после того как мы побывали на многих собраниях, потолкались в коридорах и залах Таврического дворца, не столько умом, сколько сердцем почувствовали: большевики говорили то, о чем думали и я, и Давыдов, и любой солдат из 5-го Каргопольского полка.

Мы возвращались в свой полк, окрыленные всем, что увидели и услышали в революционном Петрограде. Везли вашим товарищам нечто более ценное, чем любое оружие, - большевистскую правду, имя Ленина. И мы знали теперь, что нам делать по возвращении в полк.

Солдаты встретили нас восторженно: заждались! И хотя собрание, на котором мы отчитывались о своей поездке в Петроград, вел офицер, а резолюцию поручили писать полковому попу, пьянице и картежнику, все решилось так, как постановили солдаты: "Довольно криков о продолжении войны! Довольно обманывать крестьян!"

Отныне весь полк знал, чей голос надо слушать. И если даже Ленин подписывал статью или заметку одним из своих псевдонимов, мы узнавали его голос, потому что никто не мог выразить наши думы и чаяния так глубоко и ясно, как он.

Ленин, большевистская партия помогли нам в ту грозную пору выбрать единственно правильный путь борьбы за новую жизнь.

Лето семнадцатого года прошло в полку напряженно. Офицеры, повинные в воровстве солдатского пайка, предпочли улизнуть. Та же часть офицерского состава, которой пришлось по душе Временное правительство, а также ярые монархисты, не терявшие надежд на восстановление царской власти, вели упорную борьбу против солдатских комитетов. Они люто ненавидели простой народ, старались любыми средствами избавиться от активных, революционно настроенных солдат.

Вот так и получилось, что в августе 1917 года меня (по мнению полкового начальства, большевика) перевели в Сызрань, где стоял запасный полк нашей дивизии. Уставы армии еще продолжали по инерции действовать - я подчинился.

* * *

Казалось бы, чем дальше от столицы, тем тише и спокойнее жизнь. Но в Сызрани, находившейся втрое дальше от Петрограда, чем Двинск, обстановка была не менее напряженной, чем в столице.

Вскоре я подал рапорт об отпуске и через несколько дней приехал в родное село Шатрашаны.

В те дни шатрашанцев всколыхнула весть об установлении в Самаре власти Советов. Что это означает, мы поняли немного позже, когда узнали, что за два дня до этого, 25 октября, в Петрограде совершилась социалистическая революция - правительство Керенского было свергнуто, власть в свои руки взяли рабочие, крестьяне, большевики, вооруженный народ. Новое правительство рабочих и крестьян во главе с В. И. Лениным приняло декреты - о мире, о земле, об уничтожении сословий, о национализации промышленности и другие.

Всколыхнулись, заволновались мужики во всех деревнях нашего уезда, каждый день собирались на сходы, приветствовали власть Советов. Богачи же, естественно, выступали против.

С утра до ночи люди до хрипоты спорили: кому должна принадлежать власть - Советам или Учредительному собранию?

Земляки послали меня делегатом от Шатрашан на волостное собрание. Делегаты там подобрались в большинстве своем из бедняков, и мы постановили: признать власть Советов, голосовать за Ленина. Так и написали в наказе делегатам, ехавшим на губернский съезд в Симбирск. Правда, во втором пункте наказа значилось, что надо все-таки выслушать и тех, кто голосует за Учредительное собрание.

На губернском съезде я получил первый урок конкретной политической борьбы. У всех делегатов съезда имелись на руках наказы в письменной форме от избирателей. А так как во многих селах и городках все еще господствовали эсеры и меньшевики, то

во многих наказах в той или иной форме высказывались симпатии Учредительному собранию.

И вот на съезде выступает делегат в Учредительное собрание от Поволжья некий Алмазов. Он всячески агитирует за "учредилку", поносит "невоспитанных" большевиков. Его все время перебивают ядовитыми замечаниями с мест, но это не смущает оратора. Общий его вывод: долой Советы!..

Начинаются прения. Один за другим поднимаются на трибуну посланцы из волостей, и из пяти четверо заканчивают свои выступления призывом:

- Вся власть Советам! Да здравствует Ленин!

Тогда опять берет слово Алмазов и предлагает: раз у каждого выступающего есть писаный наказ, то нечего тратить время на разговоры. Следует просто зачитать наказы, а секретариату - подсчитать, сколько за какую власть подано мандатов. Вероятно, этот деятель и его соратники были хорошо осведомлены о содержании липовых наказов, не отражавших истинной воли народа.

Президиум съезда воспользовался минутным замешательством и принял предложенный Алмазовым порядок.

Но тут на сцену поднялся стройный, подтянутый молодой человек, красивый, темноволосый, с бледным лицом. Я сидел близко от сцены и внимательно слушал его.

- Товарищи делегаты! Разве вы собрались здесь для того, чтобы читать по бумажке? Тогда зачем было ехать? Прислали бы по почте - и нечего на дорогах грязь месить. Выходит, вас послали просто курьерами? Вопрос, который мы должны здесь решить, слишком серьезен. Вы, полномочные представители народа, сами обязаны сказать свое слово, а не читать по бумажке, неизвестно кем составленной.

С этой трибуны, - продолжал оратор, - Алмазов обвинял большевиков, Ленина за то, что они разогнали Учредительное собрание. Но он не сказал главного: почему была разогнана "учредилка". А разогнали ее потому, что она отстаивала интересы буржуазии, плелась в хвосте правительства Керенского, которое, как известно, обманывало народ.

Теперь господа керенские хотят снова захватить власть в свои руки. Не выйдет, господин Алмазов, сейчас не те времена! Рабочие и бедняки крестьяне научились хорошо распознавать, кто их друзья, а кто враги. Большевики, Ленин предлагают установить во всей стране власть подлинно народную - власть Советов!

Под бурю аплодисментов, возгласов "ура" большевистский оратор сошел с трибуны.

- Кто это? - спросил я шепотом у делегата-горожанина, сидевшего рядом со мной.

- Куйбышев, большевик, - с гордостью ответил он.

Предложение Алмазова было поставлено на голосование и отвергнуто большинством голосов. В конце заседания съезд принял решение: установить по всей Симбирской губернии власть Советов.

Этот съезд навсегда связал мою судьбу с большевиками. Когда съезд закончил свою работу, я собрался ехать в Сызрань, в свой запасный полк, в котором продолжал числиться.

Провожал меня односельчанин Яков Тингишов - моряк с Балтики, лучший мой товарищ.

- Что же ты, Иван, делать будешь в полку? - спросил он.

- Как что! - удивился я. - Прежде всего нужно оформить демобилизацию, а то я вроде дезертира. Стало быть, нужно документы получить, чтоб все было в порядке.

- А у кого ты документы получать будешь? - усмехнулся Яков.

- Как у кого? У Советской власти. Сам же за нее голосовал.

- Что верно, то верно. Власть теперь наша, народная, и никому ее у нас не отнять.

Свернув самокрутку и закурив, Яков продолжал:

- Но отнять пытаются. Контрреволюция подняла голову - меньшевики, эсеры и прочая нечисть. Слыхал, как на съезде меньшевик Алмазов защищал "учредилку"? Уж больно ему хотелось, чтобы власть снова попала в их руки. Таких алмазовых еще много в нашей стране. Не уступят они нам дешево то, что мы у них отняли, сопротивляться будут, проклятые. Выходит, без драчки нам не обойтись, а чтобы драться, нужна сила.

- Так надо создавать ее, - говорю я Якову.

- Да ты, Иван, настоящий большевик!

- Партийного билета в кармане не имею. А что большевик - то верно, улыбнулся я. - Ты ведь тоже беспартийный, а голосовал за большевиков.

- Да, брат, это так, - сказал Яков, немного помолчав. - Недавно нас с тобой серой солдатской скотиной считали, а сейчас о больших государственных делах толкуем. Это большевики сделали нас такими.

- Ну, мне пора на станцию, - заторопился я, - а то опоздаю на поезд. Домой меня скоро не ждите, пойду в красногвардейский отряд.

На прощание мы крепко пожали друг другу руки.

На вокзал я добрался вовремя. С большим трудом втиснулся в вагон, забитый демобилизованными солдатами-фронтовиками. Было жарко и душно, от густого махорочного дыма кружилась

голова. Во всех купе шел оживленный разговор. Одни говорили о "закончившейся войне ", рассказывали о муках окопной жизни, другие на все лады обсуждали вопрос передачи земли крестьянам. То и дело в разговорах упоминалось имя Ленина.

На одной из железнодорожных станций я увидел эшелон вооруженных солдат, направлявшийся на восток. На мой вопрос, откуда и куда едут, один солдат ответил:

- Демобилизованные мы, едем по домам. Кому где нужно, там и сходит.

Он вынул из-за пазухи лист бумаги и, водя по ней своим заскорузлым пальцем, прочитал по слогам:

- "Съезд армии постановляет: признать за солдатами право на оружие для защиты Родины от контрреволюции и ее приспешников... Солдаты все должны принять участие в установлении Советской власти, а для этого нужно оружие. Провезти оружие можно, только двигаясь организованно, сильными отрядами..." Уяснил, что к чему? - спросил он, складывая лист бумаги и пряча его за пазуху. - Так что нам без оружия никак нельзя.

Он поспешил в вагон, а я долго смотрел вслед уходившему эшелону...

В горниле гражданской войны

В нашем запасном полку, куда я вернулся в декабре 1917 года, тоже полным ходом шла демобилизация. Солдаты торопились уехать домой. Многие, не дожидаясь документов, уходили на станцию, втискивались в переполненные вагоны и теплушки или устраивались на крышах.

В одной из полковых казарм шла запись добровольцев в красногвардейские отряды.

Формированием красногвардейских отрядов ведали Сызранский Совет солдатских депутатов и уездный военный комиссар. По их распоряжению я сколотил два конных отряда. Впоследствии один из них под командованием Жлобы сражался на юге. Другой был использован для охраны железнодорожного моста через Волгу, а также для оказания помощи комитетам бедноты на территории Сызранского уезда. Затем он действовал против мятежных белогвардейских частей чехословацкого корпуса.

Формирование отрядов оказалось делом нелегким. Правда, в отряд шли и принимались главным образом сочувствующие партии и Советской власти, по наряду с дисциплинированными солдатами попадали и бузотеры, которые отлынивали от боевой подготовки. В бой, мол, пойду с радостью, а от занятий - увольте! Эта братва шаталась по городу и являлась в казармы только к

обеду и к ужину.

И все же в основной массе красногвардейцы готовы были выполнить любую боевую задачу, чтобы защитить власть Советов. И выполняли, не страшась смерти!

Взаимодействие между отрядами было налажено из рук вон плохо. В этих условиях особенно большое, значение приобретала информация о положении дел внутри страны. И надо сказать, поставлена она была хорошо. Политкомы отрядов чуть ли не ежедневно информировали личный состав о текущем моменте, о положении, которое переживала республика.

А положение ухудшалось с каждым днем. Империалисты всего мира в страхе перед социалистической революцией, которая могла перекинуться в их страны и привести к крушению капиталистических порядков, стремились во что бы то ни стало уничтожить молодую Советскую республику.

Установление Советской власти в России больно било и по экономическим интересам империалистов. Они не могли примириться с потерей такого богатого источника сил и средств, как царская Россия.

Владимир Ильич Ленин еще до Октябрьской революции предвидел неизбежность нападения империалистических стран на государство рабочих и крестьян, вставшее на путь социализма, и учил быть готовым к защите социалистического Отечества.

И теперь, когда над завоеваниями революции нависла угроза, Советское правительство приняло решение о создании регулярной армии. 28 января 1918 года В. И. Ленин подписал декрет об образовании Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В декрете говорилось: "Старая армия служила орудием классового угнетения трудящихся буржуазией. С переходом власти к трудящимся и эксплуатируемым классам возникла необходимость создания новой армии, которая явится оплотом Советской власти..."{1}. В Красную Армию принимались те, кто был готов отдать все свои силы и даже жизнь для защиты завоеваний Октябрьской революции, власти Советов и социализма.

21 февраля 1918 года было опубликовано воззвание Совета Народных Комиссаров "Социалистическое отечество в опасности". Этот ленинский призыв прозвучал как набат, поднял и всколыхнул революционные массы, всех, кому были дороги Советская власть, революция.

В марте 1918 года меня приняли в партию большевиков. Это было окончательным утверждением пути, на который я ступил еще в Петрограде в 1917 году.

В конце мая наш Сызранский красногвардейский отряд

получил приказание разоружить эшелоны с восставшими частями чехословацкого корпуса, стоявшие на станции Сызрань. На предложение сдать оружие мятежники ответили ружейно-пулеметным огнем, а затем перешли в наступление. Силы были неравные. Мы вынуждены были оставить Сызрань и отходить в направлении Сенгиле.

Несмотря на упорное сопротивление отрядов и частей Красной Армии, контрреволюционным силам удалось захватить Самару, Симбирск, Казань. Части чехословацкого корпуса заняли все железнодорожные станции от Пензы до Челябинска. Сибирь и Урал были отрезаны от центральных промышленных районов. Петроград и Москва остались без продовольствия, были обречены на голод.

Оккупированная кайзеровскими войсками, Украина тоже не могла помочь продовольствием промышленным центрам России.

Весь август и начало сентября шли ожесточенные бои за освобождение волжских городов. К этому времени разрозненные красногвардейские отряды уже были переформированы в части регулярной армии. Еще не окрепшие, плохо сколоченные, они неудержимо рвались в бой, дрались самоотверженно и побеждали. Когда стало известно о злодейском покушении на Владимира Ильича Ленина, в подразделениях и частях прокатилась волна собраний и митингов. Бойцы и командиры требовали сурово наказать организаторов покушения на жизнь Ильича и быстрее дать отпор врагу.

В результате стремительного наступления 10 сентября 5-я армия освободила Казань, а 12 сентября 1-я армия - Симбирск - родину В. И. Ленина.

В телеграмме В. И. Ленину бойцы писали: "Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города - это ответ на Вашу одну рану, а за вторую - будет Самара!"

Владимир Ильич в телеграмме на имя В. В. Куйбышева ответил бойцам: "Взятие Симбирска - моего родного города - есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы"{2}.

После взятия Казани, получив пополнение - мобилизованных в строй старых кавалеристов, мы реорганизовали наш конный отряд в кавалерийский полк. Стали заниматься боевой подготовкой.

В огне гражданской войны Коммунистическая партия и лично В. И. Ленин, руководя строительством новой армии, выращивали пролетарский командно-политический состав. Нелегкой была эта

задача. Офицеры царской армии в большинстве своем находились в лагере врагов Советской власти. Небольшая же часть их, перешедшая на сторону Красной Армии, работала еще робко, красноармейцы относились к ней с недоверием. Необходимо было в кратчайшие сроки в тяжелых условиях войны выковать из солдат - рабочих и крестьян - командные кадры, преданные делу революции.

Командиры и политработники, выдвиженцы из народа, нуждались в военной подготовке. Поэтому была развернута сеть военных курсов, создана Академия Генерального штаба РККА.

Случалось и так, что на курсы и в академию некоторые красные командиры шли с неохотой, считали это чуть ли не наказанием. Так было и со мной.

В ноябре 1918 года, в дни празднования первой годовщины Великого Октября, меня вызвал губвоенком Казани Петренко.

- Ну как, Тюленев, - встретил он меня лукавой улыбкой, - еще не отвоевался?..

Я недоуменно пожал плечами. Конечно же, Петренко шутит. Ему, как и мне, хорошо известно, что положение на Восточном фронте тяжелое, следовательно, рано еще вешать на стену боевой клинок. Это я и высказал губвоенкому.

- И все же тебе, Тюленев, пока воевать не придется, - огорошил меня Петренко и уже без улыбки продолжал: - Есть решение губкома и губвоепкома послать тебя в Москву учиться. Одним словом: военная академия.

Я опешил. Какая еще академия! Какая тут учеба, когда надо драться!

Петренко спокойно выслушал мои возражения и сказал:

- Чудак ты, Тюленев! Тебя за тем и посылают, чтобы ты выучился бить контру по-настоящему. Тогда от тебя будет больше пользы. И еще учти: академия создана по личному указанию Ленина. Так что, если ты не подчиняешься нам, считай, что не подчиняешься Ильичу. Понятно? Вот и делай выводы.

После таких слов я перестал протестовать.

В конце ноября 1918 года я прибыл в Москву. Академия Генерального штаба помещалась в Шереметьевском переулке, в здании бывшего охотничьего клуба.

Комната, в которой мне предстояло жить, была темная, без окон. Когда я вошел, в ней горел свет. Первое, что бросилось в глаза, - в два ряда вдоль стен узкие кровати. В проходе между ними нервно шагал, вернее, не шагал, а метался щеголеватый военный лет тридцати, с усиками, аккуратно, на пробор, причесанный.

Увидев меня, он остановился и громко, с издевкой сказал:

- Еще одна птичка пожаловала! Что, брат, фронт тебе надоел?

В ответ я только махнул рукой. Мой собеседник вздохнул:

- Приказали? Мне тоже приказали. Но черта с два! Уеду! Придумать такую несуразицу - боевых людей за парту!

Это был Василий Иванович Чапаев.

Мне досталась койка через одну от него. Много вечеров просидели мы вместе над учебниками и топографическими картами.

В первых числах декабря должно было состояться официальное открытие академии. Прошел слух, что к нам приедет Владимир Ильич. Мне повезло: в день открытия я был дежурным по академии. Легко понять, с каким нетерпением ждал я вечера. Ведь повязка дежурного давала мне право вместе с начальством встречать Ильича. Я столько раз подходил к швейцару, стоявшему в дверях, и так подробно инструктировал его, чтобы он, упаси боже, не задержал человека в штатском (следовало описание внешности Ильича), что старик в конце концов рассердился и накричал на меня.

Часам к пяти вечера в вестибюле собралось командование академии. Все думали, что Ленин приедет на машине, поэтому прислушивались к каждому гудку автомобиля. На улицу решили не выходить, чтобы не создавать излишней "помпы": знали - Ильич этого не терпел.

Без десяти минут шесть неожиданно открылась дверь - и перед нами появился Ленин. С ним были еще два товарища. Ильич был бледен, вероятно, ранение еще давало себя знать.

Начальник академии, оправившись от растерянности, начал докладывать, но Ленин остановил его, быстро протянул ему руку, потом коротким кивком поздоровался со всеми:

- Здравствуйте, товарищи! Если наши "академики" собрались, лучше сразу пройти в зал.

Когда Ленин появился на сцене, зал дрогнул. Овация была такая, будто тут было не сто, а по меньшей мере тысяча человек.

Владимир Ильич говорил о трудностях, переживаемых республикой, о том, что республика позволила себе такую "роскошь", собрав здесь на учебу в самый ответственный момент боевых командиров, но сделано это потому, что для будущей борьбы ей нужны опытные полководцы, которые хорошо разбирались бы в сложной обстановке гражданской войны, умели бить врага по всем правилам военного искусства.

С того памятного дня прежние наши настроения - мы-де тут вроде в ссылке - улетучились: раз партия и сам Ленин говорят, что надо учиться, значит, надо.

Даже Василий Иванович Чапаев, хотя и настаивал на своем

решении вернуться на фронт, поутих, понял, что нужен веский предлог, без которого уйти из академии неудобно. В конце концов предлог был все-таки найден...

Военную историю преподавал нам бывший царский генерал А. А. Свечин. Предмет свой он знал безукоризненно, учил нас хорошо. Это был один из тех военных специалистов, которые сумели трезво оценить обстановку в России и встали на службу той настоящей Родине, за которую воевал народ.

Однажды на занятиях А. А. Свечин предложил Василию Ивановичу рассказать, как он усвоил лекцию о знаменитом сражении под Каннами, где войска Ганнибала наголову разбили чуть ли не вдвое превосходившие их по численности римские войска, показав тем самым классический образец окружения противника и уничтожения его по частям.

Чапаев начал излагать свою точку зрения с того, что назвал римлян слепыми котятами. Свечин не мог удержаться от иронического замечания:

- Вероятно, товарищ Чапаев, если бы римской конницей командовали вы, то сегодня мы говорили бы о разгроме Ганнибала римлянами.

Василий Иванович вспылил:

- Мы уже показали таким, как вы, генералам, как надо воевать!

Он имел в виду знаменитый рейд своих отрядов летом восемнадцатого года. Попав под Уральском в мешок между белочешскими и белоказацкими частями, Чапаев предпринял дерзкий бросок назад, на занятый противником Николаевск, взял город и тем самым не дал соединиться двум крупным вражеским группировкам.

Одним словом, скандал разыгрался не на шутку. Чапаев хлопнул дверью.

В январе 1919-го Чапаев покинул академию, получив направление на Восточный фронт. Больше я его не видел.

В апреле того же года прервалась и моя учеба. В число сорока человек меня направили в действующую армию.

В ставке Южного фронта в Козлове я получил приказ ехать в Щигры, что недалеко от Курска, помощником начальника штаба дивизии, которую еще только предстояло сформировать. Я тяжело вздохнул, получив это назначение: опять не везет - надеялся попасть непосредственно на фронт, а тут формируйся.

Но один случай, не совсем, правда, приятный, повернул все в желанную для меня сторону... В Щиграх я встретил полковника Шмидта, под началом которого служил еще в 1915 году и который приказал мне всыпать однажды 25 шомполов. А теперь

Шмидту предстояло командовать дивизией.

Что делать? Сколько ни убеждал себя - другое время, другая обстановка, - ничего по получалось: не могу работать с человеком, который приказывал пороть солдат.

В комнатах штаба я увидел множество бывших офицеров. Это мне показалось странным. Хотя в то время наша молодая армия не отказывалась от услуг бывших царских военспецов, но здесь, в Щиграх, с этим явно перехватили.

Штабной писарь, с которым я поделился своими сомнениями, сказал:

- Сплошное офицерье! Вот сформируем дивизию, а куда они ее поведут, еще неизвестно.

Где-то, вероятно, действовала предательская рука.

И действительно, впоследствии я узнал, что Шмидт и его свита, еще не успев полностью сформировать дивизию, переметнулись к белым.

После встречи со Шмидтом я написал обстоятельное письмо в Москву, сообщил в академию о положении дел в дивизии, объяснил, почему не могу оставаться в Щиграх, и просил помочь мне получить направление в какую-нибудь действующую кавалерийскую часть.

Скоро пришел ответ: "Направляетесь в 4-ю кавалерийскую дивизию С. М. Буденного в Покровск".

Радости моей не было границ.

* * *

В конце июля 1919 года я с трудом добрался до Саратова, где располагался штаб 10-й армии, В нее входила 4-я кавалерийская дивизия. Штаб размещался на волжском пароходе, который стоял под парами у пристани.

Командующий 10-й армией А. И. Егоров в это время находился после ранения на излечении в госпитале. Его временно замещал начальник штаба Л. Л. Клюев, очень интеллигентный, скромный человек, прекрасный специалист, в прошлом полковник царской армии. Он принял меня приветливо, ввел в обстановку, которая к тому времени была не из приятных. Белогвардейские конные корпуса, прорвавшись в стыке 9-й и 10-й армий, обходили наш правый фланг и прижимали части 10-й армии к Волге. Шли ожесточенные бои красной конницы - 4-й и 6-й кавалерийских дивизий - в районе Топовка, Золотое. Справа от Буденного действовали наши моряки - знаменитый отряд Кожанова.

- Как видите, - заключил Клюев, - положение нашей армии очень тяжелое. Вам придется ехать через Покровск, а затем через отряд Кожапова. Только тогда вы попадете в вашу дивизию. Если устали в дороге, можете отдохнуть, у нас в городе есть

общежитие. На пароходе же мест не хватает и для штабных работников.

Поблагодарив Л. Л. Клюева, я сказал, что отдыхать не буду и сегодня же выеду к месту назначения.

До Покровска добрался сравнительно быстро, зато долго искал штаб отряда Кожанова. Наконец недалеко от Волги, возле пристани Золотое, встретил трех всадников в морских бушлатах. Посмотрев мое предписание, они проводили меня к командиру.

Кожанов произвел на меня очень хорошее впечатление. Мы долго беседовали с ним.

- Вот мы, моряки, - говорил он мне, - стали конниками и чувствуем себя неплохо. С буденновцами взаимодействуем хорошо. Думаю, что не только остановим врага, но скоро и сами перейдем в наступление. Так вы недавно из Москвы? Интересно, как здоровье нашего Ленина?

Я рассказал ему все, что знал.

Утром Кожанов сказал:

- Я приказал занарядить подводу. Отвезут вас в штаб Буденного.

Распрощавшись с Кожановым, я поехал к месту назначения вместе с кавалеристами Иваном Лютовым и Романом Кононовым, возвращавшимися из госпиталя в свои части. Они наперебой рассказывали мне о своих дивизиях.

- Бойцы у нас хорошие, - говорил Лютов, - а о командирах и говорить не приходится. Возьмем, к примеру, товарища Буденного, начдива нашего. Сам-то он из унтер-офицеров, но бывалый. В кавалерии еще в русско-японскую воевал и в империалистическую. Лихой командир, и смекалка у него большая.

Как только Лютов умолк, Кононов обратился ко мне с вопросом:

- Села Воздвиженку, Вознесенское, Рагули, Арагир, Александровское, что на Ставропольщине, знаете?

- Откуда мне знать? Я в этих краях никогда не был.

- Так вот, там тоже красные отряды начали расти, как грибы после дождя. Про Ипатова и Апанасенко слышали?

- Немного, - признался я.

- Они первыми стали формировать отряд. А о Ване Кочубее, о Блинове что-нибудь слышали? Это тоже отменные командиры. Недавно с Кубани, из района станицы Таманской, к нам прибыла еще большая группа войск под командованием Ковтюха. Вот так и образовалась наша 6-я дивизия. Батурин ею нынче командует.

- А где Апанасенко?

- Наверное, ранен и при части находится. Где ему еще быть?

- Нашего брата бойца, как только ранят, сразу в госпиталь, а сами командиры в строю остаются, - вмешался Лютов. - Никакого равенства!

* * *

Первыми, кого я встретил в 4-й дивизии, были ее новый начальник Ока Иванович Городовиков, начальник штаба дивизии Иван Дмитриевич Косогов и комиссар Александр Митрофанович Детистов. Они приняли меня тепло и радостно. Особенно Ока Иванович. Он сразу расположил меня к себе.

- Вот хорошо, что вы приехали, нам нужно штаб дивизии формировать, а подходящих людей нет, - сказал он.

- А где же ваш штаб? - спросил я.

Ока Иванович с сожалением посмотрел на Косогова:

- Вот один остался.

- Да, это так, - подтвердил Косогов. - Как есть один, если не считать двоих писарей. Семен Михайлович почти всех наших работников штаба забрал, он штаб корпуса развертывает.

Городовиков представил мне своих боевых товарищей - комиссара и начальника штаба дивизии.

- Комиссар дивизии Александр Митрофанович Детистов, - сказал Ока Иванович, - мой земляк, донской казак станицы Качалинской. Был сельским учителем, добровольно пошел в Красную Армию, да не один, целый красногвардейский отряд привел с собой. - Ока Иванович сделал паузу, покрутил усы и продолжал: - Начальник штаба Косогов Иван Дмитриевич по профессии тоже учитель. В германскую его призвали в армию. В 1916 году он окончил военное училище и дослужился до чина капитана. В 1918 году вступил в Красную Армию. Начальник штаба он очень хороший...

- Ока Иванович, смотрите не перехвалите меня, - подал реплику Иван Дмитриевич Косогов.

Рассказал Ока Иванович и о других своих сослуживцах. Вот только о себе ничего не сказал.

Небольшого роста, очень подвижный, с веселой, какой-то детской улыбкой на лице, он вел себя просто и скромно. Я понял, что этот человек обладает незаурядным природным умом и большим практическим военным опытом.

В империалистическую войну Ока Иванович служил в Донском казачьем полку на Юго-Западном фронте. Осенью 1916 года, в одном из ожесточенных боев, он был ранен и эвакуирован в Ростов. В госпитале среди раненых солдат все чаще и чаще слышались недовольные голоса: за что воюем? Скоро ли кончится война? Однажды кто-то из выздоравливающих принес в госпиталь большевистскую листовку. В ней просто и ясно было написано о

причинах войны, говорилось, кто ее виновник и что нужно делать, чтобы покончить с ней. Оке Ивановичу особенно запомнилась фраза: "Солдаты, бросайте войну, уходите домой, отбирайте у помещиков землю..."

Домой, к сожалению, уйти ему не удалось. Из госпиталя его направили в 39-ю запасную отдельную казачью сотню, которая располагалась в районе станции Сулин и охраняла завод и рудники промышленника Пастухова.

Здесь в промышленном центре Городовиков впервые увидел нелегкую жизнь рабочих. Здесь же застала его Февральская революция. Вместе с рабочими он горячо приветствовал ее. Но радость была недолгой. Временное правительство продолжало вести войну до победного конца, сохранило прежние буржуазные порядки.

Восторженно встретил Ока Иванович Городовиков, как и весь калмыцкий народ, Великую Октябрьскую социалистическую революцию. По совету большевиков он поехал к себе в станицу Платовскую. Одним из первых в Калмыкии Ока Иванович создал конный отряд. Бойцы этого отряда отличались высокой дисциплинированностью и беззаветной преданностью идеалам социалистической революции. В этом большая заслуга О. И. Городовикова. Своим мужеством и стойкостью он показывал пример подчиненным. Его всегда можно было видеть среди конников. Ока Иванович любил пошутить, для каждого у него находилось теплое, душевное слово. Это был неустрашимый воин, "степной орел" - как называли его кавалеристы.

В дальнейшем, чем больше я узнавал О. И. Городовикова, тем больше убеждался, что это прекрасный командир, у которого есть чему поучиться.

...После беседы мы сели ужинать. Не успели закончить, как раздался телефонный звонок. Косогов взял трубку. Звонил начальник штаба корпуса В. А. Погребов. Закончив разговор, Иван Дмитриевич обратился ко мне:

- Семен Михайлович вызывает вас в штаб корпуса.

- К чему бы это? - удивился я.

- Наверное, и вас забрать хочет, - предположил Иван Дмитриевич.

- Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

- Никакой бабушки! - решительно отрезал Ока Иванович. - Вас я не отдам!

На следующий день я пошел представляться С. М. Буденному. Признаться, эта встреча меня немного беспокоила. Я слышал о неудаче двух наших "академиков", посланных ранее к Семену Михайловичу. Они ему не понравились, так как не проявили

достаточной храбрости в бою. Семеп Михайлович видеть не мог, как он выражался, "чистоплюев" и трусов. Поэтому ехал я в 4-ю кавдивизию с тревожными сомнениями: а ну как тоже не придусь ко двору?

Я много слышал о геройских делах уже прославившегося в то время Буденного и ожидал какой-то необыкновенной встречи. Представлял себе, как войду в штаб, чеканя шаг, пройду к столу, из-за которого поднимется внушительного вида военный с пышными усами. Вытянувшись в струнку, я доложу Буденному о своем прибытии и в ответ услышу приветствие своего нового комкора.

А вышло все по-иному. Во дворе дома, где располагался Буденный, меня встретила молодая женщина, как я узнал позже, - жена Семена Михайловича Надежда Ивановна. Когда я спросил у нее, где могу видеть комкора, она крикнула в сторону сарая:

- Сема, ты скоро? Тут к тебе товарищ пришел.

В ответ из сарая послышалось:

- Где он там, этот товарищ? Пусть идет сюда.

Вошел я в сарай, смотрю - стоят двое, одетые в зеленые суконные френчи. Один высоченный, другой среднего роста. Подхожу к высокому, докладываю о прибытии, а он, смеясь, кивает головой в сторону другого, очищающего копыта коня. Я в смущении молчу. К нам подходит Надежда Ивановна и говорит, обращаясь к мужу:

- Сема, да брось ты с конем возиться, товарищ ждет тебя.

Буденный оторвался от своего дела, испытующе оглядел меня с головы до ног и лукаво улыбнулся:

- Тюленев? Добро пожаловать. Что, воевать приехали или только посмотреть, как мы воюем? Завтра предстоит большой бой. Я вот копя себе готовлю. А вы успеете собраться к утру, чтобы вместе с нами пойти бить врага? Я пробормотал что-то в ответ, означающее "успею".

Буденный усмехнулся в усы:

- Наверное, думали, что в штабе корпуса вам придется только бумагами заниматься? Нет, брат, у нас так не принято. Воевать так воевать по-настоящему, не карандашом, а саблей. Впрочем, пером тоже не грешно владеть. У нас в таких людях нехватка большая, замучили мы этим делом начальника штаба Погребова. Так вот вы у него помощником и будете. Это, конечно, не значит, что вы засидитесь в штабе. У нас штабные работники больше на коне с саблей в руке...

- Слушаюсь, товарищ Буденный! - переборов робость, подтянулся я.

Узнав о моем назначении, Городовиков отправился к Семену

Михайловичу просить его оставить меня в штабе дивизии, но получил решительный отказ. При встрече со мной Ока Иванович разочарованно махнул рукой:

- Значит, не судьба. Семен Михайлович не привык менять своих решений.

Однако позже Ока Иванович все-таки перетянул меня к себе на должность командира 2-й кавалерийской бригады.

Итак, я снова на передовой линии фронта, на одном из ответственных участков царицынского направления.

Генерал Деникин сосредоточил здесь большое количество конницы, намереваясь опрокинуть части 10-й армии в Волгу. Однако красные кавалеристы и отряд матросов под командой Кожанова отражали все атаки белогвардейских войск. Семен Михайлович Буденный вместе со штабом корпуса постоянно находился на самых трудных участках.

Мне, как начальнику разведки корпуса, по заданию комкора и начальника штаба приходилось бывать то в одной, то в другой кавалерийской бригаде. Я любил находиться в войсках, с которыми не раз участвовал в конных атаках. Это нравилось Семену Михайловичу, он был доволен моей службой. Когда в 1919 году из Москвы поступила телеграмма с предложением направить меня обратно в военную академию для продолжения учебы, Буденный наложил на ней такую резолюцию: "Согласен отпустить И. В. Тюленева, по только после окончания гражданской войны. С. Буденный". На вторую телеграмму Семен Михайлович также ответил отказом.

Это меня вполне устраивало. До конца гражданской войны я находился в корпусе Буденного, который впоследствии перерос в Первую Конную армию.

Здесь я приобрел много замечательных товарищей и друзей. Спаянная кровью в боях, эта дружба со многими из них сохранилась на всю жизнь.

Возглавляя разведывательный отдел, я работал в тесном контакте с начальником оперативного отдела штаба корпуса Степаном Андреевичем Зотовым. Этот уже не молодой, приземистый, широкоплечий человек с типично русским лицом, пышными светло-русыми усами обладал завидной работоспособностью. Имея большой военный опыт, он был незаменимым консультантом по многим вопросам. Мы быстро подружились с ним. В свободные минуты часто рассказывали друг другу о себе.

"У нас, донских казаков, - делился со мной Степан Андреевич, - ребят с малолетства обучают военному делу: верховой езде, стрельбе, владению холодным оружием,

фехтованию.

Я рос отчаянным парнем, любил военное дело. И надо сказать, давалось оно мне легко. Однажды на станичном празднике по рубке, верховой езде и скачкам я первым пришел к финишу. За это станичное правление выдало мне первый приз - казацкое седло. А коня у нас не было, на праздник одолжил его у дяди.

Да и то сказать: на что было отцу покупать коня, если жили мы бедно, а нас у отца было двенадцать душ. Поди прокорми такую ораву!

Подошел срок службы. Хотелось попасть в конницу, а для этого справа нужна. Нет справы, - иди, говорят, служить пластуном, значит, в пехоту. Из этой беды выручило станичное правление: как хорошего наездника и рубаку, оно решило снарядить меня за счет правления. Купили мне коня за 105 рублей, а еще на 104 рубля справили обмундирование, снаряжение, постельную принадлежность. Так я стал казаком на действительной царской службе, а за мной зачислили долг в 209 рублей..."

Из рассказов Степана Андреевича я узнал, что он начал службу в 4-м Донском графа Платова казачьем полку. Здесь он окончил полковую школу, а в 1907 году - фехтовальную и был произведен в младшие, а затем в старшие унтер-офицеры.

В 1908 году Зотов был оставлен на сверхсрочную службу, окончил школу подпрапорщиков, или, как называли казаки, подхорунжих. Степан Андреевич очень гордился этим званием, высоко почитавшимся казаками. Когда он прибыл в этом чине домой на побывку, вся станица во главе с заслуженными стариками встречала его с большими почестями.

В 1910 году Степана Андреевича перевели в 3-й казачий полк. Здесь он обучал молодых казаков, прибывавших на действительную службу главным образом из 2 го Донского округа. Среди них встречалось много земляков. Однажды с новой партией прибыл казак из станицы Качалинской Александр Митрофанович Детистов. За активное участие в революции 1905 года его арестовали и приговорили к тюремному заключению. Отсидев срок, он прибыл проходить воинскую службу. Зотов назначил Детистова эскадронным писарем.

Детистов очень много читал, а книги имел обыкновение хранить под тюфяком. Все книги, которые читали казаки, полагалось отмечать эскадронной печатью.

Однажды сотенный приказал Зотову проверить, на всех ли книгах имеется печать. Степан Андреевич велел казакам явиться с книгами. И вот потянулись они, кто с молитвенником, кто с

евангелием, кто с часословом. Детистов тоже принес евангелие и часослов. Вечером, когда все уже разошлись, Зотов вспомнил о привычке Детистова прятать книги под тюфяком. Сунул руку под тюфяк, а там действительно книга. Вытащил, стукнул печатью и положил на место.

Несмотря на различие в чинах, Зотов с Детистовым были большими друзьями. И вот как-то во время прогулки Детистов спрашивает:

- Степан Андреевич, это вы приложили печать к той книге, что под тюфяком лежала?

- Я. А что такое?

- А вы знаете, что эта за книга была?

- Откуда мне знать? Я ее не читал.

Детистов лукаво усмехнулся:

- Так это был "Капитал" Карла Маркса.

С 3-м казачьим полком 3-й кавалерийской дивизии Степан Андреевич прошел всю империалистическую войну. Четыре георгиевских креста и три медали - вот награды за его боевые подвиги.

В грозном 1918 году С. А. Зотов вернулся домой и сразу же вступил в красногвардейский отряд, который начал формироваться в Песковатке еще в декабре 1917 года.

К 15 апреля 1918 года в Песковатском красногвардейском отряде было уже около 500 пехотинцев, 140 кавалеристов, на 4 орудия батарейцев и на 6 расчетов пулеметчиков.

Боевая слава Песковатского отряда росла с каждым днем. В июле 1918 года отряд был реорганизован в полк. Ему присвоили наименование 1-го Советского революционного казачьего полка. Позже на базе этого полка и влившихся в него отрядов была сформирована 2-я сводная Донская казачья дивизия. Впоследствии она слилась с Морозовско-Донецкой дивизией. При этом конные части согласно приказу штаба 10-й армии вошли в состав 1-го конного корпуса под командованием С. М. Буденного.

С. А. Зотов был назначен начальником оперативного отдела штаба этого корпуса.

В один из погожих летних дней 1919 года в районе станицы Островской началась сложная и ответственная операция. Наша конница во что бы то ни стало должна была выиграть бой, чтобы обеспечить переход частей армии в контрнаступление. В противном случае всей 10-й армии пришлось бы отходить на север.

Буденный приказал мне выехать в бригаду С. К. Тимошенко.

- Части Тимошенко будут действовать на главном направлении удара пехоты противника, - напутствовал меня

Буденный. - Поезжайте к нему и покажите, чему вас учили в академии. Главное - объясните важность задачи и, если потребуется, помогите командиру бригады.

В штабе бригады за столом, накрытым картой, сидели комбриг, его помощник серб Данило Сердич и комиссар П. В. Бахтуров. Рядом, на подоконнике, стоял полевой телефон, по которому комбриг отдавал приказания командирам полков.

- С чем пожаловали? - спросил Тимошенко. Я изложил цель своего приезда.

- Хорошо. - Семен Константинович жестом пригласил меня к карте и продолжал: - Мы уже получили приказ и изучаем обстановку. Задача ясна. Трудная. Но, надеюсь, не подкачаем, выполним.

Условились, что Сердич поедет в один полк, Бахтуров - в другой, а мы с комбригом останемся на командном пункте бригады.

Когда все вопросы были детально обсуждены, комбриг пригласил нас к себе на ужин. По пути в соседнюю хату мы заглянули в сарай, где стояли, похрустывая сеном, лошади комбрига и комиссара.

- Какой из коней лучше? - повернувшись ко мне, спросил Тимошенко.

Я показал на рыжего донца, который, как оказалось, принадлежал Бахтурову.

- А этот, серый?

- Тоже неплохой. Видно, в нем есть арабская кровь.

Бахтуров засмеялся, лукаво посматривая на Тимошенко. Природный донской казак, он понимал толк в лошадях и знал, что конь комбрига резвее. Но надо же было использовать момент, чтобы подтрунить над Тимошенко, гордившимся своим четвероногим другом.

- Ишь захихикал! Обрадовался! - беззлобно повысил на него голос Тимошенко. - А ведь мой конь обгоняет его барбансона. Верно я говорю, комиссар?

- Было такое, - ответил Бахтуров.

- Ну, то-то, - примирительно сказал Семен Константинович.

За ужином разговор шел о предстоящей операции, начало которой намечалось с наступлением противника, ожидаемым утром следующего дня.

Вскоре комиссар и помощник комбрига уехали. Коротать ночь перед боем мы остались вдвоем.

- Как изменила революция судьбы людей, - сказал Семен Константинович. Вот я, к примеру, окончил только сельскую приходскую школу. Больше по пришлось. А теперь командую

бригадой.

Свою военную службу Тимошенко начал в 1915 году. Его досрочно призвали в царскую армию и зачислили рядовым запасного батальона, расквартированного в городе Николаеве.

Февральская революция застала С. К. Тимошенко в должности фельдфебеля пулеметного эскадрона одной из кавалерийских дивизий. Он пользовался большим уважением солдат, и они избрали его в солдатский эскадронный комитет. Когда совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, Тимошенко вместе со своими пулеметчиками, не колеблясь, пошел за большевиками.

1-й красногвардейский Черноморский отряд Матузенко, куда вступил Семен Константинович, позже был преобразован в 1-й Крымский конно-гвардейский полк. Его командиром стал С. К. Тимошенко.

В период боев за Царицын в состав полка был включен интернациональный отряд под командованием серба Данило Сердича. Затем к нему присоединился Качалинский казачий отряд Павла Васильевича Бахтурова. Крымский полк был преобразован во 2-ю бригаду 4-й кавалерийской дивизии, которой в то время командовал С. М. Буденный. С. К. Тимошенко назначили командиром бригады, Сердича - помощником, Бахтурова - комиссаром.

Засиделись мы в ту ночь с Семеном Константиновичем допоздна. Много рассказывал он о бойцах и командирах, хвалил интернационалистов.

- Надежные друзья и хорошие бойцы. На них можно смело положиться в любом деле, - говорил Тимошенко.

Заснули мы на исходе короткой летней ночи. С рассветом загрохотала артиллерия противника. Вражеская пехота перешла в наступление. На линии сторожевого охранения завязался бой.

Полки бригады были тотчас же подняты по тревоге и заняли исходные рубежи. Мы с Семеном Константиновичем вскочили на коней и через несколько минут уже находились на его командном пункте. Комбриг быстро разобрался в обстановке и отдал соответствующие распоряжения командирам полков.

- Будем действовать, как решили, - сказал Тимошенко. - Позволим пехоте противника переправиться на левый берег Хопра, скуем ее здесь огнем, а затем стремительным ударом во фланг и тыл отрежем от реки и пленим.

Я заметил, что план рискованный по соотношению сил и может сорваться в случае наступления крупных частей белогвардейской конницы.

Комбриг успокоил меня:

- Не волнуйтесь. У нас есть хорошие пулеметчики и артиллеристы. Прикроемся справа дивизионом, усиленным пулеметами и пушками. Кроме того, добавил Тимошенко, - я прошу начдива поддержать бригаду ударом по пластунам слева.

Все было предусмотрено. Задача решалась правильно, хотя с явным, но вполне оправданным риском.

В середине дня пехота противника форсировала Хопер и стала медленно наступать, сдерживаемая с фронта сковывающей группой бригады.

Но вот наша артиллерия перенесла огонь по левому флангу врага. Это было сигналом к атаке. Через полчаса мы увидели, как конники 23-го полка бригады устремились в тыл вражеской пехоты. Белогвардейцы начали отступать.

- Все как надо, - молодецки тряхнул головой Тимошенко. - Оставайтесь здесь, а мне пора.

Он пришпорил коня и, возглавив второй полк бригады, повел его в наступление. Его мощная фигура на крупном коне хорошо просматривалась в бинокль.

Пластунская бригада генерала Сутулова была разбита наголову. Конники Тимошенко взяли в плен около 1500 белогвардейцев, захватили несколько пулеметов и артиллерийскую батарею.

С большим удовлетворением я докладывал комкору о бое бригады и действиях ее командира.

С. М. Буденный усмехнулся в усы и сказал:

- Ничего удивительного. Любая наша бригада может с успехом громить казачью дивизию. В особенности бригада Тимошенко. Он сам отличный пулеметчик и умело использует мощную силу пулеметного огня. Но это еще не все. В его бригаде много бывших пехотинцев, обученных владеть шашкой. Они хорошо стреляют и неплохо владеют холодным оружием, в то время как белоказаки не любят возиться с огнестрельным оружием, не умеют использовать преимущества огня.

Позже я неоднократно видел Семена Константиновича в боях. Это был храбрый воин, душевный командир. Он умел подбодрить бойцов веселой шуткой, вовремя похвалить за инициативу и смекалку, проявлял трогательную заботу об их материальном обеспечении. Бойцы любили его и беспрекословно повиновались.

Тимошенко обладал поразительной выносливостью, мог без сна и отдыха долго находиться в седле, а потом часами сидеть над картой, анализируя прошедший бой или разрабатывая новую операцию. В 24 года он уже командовал прославленной 6-й кавалерийской, впоследствии Чонгарской Краснознаменной дивизией, которая громила конницу генералов Мамонтова и

Шкуро, освобождала Воронеж и Касторную, сражалась с деникинцами в Донбассе.

Воевал С. К. Тимошенко рука об руку с бригадным комиссаром П. В. Бахтуровым и своим помощником Д. Ф. Сердичем.

Павел Васильевич Бахтуров был исключительно яркой, одаренной личностью: жизнерадостный, остроумный, прекрасный оратор, поэт и музыкант, стойкий большевик, отважный воин.

Не менее колоритной фигурой был и Данило Федорович Сердич, человек большой души и скромности, умелый организатор, храбрый, беззаветно преданный делу революции командир.

Серб по национальности, он в 1912 году, гонимый нуждой, приехал в Россию к своим дальним родственникам. Работал в Одессе, Екатеринославе.

Сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции, в конце 1917 - начале 1918 года, на Украине, где было больше всего югославских товарищей, под руководством Коммунистической партии стали формироваться добровольческие интернациональные красногвардейские отряды, которые потом вливались в ряды Красной Армии.

Дапило Сердич в это время находился в Днепропетровске (бывший Екатеринослав). Здесь он сформировал и возглавил 1-й сербско-советский отряд. Этот отряд вошел в состав революционной Украинской армии и вел ожесточенные бои с кайзеровскими войсками, оккупировавшими Украину. Позже все интернациональные отряды влились в регулярные части Красной Армии. Конница, в частности, вошла в корпус С. М. Буденного.

Глубоко убежденный в победе над врагами социалистической революции, Д. Ф. Сердич не знал страха в бою. Раз и навсегда усвоил он, что командир-коммунист должен идти в бой первым, а выходить из него последним. Все мы были уверены, что Данило Федорович не подведет в схватке. Какая бы трудная задача ему ни ставилась, он находил пути для ее успешного выполнения.

Помнится, тяжелая обстановка сложилась для частей 10-й и 11-й армий. Между ними образовался большой разрыв. Белогвардейцы воспользовались этим и бросили значительные силы для удара по флангам 10 и и 11-й армий.

Сердичу было приказано объединить под своим командованием все отряды, находившиеся в районе Нижнего Чира, и устранить надвигающуюся угрозу. Дапило Федорович блестяще справился с этой задачей. Неоднократными контратаками он разбил до двух полков пехоты противника. В результате брешь между армиями была закрыта и угроза

ликвидирована. За эти боевые действия Сердич был представлен к ордену Красного Знамени.

Неувядаемой легендарной славой овеяно имя и другого сына сербского народа - гусарского офицера Олеко Дундича.

Дундич бежал из германского плена в Россию. Здесь его застала Февральская, а затем Великая Октябрьская социалистическая революция. Прогрессивно настроенные сербы, хорваты и словенцы взялись за оружие, чтобы защищать завоевания Октября. Олеко Дундич сформировал сербский советский отряд, из которого впоследствии были образованы 1-й югославский Коммунистический полк и кавалерийский дивизион. Потом они влились в 1-ю сводную Донскую кавалерийскую дивизию, а затем в конный корпус С. М. Буденного.

После одной из успешных атак полка, которым командовал Олеко Дундич, С. М. Буденный сказал:

- Вот, товарищи, мы с вами бьемся на своей земле, защищаем свою страну, а они воюют на чужой земле. Они защищают ваши интересы, как свои собственные, потому что понимают общность дела всех пролетариев. Это истинные интернациональные бойцы, это настоящие герои-революционеры.

Дундич свободно мог командовать крупным войсковым соединением. Однако он каждый раз отказывался от предложения принять бригаду или дивизию. Проникнуть в тыл врага с горсткой храбрецов, посеять там панику, захватить и привести "языка" или собрать важные сведения - вот что было стихией Дундича. Конники безгранично любили своего командира, готовы были идти за ним в огонь и в воду.

Перед наступлением конного корпуса Буденного на Воронеж было решено произвести тщательную разведку противника, выяснить систему его обороны. 23 сентября 1919 года кавалерийский разъезд под командованием Дундича переправился через реку в расположение противника.

Стояла ночь. Красные разведчики без труда обнаружили сторожевую заставу и конные патрули, курсировавшие вдоль линии фронта. Как миновать вражеское охранение?

- Прицепить погоны! - приказал Дундич.

Когда подъехали к перелеску, из темноты раздался окрик:

- Стой, кто едет?

Два казака, выбежавшие навстречу, наставили дула винтовок на разведчиков. Ни один мускул не дрогнул на лице Дундича. Он выехал вперед и властно крикнул:

- Вы что, хамы, ослепли? Не видите, что свои едут? Да я вас, подлецы...

Казаки растерялись и пропустили красный разъезд через

линию фронта. Дундич со своими разведчиками поскакал в глубь территории белых, запоминая расположение окопов заграждения и места, где, минуя их, можно ворваться в город. Ценные сведения были собраны. Теперь предстояло проскочить обратно через линию фронта к своим. Но белые, придя в себя, поняли, что в их тыл прорвался красный разъезд, и бросились на розыск.

Генерал Шкуро ждал, что вот-вот приведут пленных буденновцев. Но не тут-то было! Разведчики посекли преследователей и благополучно вернулись к своим.

24 сентября Воронеж был освобожден.

Сколько раз Олеко Дундич с небольшой группой лихих бойцов выполнял задачи, которые были под силу целому полку! Он был 24 раза ранен, но ни разу не покинул поля боя.

Имя Дундича, легендарного героя, гремело по всему фронту. Красный Дундич - так с легкой руки К. Е. Ворошилова звала его вся армия.

В июле 1920 года под Ровно отряд Дундича прорвался в тыл польских частей, посеял там невероятную панику, уничтожив свыше двух десятков солдат и офицеров. Обратно ему пришлось пробиваться сквозь вражеские цепи под двухсторонним огнем. Лихо вынес скакун Олеко Дундича, но вслед грянул залп, и отважного бойца революции не стало...

Много героев, талантливых командиров, беззаветно преданных делу революции людей выросло в рядах Первой Конной армии. Среди них Александр Пархоменко, Федор Морозов, Федор Литунов, Григорий Мироненко, Константин Трунов, медсестра Таисия Плотникова, награжденная двумя орденами Красного Знамени, и многие другие.

* * *

В середине сентября 1919 года конный корпус Буденного из района Кепинская, Усть-Медвединская был переброшен в район Воронежа для борьбы с белой конницей генералов Мамонтова и Шкуро.

В то время когда Буденный преследовал отходивших со станции Таловая мамонтовцев, конница Шкуро в районе Тулинова атаковала и отбросила на восток 12-ю стрелковую дивизию. В результате между нашими 13-й и 8-й армиями образовалась брешь, которая давала Шкуро полную свободу действий в северном направлении и возможность двинуться против красной конницы.

13-14 октября корпус Шкуро, приняв сосредоточенный в районе Усмани (Собакино) конный корпус Мамонтова за красных, завязал с ним бой. Ошибка была обнаружена только после пятичасовой потасовки. Корпуса белых объединились для

совместных действий. Конный корпус Шкуро расположился в районе Графская, Усмань, Воронеж, а генерала Мамонтова - юго-восточнее Воронежа.

Войскам Южного фронта предстояло в боях под Воронежем вырвать у врага инициативу, приостановить его наступление и подготовить условия для контрнаступления.

Южный фронт усиливался. Только с 15 сентября по 15 октября 1919 года в его распоряжение прибыло 2000 ответственных партийных работников. Центральный Комитет отстранил Троцкого от участия в руководстве операциями на юге. Сюда были направлены И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, Г. К. Орджоникидзе и другие видные деятели партии. Все соединения были пополнены новыми частями, прибывшими из Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска, Твери и других крупных городов.

Район действий нашей конницы в границах Усмань, Землянск, Касторная, Воронеж представлял собой плоскую равнину, пересеченную реками Воронеж и Дон, по берегам которых тянулись оборонительные сооружения белых. Мостов не было. Инженерных переправочных средств буденновцы не имели.

По железнодорожным линиям на участках от Графской до Лиски, от Воронежа до Касторной и от Ельца до Касторной курсировало 5-7 бронепоездов противника. Они тоже ограничивали действия красной конницы. Северная окраина Воронежа была опоясана проволочными заграждениями. Дороги из-за дождей стали труднопроходимыми. А позднее началась еще и гололедица.

Учтя особенности местности, расположение сил противника, его оборону, командование Южного фронта определило основное операционное направление для действий конницы через Воронеж на Касторную. Это направление по кратчайшему пути выводило корпус в тыл противника. С захватом Воронежа и станции Касторной срезался клин, образованный войсками белых в районе Орла. А разгром корпусов Шкуро и Мамонтова вел к срыву авантюристического плана похода Деникина на Москву.

К началу боевых действий в районе Воронежа конный корпус Буденного имел 4-ю и 6-ю кавалерийские дивизии, приданные корпусу конные подразделения 8-й армии, железнодорожную стрелковую бригаду и две бронеплощадки. Всего в корпусе было около 5500 сабель, 594 штыка, 180 пулеметов и 26 орудий.

Силы белых в районе Воронежа составляли: корпус Шкуро (до 5000 сабель, около 2 полков пехоты и 7 бронепоездов) и конный корпус Мамонтова (3000-4000 сабель). Общее командование конницей противника принял на себя Шкуро. Корпуса белых

находились на значительном удалении один от другого и действовали разрозненно. Поэтому численного превосходства белогвардейцев в решительные моменты боя почти не ощущалось.

В сражении под Воронежем и Кромами врагу был нанесен чувствительный удар. Наделавшая много шума своими грабежами белая конница Мамонтова и Шкуро с позором отходила на юг. В районе станции Касторная, на скрещении железных дорог Воронеж - Курск и Елец - Валуйки, прикрываясь реками Олым и Кастора, белогвардейские войска вновь создали сильную группировку. В этот район были стянуты офицерские полки так называемой Марковской дивизии. Здесь же было сконцентрировано много техники, вплоть до танковых подразделений. Танками марки Рено, только что полученными из Франции, белогвардейское командование намеревалось устрашить и остановить части Красной Армии.

Чтобы овладеть касторненским оборонительным рубежом, предстояло форсировать реку Олым. Это была невероятно трудная задача. Река к тому времени, несмотря на сильные морозы, еще не замерзла. Танки маневрировали перед передним краем, в глубине обороны противника; на железнодорожных линиях Елец - Касторная - Оскол, Касторная - Нижнедевицк курсировали до десятка бронепоездов.

Наша 4-я кавалерийская дивизия занимала район Ведуга, Гнилуша, Меловатка. Она должна была наступать в направлении Касторной и разбить противостоящую ей группировку противника. 6-я кавалерийская дивизия сосредоточилась в районе Киевка, Новая Ведуга. Ей ставилась задача: наступать в направлении станции Касторная, обеспечивая левый фланг корпуса.

Начальник штаба корпуса Виктор Андреевич Погребов, начальник оперативного отдела Степан Андреевич Зотов и я долго сидели и ломали голову над тем, как в создавшихся условиях провести Касторненскую операцию. Казалось, все было против нас.

- Как назло, и погода ни к черту, - хмурился Виктор Андреевич, - да и дивизии наши сильно разбросаны. Правый фланг - Успенское, в 40 верстах. Туда только подошли 11-я кавалерийская дивизия и бригада Колесова. 4-я и 6-я дивизии - на левом фланге.

- Позвольте, Виктор Андреевич, мне кажется, такое расположение частей позволяет корпусу нанести противнику концентрические удары с обоих флангов, - высказал я свое мнение.

- Верно, - согласился наштакор, - но для этого нужно иметь

численное превосходство, которого у нас нет.

Начальника штаба поддержал начоперотдела С. А. Зотов.

- Да, погода для наступления, конечно, неподходящая. Но что остается делать? - настаивал я на своем. - Топтаться на месте, чтобы противник вновь навязал нам свою волю? Пойдем к Семену Михайловичу, доложим ему наши соображения, пусть он скажет свое слово.

Так и решили.

Когда мы переходили улицу, порывистый ветер со снегом чуть не валил нас с ног.

- Держись, Тюленев! - весело крикнул мне Погребов. Когда мы вошли в сени и стряхивали с себя снег, он сказал:

- Видал, какая погода? А ты говоришь - наступать. Да в такую погоду хороший хозяин собаку со двора не выпустит.

Буденный нас ожидал. Зотов доложил ему наши соображения, упомянув о неподходящей погоде.

- А я считаю, погода самая подходящая для нашего наступления, - сказал Семен Михайлович. - Обеспечит нам внезапность. Надо полагать, беляки нас не ожидают, а мы им как снег на голову свалимся.

Говорил Буденный убедительно. Взвешивая все "за" и "против", он подробно изложил нам план предстоящей операции.

- Наступать надо завтра же утром, при любой погоде, - заключил Семен Михайлович.

Больше всего Буденного беспокоило, успеем ли мы передать приказ, чтобы все части корпуса подготовились к наступлению.

Решили, что в 11-ю дивизию и в бригаду Колесова поеду я, в 4-ю Потапов, а Семен Михайлович со штабом будет находиться на левом фланге, в главной группировке.

Было очень поздно, когда я вернулся из штаба. Ординарец ожидал меня с ужином.

- Не до ужина, готовь лошадей, выезжаем в 11-ю дивизию.

- В такую-то стужу? Да ведь до одиннадцатой верст сорок.

- А хоть бы и сто! Нужно ехать.

- Мне что, я готов. Пока вы покушаете, лошади будут готовы.

Ночью я со взводом охраны выехал из Стадницы, где был штаб корпуса. Снежная метель продолжала свирепствовать, мороз крепчал. За околицей села бойцы еще раз проверили седловку копей, а я тем временем уточнил по карте маршрут.

Двигаясь переменным аллюром, мы в точно намеченный срок добрались до штаба 11-й дивизии.

Когда я вошел в штабную избу, с головы до ног облепленный снегом, все а здесь собрался весь командный состав дивизии - удивленно посмотрели на меня.

- Вы из штаба Буденного? - спросил начдив Матузенко.

- Так точно! - Я еле шевелил языком, долго потирал замерзшие руки и наконец вытащил пакет с приказом о наступлении.

Матузенко быстро пробежал его глазами, удивленно взглянул на меня, потом вслух прочел приказ находившимся здесь комиссару дивизии Озолину, комбригам Маркозашвили, Подмозко, Патоличеву и Колесову.

- Все будет в порядке, Тюленев, так и доложите товарищу Буденному, сказал Колесов после оглашения приказа, обращаясь ко мне как к старому знакомому.

- А я не собираюсь уезжать, мне приказано остаться с вами.

Комбриги получили боевую задачу. Замысел операции был прост: атаковать противника с юга и севера, окружить и разгромить в районе станции Касторная.

Расходились далеко за полночь. Мне отвели квартиру для отдыха, но я с удовольствием принял приглашение комиссара Озолина и пошел к нему.

Квартировал комиссар дивизии в бедной крестьянской хате. Мы с удовольствием растянулись на охапке душистого сена, брошенного ординарцем прямо на пол. Усталость после трудного пути давала себя знать, слипались веки, но мне хотелось поближе познакомиться с Озолиным, поговорить с ним, поподробнее расспросить о боевом и политическом состоянии дивизии.

Как будто отвечая на мой вопрос, Константин Иванович сказал:

- Дивизия крепкая!.. Много бойцов служили в царской коннице. Кавалерийское дело знают и любят. Коммунисты и комсомольцы есть в каждом полку, они задают тон. Немало добровольцев из рабочих, откликнувшихся на призыв партии: "Пролетарий - на коня!" Многие командиры воевали еще в красногвардейских отрядах. Так что сила вполне надежная! Да что я расхваливаю? Завтра сами увидите дивизию в бою. - Озолин помолчал, заложил руки под голову и, вспоминая недавнее, продолжал: - Перед выступлением на фронт мы во всех полках провели митинги. Вы не представляете себе, как ликовали бойцы, когда мы сообщили им, что наша дивизия вливается в состав конного корпуса Буденного. Земля дрожала от восторженного "ура". По одному этому можно судить о настроении наших бойцов. Я уверен, что одиннадцатая дивизия не посрамит боевой славы буденновцев!

- А скажите, Константин Иванович, - спросил я, - мороз не устрашит ваших бойцов?

- Нет, мороз для нас не помеха. Бойцы хорошо

обмундированы, - ответил он и как бы в доказательство протянул мне свой суконный шлем: - Настоящий буденновский...

Постепенно наш разговор перешел на личные темы. Далеко за полночь Константин Иванович задремал, а я еще долго лежал и думал об этом человеке, испытавшем столько невзгод за свои 26 лет, но сохранившем крепость духа.

Родился Озолин в семье рабочего Либавского порта. Жила семья бедно. В шесть лет Костю отправили в деревню к дяде, который сам батрачил на барона. Через два года мальчик вернулся и стал обучаться переплетному ремеслу, а по вечерам учился грамоте. В революцию 1905 года, когда отец и его товарищи рабочие сражались на баррикадах, 12-летний Костя по их заданию расклеивал и разбрасывал прокламации.

Много переживаний и потрясений принес Константину 1914 год. В то время он работал подмастерьем-мукомолом в имении Грендсгоф Добенского уезда. Здесь он полюбил дочь арендатора мельницы Ирину. Девушка отвечала взаимностью, но ее отец и мачеха и слышать не хотели о браке. Тогда молодые люди убежали без родительского благословения. Поселились они в Тукумском уезде, где Озолин, считавшийся уже квалифицированным мукомолом, получил место мастера на мельнице акционерного общества.

Недолгим, однако, было счастье молодоженов. Разразилась мировая война, немецкие войска оккупировали Курляндскую губернию. Захватчики грабили население. Не обошли они, конечно, и мельницу, на которой работал Озолин. Молодому мастеру иногда приходилось вести переговоры с немецкими солдатами. Когда в губернию вступили русские войска, по чьему-то доносу власти арестовали Озолина "за общение с неприятелем".

Озолин сидел в камере вместе с группой латышских и польских социал-демократов. Некоторые из них провели в тюрьмах по пятнадцать лет. В камере часто велись беседы на политические темы, порой разгорались жаркие споры. Здесь-то Константин узнал, что у рабочих есть своя партия, цель которой - свергнуть царское самодержавие, установить в стране власть пролетариата.

Несколько месяцев Озолин находился под следствием. Ему угрожал военный суд. Но вдруг тюремные ворота распахнулись. По настойчивому требованию латышских патриотических батальонов, действовавших на фронте, власти вынуждены были освободить несправедливо арестованных латышей.

Выйдя из тюрьмы, Константин поехал в Нижний Новгород, намереваясь поступить на завод, где работал его дядя. Но едва он

явился на регистрацию к воинскому начальнику, его мобилизовали в армию и зачислили в 62-й запасный полк. Предстояла отправка на фронт. Воевать за чуждые народу интересы он не хотел и добился назначения в команду специалистов. Несколько месяцев работал на военных предприятиях. Потом его все-таки послали на Юго-Западный фронт, во 2-й отдельный тяжелый артиллерийский дивизион.

В марте 1917 года на многолюдном собрании солдат и унтер-офицеров рядового Озолина избрали председателем комитета, возглавившего воинскую часть.

В августе "ненадежный" артдивизион сняли с передовой и отправили в Смоленск. Константин Озолин установил там связь с местной большевистской организацией и был принят в ряды партии.

В дни Октябрьского вооруженного восстания дивизион становится опорой большевиков. Он принимает активное участие в разоружении войск, верных Временному правительству. В октябре 1917 года личный состав дивизиона избирает К. И. Озолина своим командиром.

Из Смоленска артдивизион отправили в Тамбов на расформирование. Здесь К. И. Озолин создает из остатков бывших латышских батальонов так называемую колонну латышских стрелков. К латышам присоединились передовые, революционно настроенные солдаты из числа военнопленных. Так родился Коммунистический отряд особого назначения под командованием Константина Озолина.

Отряду Озолина сразу же пришлось выступить против врагов рабоче-крестьянской власти, участвовать в подавлении контрреволюционного мятежа в Тамбовской губернии.

Летом 1918 года по приказу Реввоенсовета Республики отряд Озолина прибыл на Южный фронт, в 9-ю армию. Здесь он влился в Латышскую ударную группу. Спустя два месяца по приказу Реввоенсовета армии Озолин формирует особую кавалерийскую бригаду и назначается ее комиссаром.

Целый год он был комиссаром этой бригады. А тогдашний год по стремительности событий, по напряженности стоил иного десятилетия. Затем Константина Ивановича назначили комиссаром 11-й кавалерийской дивизии.

...И вот наступило утро.

Начинать операцию должны были два полка из бригады Маркозашвили. Спешившись, они шли к пере нраве через реку Олым. Справа от них находилась бригада Подмозко, слева - бригада Колесова. Бригада Патоличева располагалась в центре.

Комиссар находился в первом спешенном эшелоне, действия

которого решали успех боя.

Спешенные кавалеристы, пройдя лощину, приближались к реке. Противник огня не открывал. Как только наши вышли на берег Олыма, начали бить вражеские пушки. Однако нашим батареям удалось быстро нейтрализовать огневой удар.

Олым был затянут тонким слоем льда. Первый же вступивший на него боец провалился по пояс в воду и выскочил обратно на берег.

- Что же, придется искупаться, - весело, как будто ничего особенного в этом не было, сказал Озолин.

Подминая ледяную корку, он вошел в холодную воду. За ним последовали бойцы.

Затем ринулись в атаку кавалеристы бригад Колесова и Патоличева. Пехотные части белых, не ожидавшие такого стремительного броска, стали поспешно покидать переправы на правом берегу Олыма.

В мокром, обледеневшем на морозе обмундировании бойцы сели на коней, переправленных через реку, и продолжали преследовать врага.

Почти до самого селения и станции Касторной дошли наши конники. Но здесь наступление захлебнулось. Генерал Постовский бросил для защиты железнодорожного узла офицерские полки, за спиной которых пришла в себя и отступившая пехота белых.

Начдив Матузенко, комбриг Колесов и я, перебравшись на новый командный пункт, с беспокойством наблюдали за полем боя, пытались восстановить связь с 42-й стрелковой дивизией, которая должна была подойти на правый фланг, но все еще не подходила.

Долго длилось сражение. Наши полки то в конном, то в пешем строю атаковали позиции белых. Однако безуспешно. К вечеру противник перешел в контрнаступление. На левом фланге мы отражали атаки, а на правом бригаде Подмозко приходилось отходить. Но вот наконец подошли передовые части 42-й дивизии, и продвижение врага было приостановлено. В это же время главные силы корпуса прорвали фронт противника юго-восточнее Касторной. 4-я и 6-я дивизии, которые вел сам Буденный, перерезали железную дорогу и преградили белым путь отхода на юг.

11-я дивизия снова ринулась в стремительную атаку. И противник уже не смог выдержать этого удара, солдаты партиями сдавались в плен. Только 11-я кавалерийская дивизия на своем участке взяла в плен полторы тысячи солдат, захватила три бронепоезда и много всякого военного имущества.

Касторненская операция была блестяще завершена.

Победа красной конницы под Касторной знаменовала собой начало нашего общего наступления и поражения белых армий генерала Деникина.

* * *

17 ноября 1919 года Реввоенсовет Республики по докладу командования Южного фронта принял решение о переименовании 1-го конного корпуса Южного фронта в Конную армию РСФСР. В Реввоенсовет армии вошли К. Е. Ворошилов и Е. А. Щаденко, а затем бывший секретарь Царицынского комитета РКП (б) С. К. Минин.

Для официального оформления этого акта в село Великая Михайловка Старо-Оскольского района, где находился штаб корпуса, прибыло командование Южного фронта - А. И. Егоров и И. В. Сталин.

На объединенном заседании Реввоенсоветов Южного фронта и корпуса командующий фронтом Александр Ильич Егоров зачитал приказ о переименовании 1-го конного корпуса Южного фронта в Конную армию РСФСР.

- Отныне, - сказал он, - штаб корпуса принимает на себя все функции армейского организма и становится штабом Копной армии. Прошу врид начальника штаба Первой Конной армии С. А. Зотова доложить командованию Южного фронта обстановку и те задачи, которые выполняют части армии.

С. А. Зотов раскрыл папку и начал докладывать:

- На фоне общей задачи разгрома противника в Донбассе в соответствии с директивой фронта Первая Конная армия по решению командарма Буденного и его штаба должна явиться основной силой - тараном, разрезающим врага от порога Донбасса до Азовского моря. Ее решительные действия дадут возможность войскам Южного фронта уничтожить вражеские силы по частям.

Члены Реввоенсовета фронта одобрили доклад Зотова. И. В. Сталин сказал в заключение:

- Наша задача состоит в том, как правильно доложил товарищ Зотов, чтобы рассечь фронт противника на две части, не дать войскам Деникина, находящимся на Украине, отойти на Северный Кавказ. В этом залог успеха. И эту задачу командование фронта возложило на Первую Конную армию.

Задача очень ответственная, она потребует максимум сил и напряжения. Конной армии придется идти через Донбасс, где может не быть фуража. Но ее будет встречать пролетариат Донбасса, который ждет Красную Армию и отдаст все, что может... Руководство фронта примет в свою очередь все меры к

тому, чтобы обеспечить Конную армию всем необходимым.

На этом заседании С. М. Буденному было вручено Почетное революционное оружие (шашка) с орденом Красного Знамени на нем, а С. А. Зотову - золотые именные часы.

В штабе работы прибавилось, и она значительно усложнилась. Выполняя обязанности начальника разведки армии, я уже не ограничивался только перечислением добытых разведданных, а тщательно анализировал их и делал соответствующие выводы, да еще с прогнозом на будущее. В то же время не раз задумывался: "А по плечу ли мне это? Не лучше ли уйти в строй?"

Свое желание я высказал командованию. Семен Михайлович Буденный и Климент Ефремович Ворошилов и слышать не хотели о моем уходе из штаба.

- Что, бежать хочешь? - сказал Ворошилов. - Трудностей испугался? А может быть, с нами работать не хочешь? Нет, батенька мой, твой пост здесь. Придет время - мы тебя направим на командную должность. А пока работай здесь и не бойся трудностей - не боги горшки обжигают. Опирайся на своих помощников, да и мы поможем...

* * *

В первой половине декабря 1919 года Конная армия выдвинулась на исходный рубеж для решительного удара. Час освобождения Донбасса настал.

Деникин сосредоточил свои силы у Купянска, стремясь здесь задержать наступление Красной Армии. Нам предстояло взять станцию Сватово и перерезать железную дорогу, идущую с севера в Донбасс. Эта задача была возложена на ударную группу в составе 4-й и 11-й кавалерийских дивизий.

16 декабря, серым холодным утром, три бригады четвертой дивизии подошли к станции Сватово и... "осадили назад". Пять бронепоездов открыли по ним огонь.

За полотном железной дороги до самого ската высокой длинной гряды раскинулось огромное село Ново-Екатеринославль. К нему вела одна-единственная дорога - через полотно. Но наши разведчики все же сумели проскочить в село и сообщили, что войск противника там нет, лишь на станции у бронепоездов сосредоточились офицерские роты и разные команды.

Узнав об этом, командир второй батареи Шаповалов решил атаковать бронепоезда с тыла. Его батарея рванула с места и под яростным пулеметным огнем с грохотом проскочила за полотно. Прошло несколько минут, и с тылу по бронепоездам ударили шаповаловские пушки. Удар достиг цели - паровоз

предпоследнего бронепоезда сошел с рельсов и преградил путь остальным. Только одному бронепоезду удалось уйти. Удирая, он беспорядочно стрелял по красной коннице, которая лавиной неслась к станции...

Белых не на шутку встревожил этот прорыв в их тыл. Враг решил во что бы то ни стало разбить здесь наши части. Генерал Мамонтов посадил на крестьянские подводы две тысячи офицеров. Под прикрытием двух конных дивизий и остатков конницы Шкуро и Улагая они устремились к селу, надеясь застать нас врасплох. Но наша разведка не дремала. На рассвете командир 19-го полка Стрепухов докладывал Городовикову:

- Товарищ начдив! От Купянска по хребту движутся обозы белых, прямо на нас прут... А конницы при них мало. Дозволь враз забрать.

- Чего же дозволять? Выступай и действуй. Только донеси, нет ли там чего посерьезнее обозов, - напутствовал его Городовиков и приказал поднять дивизию по тревоге.

Не успел 19 и полк приготовиться к атаке, как из обозов стали выскакивать пехотинцы. Их цепи ринулись вперед. Дивизия, не успевшая развернуться, была атакована пехотой и конницей белых. Наши полки шаг за шагом отходили обратно к селу. А там - станция с огромными трофеями, да еще свои обозы!.. В сумерки все части 4-й дивизии спустились в село. Вслед за ними туда же ворвались и пехотные цепи противника. Утомленные ночным походом и дневным боем, белые не в состоянии были развить уличную схватку. Наша конница тоже была изрядно потрепана и не могла перейти в контратаку.

Так и ночевали войска обеих сторон в разных концах одного и того же села. Лишь на рассвете совместно с подошедшей бригадой 11-й дивизии части 4-й дивизии быстро выбили противника из своего расположения. Белые отошли к югу в село Меловатка, где начали собираться и группироваться, прикрываясь бронепоездами, подошедшими из Донбасса.

Два последующих дня велись бои, не приносившие успеха ни нам, ни противнику. Особенно мешали бронепоезда белых. Были они и у нас, но не могли подойти из-за неисправности пути.

Поздно вечером 19 декабря Буденный, Ворошилов, Зотов и я прибыли в штаб 4-й дивизии. Познакомившись с обстановкой, приступили к обсуждению плана дальнейших действий. Совещание затянулось до рассвета.

Вдруг тишину декабрьского утра разорвал грохот взрыва. Это бронепоезд белых в сумерках подполз к селу. Рвануло еще два разрыва, совсем близко.

- Видимо, не дадут нам сегодня вздремнуть, а мы и

вчерашнюю ночь не спали, - спокойно сказал Семен Михайлович.

Я осторожно посоветовал им перебраться на другую окраину села, куда снаряды противника не долетали.

- А вы, дорогой, не беспокойтесь за нас. Когда нужно будет, переберемся. Лучше узнайте-ка, почему молчат наши трофейные бронепоезда? попросил Климент Ефремович и принялся за чай, принесенный ординарцем.

Не успел я дойти до станции, как раздались наши ответные выстрелы. Захваченные у белых бронепоезда за ночь были отремонтированы и ударили по вражескому бронепоезду. Не ожидавший этого, он моментально смолк.

Вскоре разведка донесла, что от Меловатки на хребет начали выдвигаться большие колонны конницы. Наши полки тоже стали вытягиваться на хребет, не ожидая, пока противник появится под самым носом.

Часов около одиннадцати белые заметили наше встречное движение и стали развертываться для атаки. Невооруженным глазом было видно, как огромные колонны конницы расходились в стороны от большака, разворачивались во фронт целыми полками.

О. И. Городовиков обратился к подъехавшим на командный пункт комбригам:

- Видите сами, противник собирается нас атаковать. Мое решение: второй бригаде встретить его тут. Приготовить батарею. Огонь открыть по моему сигналу. Первая и третья бригады движутся балкой к деревням Юрьевка и Марьевка. Как только белые подойдут сюда, атакуйте их во фланг.

Вдалеке справа гулко грохотала артиллерия. Там наступала наша 9-я стрелковая дивизия. 1-я и 3-я бригады быстро свернули в балку и двинулись вперед.

Противник между тем приближался. Вскоре он открыл огонь двумя батареями. Перелет. Недолет. Но вот одна граната разорвалась в тридцати шагах от командного пункта. Осколки и куски мерзлой земли пронеслись над головами. Шарахнулись лошади. Климент Ефремович, удерживая своего коня, шутливо заметил:

- Вот дураки! Чего зря снаряды расходуют? А вы что ж, когда угостите их? - обратился он к командиру 2-й батареи Шаповалову.

- Да вот, как товарищ начдив прикажет... По-моему, пора начинать, а то нащупают батареи, придется менять позицию, - ответил Шаповалов и ожидающе посмотрел на Городовикова.

- Ну и начинай! Бей их обеими батареями! - ответил Городовиков.

Мимо командного пункта прошел 21-й кавалерийский полк и стал развертываться для атаки. Бойцы, заметив Буденного и Ворошилова, весело приветствовали их.

- А! Доно-ставропольцы, - узнал старых знакомых Климент Ефремович. Он помнил их по царицынским операциям, когда командовал 10-й армией.

- Батареи... огонь!.. - скомандовал Шаповалов. Грянул залп.

Четыре черно-серых столба поднялись над цепями противника.

- Хорош!.. Первая батарея, по колонне... гранатой!.. Вторая - по батарее... огонь! - выкрикивал Шаповалов.

На ровной местности цепи были видны как на ладони. Артиллеристы работали без устали. В считанные минуты они буквально забросали противника гранатами и шрапнелью. Белые не ожидали такого яростного огня. Цепи дрогнули, расстроились. Спасаясь от обстрела, пешие, всадники, повозки шарахались из стороны в сторону, усиливая беспорядок и неразбериху.

И вот уже на врага, словно горные потоки с круч, сверкая клинками, сотрясая воздух громовыми раскатами "ура", стремительно ринулись полки 2-й бригады...

- Видишь, Семен Михайлович, какой паник получился кадетам! - радостно воскликнул Городовиков. - Разреши и мне пойти в атаку, мне тут делать нечего...

- И нам тут нечего делать, - поддержал его К. Е. Ворошилов и, приподнявшись на стременах, пустил коня вскачь.

Мы понеслись за ним. Ветер свистел в ушах, шапки ломило назад. Кавалеристы преследовали небольшие группы отставших всадников. Белая конница, в три раза превосходившая нашу вторую бригаду, была так потрясена огневым шквалом и конным ударом, что не смогла опомниться и оказать сопротивление.

В двадцатых числах декабря Конная армия вступила в Донбасс. Остановились мы на станции Переездной.

С фуражом было плохо. Меня одолевали тревожные мысли: "Чем накормить коней?" Заглянул в конюшню, а кони похрустывают сеном!

Зашел в хату, смотрю - мой ординарец сидит с хозяином, старым шахтером, и пьет чай, вернее, не чай, а заваренную травку. А хозяйка печет коржики.

- Откуда это? - удивился я.

Рабочий укоризненно поглядел на меня:

- Что же ты, товарищ командир, думаешь, мы от беляков спрятать кое-что не сумели? Или, думаешь, мы вас не ждали?

Я с удовольствием уселся за стол к самовару. До чего же вкусной показалась мне эта травка!

Но не успел выпить и кружки, как меня срочно вызвали в штаб. Туда то и дело приходили рабочие - молодые и старые, просили принять их в армию.

Вечером ординарец сказал мне:

- Ну и народ золотой эти шахтеры, товарищ командир! Самому есть нечего, а он последнее отдает.

Никогда конармейцы не забудут теплых товарищеских встреч с донецкими рабочими. Не было ни одного района, села или города, где бы нам навстречу не выходили шахтеры с песнями, знаменами, хлебом-солью.

В тылу у белых восстал Луганск - родной город Климента Ефремовича. Это восстание лишило противника возможности производить какие-либо маневры на левом фланге нашей армии.

Рабочие тоже вели войну с белыми: заваливали шахты, уносили и прятали инструменты, выводили из строя электростанции и оборудование. Но как только требовался свет и уголь для Красной Армии, рабочие немедленно исправляли все повреждения.

Помню, как однажды пленный офицер с ненавистью сказал:

- Мы пытались задержаться на Северном Донце, но в этом проклятом районе все за вас, красных. Жаль, - добавил он, - что мы слишком поздно узнали об этом!

...Разбитые, рассеченные на две части, белые армии спешно уходили в Крым и за Дон.

2 января 1920 года Деникин объединил все войска на Дону под общим командованием генерала Сидорина, которому подчинил в оперативном отношении и "добровольческий" корпус генерала Кутепова. Ростов-на-Дону прикрывался "добровольцами", Новочеркасск - Донской армией, в центре же, на уступе, сосредоточились конные корпуса генералов Топоркова и Мамонтова.

Белые рассчитывали задержать наступление красных у Ростова, чтобы успеть эвакуировать ценности из Ростова и Таганрога и вывести армейские тылы за Дон. Но их расчеты не оправдались. 6 января они отошли на ростов-новочеркасский плацдарм.

Несмотря на ожесточенные многодневные бои в Донбассе, Красная Армия не утратила своего боевого порыва. Она с ходу атаковывала врага.

8 января в 20 часов 6-я кавалерийская дивизия ворвалась в Ростов. На окраинных улицах было тихо и безлюдно. Лишь в центре шел пьяный разгул офицеров. Опомнились они лишь тогда, когда красные конники заняли половину города. Завязались уличные бои. До утра не утихали выстрелы. Наши

освобождали улицу за улицей.

В тот же вечер 4-я кавалерийская дивизия заняла станицу Нахичевань. Противник предпринял отчаянную попытку вернуть утраченные позиции. К рассвету сюда подошли два пехотных полка белых и атаковали наших конников. Но те спешились и перешли в контратаку. После двухчасового боя оба вражеских полка были взяты в плен. Большую помощь нашим кавалеристам в этом бою оказал автоброневой отряд имени Свердлова.

Утром 9 января 4-я кавалерийская дивизия заняла станицу Аксайская, а 10 января от белых был окончательно очищен Ростов.

Требовалось еще одно усилие, еще один мощный согласованный удар, чтобы на плечах врага форсировать реки Дон и Маныч. Но надо было подготовиться к наступлению: создать ударную группировку из кавалерийских дивизий, перегруппировать части 8-й армии.

Однако командование Северо-Кавказского фронта по сделало этого. Помешали головокружение от успехов и недооценка сил противника. Наступление было начато бел необходимой подготовки, а белые к тому времени успели закрепиться.

Утром 17 января наши 4, 6 и 11-я кавалерийские дивизии двинулись в направлении станицы Ольгинская, а 9-я и 12-я стрелковые дивизии, обеспечивая правый фланг армии, - на Батайск. Одновременно из Ростова должны были выступить части 8-й армии. Однако их перегруппировка затянулась, и в нужный момент к батайским позициям они так и не подошли.

В 10 часов утра части Конной армии по льду переправились через Дон. Противник не препятствовал переправе, но на левом берегу предпринял контратаки. Бой длился весь день. Болотистая местность, затруднявшая действия конницы, отсутствие артиллерии (ее не удалось переправить) заставили нас отойти.

19 января наша кавалерия и пехота, подтянув артиллерию, возобновили наступление на Батайск. В полдень конница обеих сторон развернулась лавой. Исход шестичасового боя решили артиллерия и бронепоезда, которых у белых было больше, чем у нас. Противнику удалось снова отбросить наши части на правый берег Дона.

Реввоенсовет Первой Конной армии доложил командующему фронтом о невозможности добиться успеха в районе Батайска и предложил ранее разработанный план, который сводился к перегруппировке сил Первой Копной, сосредоточению их в районе станицы Платовская и нанесению оттуда удара в направлении станицы Тихорецкая. Но командующий фронтом не поддержал нас и на этот раз. Он приказал снова перейти в

наступление и во что бы то ни стало овладеть Батайском.

21 января опять разгорелись бои. Станица Ольгинская несколько раз переходила из рук в руки, но к Батайску мы так и не смогли подойти. Во второй половине дня для нас создалось тяжелое положение. Противник попытался отрезать наши войска от переправ. Только благодаря решительным действиям 1-й бригады 4-й кавалерийской дивизии (резерв Конной армии) удалось ликвидировать угрозу окружения, но нам вновь пришлось отойти.

В безуспешных боях за Батайск Первая Конная и 8-я армии понесли тяжелые потери, хотя крепко досталось и противнику. К концу января наши войска попытались наступать на реке Маныч. Но и здесь из-за несогласованности в действиях и отсутствия необходимой подготовки бои были неудачными для нас.

С. М. Буденному доложили, что погиб комиссар 11-й дивизии К. И. Озолин.

- Очень и очень жаль, что мы потеряли такого чудесного человека. Но берегут себя наши комиссары и командиры, - тяжело вздохнул Буденный.

К нашей великой радости, весть о гибели К. И. Озолина оказалась неверной, и через несколько дней он появился в Ростове.

Как выяснилось позже, Константин Иванович был ранен во время поездки на правый фланг дивизии. Истекая кровью, он добрался до села. Там ему удалось достать лошадь и прискакать в станицу, занятую красными. На льдине он переправился через Дон, а затем на волах добрался до Ростова.

* * *

Белые делали все возможное, чтобы удержать Северный Кавказ. С этой целью спешно проводилась мобилизация.

Генералу Деникину удалось пополнить свои войска и создать мощную конную группу под командованием генерала Павлова. К 24 февраля у Павлова насчитывалось 15 900 сабель, 3 бронепоезда и около 4000 штыков.

Таким образом, врагу удалось собрать и привести в боевое состояние солидные силы. Правда, после поражения в Донбассе и под Ростовом вера в победу у белогвардейских солдат была сильно подорвана. В предгорьях Кавказа многие из них предпочитали дезертировать в так называемые "зеленые отряды".

Требовалось срочно принимать все меры для ликвидации деникинщины. Партия, В. И. Ленин укрепили руководство Северо-Кавказским фронтом. Командующим фронтом был назначен М. Н. Тухачевский, членом Реввоенсовета Серго Орджоникидзе. Новое руководство приняло решение начать наступление. Первая

Конная армия во взаимодействии с общевойсковыми армиями должна была нанести противнику поражение ударом во фланг и тыл.

Выполняя эту задачу, дивизии Первой Конной армии сломили сопротивление врага и нанесли ему сокрушительные удары в районе станций Торговая, Белая Глина, Егорлыкская. Крах всей южной группировки контрреволюционных сил был предрешен.

Особенно отличились наши артиллеристы и пулеметчики. Артиллерия быстро выдвигалась вперед и с открытых позиций била по колоннам противника. Тачанки с установленными на них пулеметами врезались в передовые группы конницы, и пулеметчики получали возможность вести огонь с 300-400 шагов. Командование противника растерялось и перестало управлять боем. В результате началась паника, повальное бегство.

Уцелевшие кавалерийские части белых отошли в Егорлыкскую. 26 и 27 февраля при поддержке пехоты они пытались наступать, но энергичным контрударом Конной армии были отброшены в исходное положение.

В начале марта Реввоенсовет Кавказского фронта приказал частям 10-й армии и Первой Конной армии окончательно разбить конную группу генерала Павлова в районе Егорлыкской.

3 марта под Егорлыкской завязался ожесточенный бой. Он закончился поражением белой конницы.

Конармия Буденного в боях под Торговой, Белой Глиной и Егорлыкской захватила 7000 пленных, 67 орудий, 153 пулемета, около 1000 подвод и 5 бронепоездов.

Полевой штаб Первой Конной армии находился непосредственно в боевых порядках своих дивизий.

Как-то наша штабная колонна двигалась через хутор Козюрин и станицу Платовская, то есть по тем местам, где Буденный начал формировать свой первый конный отряд. Ворошилов предложил наехать к родным Буденного. Он шутливо обратился к нему:

- Ну так как же, Семен Михайлович, сегодня гостим в твоем родовом имении? Посмотрим, как живут твои родичи.

- На хуторе Козюрин у меня осталась теща Дарья Андреевна, - отозвался Буденный, - замечательная женщина. Мать пяти боевых сыновей, а шестая у нее дочка - жена моя, Надежда Ивановна. Все они в 1918 году пошли в конно-партизанские отряды защищать Советскую власть. Старшего сына Григория зверски замучили белые под Куберле, а средний, Никифор, погиб смертью храбрых под Гашуном. Сейчас в нашей армии осталось трое бойцов Гончаровых и четвертая - Надежда Ивановна. Вот она какая, моя родня! А "имение" у нас не больше той железнодорожной будки, в

которой вы когда-то со своим папашей жили, Климент Ефремович. Разница лишь в том, что ваша будка была деревянная, а у Дарьи Андреевны хата глиняная.

- Как бы нам не проехать такой хутор.

- Тюленев, прикажи бойцам хорошенько посматривать, - обратился ко мне Семен Михайлович. - А то как пить дать проедем мимо. Был со мной такой случай. Правда, осенью. Решили мы заскочить в хутор повидаться с родными. Кружили очень долго, а хутора найти не могли - как сквозь землю провалился! Наконец наткнулись на скирды сена и решили заночевать. А утром проснулись, оказалось - ночевали рядом с хутором. Вот ка кие чудеса бывают...

Ехавшие впереди бойцы заговорили с кем-то. Мы остановились, стали прислушиваться.

- Куда вас черти несут, землянку мне развалите, а я гостя дорогого жду, - услышали мы громкий женский голос.

- Потише, мамаша, тут сам Буденный едет, а с ним и Климент Ефремович Ворошилов, - объяснили ей бойцы.

- Да что ж вы, разбойники, раньше-то мне не сказали? - всплеснула руками женщина. Это была Дарья Андреевна, теща Семена Михайловича Буденного.

После приветствий она пригласила нас в глиняную хату. Мы с трудом разместились в ней.

- Ну, мамаша, расскажи, как вы тут жили? - спросил Буденный.

- Когда красные отряды начали отходить к Царицыну, и мы, всем нашим хутором, решили уйти вслед за ними, - стала охотно рассказывать Дарья Андреевна. - Только тронулись по большаку, как вдруг, откуда ни возьмись, конные белогвардейцы. Несколько раз возвращали они нас обратно, но, как только казаки скрывались из виду, мы снова поворачивали на ту дорогу, по которой ушли красные отряды. Целую неделю кружили так по степям. Однажды, как на грех, при обыске у мальчишки Медведева беляки нашли винтовку и патроны. Что было нам за это, рассказать трудно. Били плетьми мальчонку... Измучились мы. Да и волы и коровенки пристали - не могут двигаться. Еда была на исходе. Так и вернулись ни с чем на хутор. - Дарья Андреевна тяжело вздохнула, потом продолжала, обращаясь к зятю: - Белогвардейское начальство замучило нас расспросами о тебе, Сема. Скажи, говорят, бабка, что он, зять-то твой, из себя представляет? Мне бы смолчать, а я не могу. Говорю им: молодец он у нас, ой как вам еще от него достанется! Они меня за это нагайкой, нагайкой! Сколько раз пороли, счету нет. Все карточку твою спрашивали, а она у меня была надежно припрятана.

Немного помолчав, Дарья Андреевна стала рассказывать о своих сыновьях:

- Жаль старшего, замучили его белогвардейцы. В балке их расстреляли, несколько человек. Две недели трупы валялись непохороненные. Поехали мы взять трупы, а нас белогвардейцы гонят: мол, ежели еще раз придете, то угостим свинцом. Еле удалось мне тело Никифора забрать и похоронить по-христиански.

Слезы ручьем текли по старческим щекам Дарьи Андреевны.

Ворошилов и Буденный успокаивали ее как могли.

* * *

Части Первой Конной армии после разгрома деникинских полчищ расположились в предгорьях Кавказа. Используя свободное время, бойцы ремонтировали конское снаряжение. А приведя все в порядок, заскучали. Одних потянуло домой повидаться с родными, другие, особенно молодежь, мечтали о ратных подвигах.

Теплые лучи весеннего солнца оживили природу. Кубань зацвела яблоневыми садами.

Вскоре Первая Конная армия выступила в поход против белопанской Польши. К этому времени я получил уже новое назначение - стал командиром бригады в 4-й кавалерийской дивизии.

Как-то во время похода я придержал коня около колонны 21-го кавалерийского полка, которая стояла на привале. Меня окружили бойцы. Многих из них я знал отлично.

- Ну, как чувствуете себя? - спрашиваю.

- Нормально, - отвечают хором. - Только вот сегодня выступили не позавтракавши. Хорошо хоть коней напоили. Мы-то без еды не пристанем, а вот ежели коням не давать корма, вряд ли до Украины доскачем.

Да, с продовольствием и фуражом положение было тяжелое. На месте продовольствия не оказалось, а своевременно подвезти его хозяйственникам не удалось.

У меня в этот день болела раненая голова, но я пытался шутить, чтобы хоть как-то развеселить бойцов. Комиссар бригады попросил гармониста сыграть "Казачка" и при общем одобрении бойцов пустился в пляс. Ему на смену в круг вышли комендант штаба бригады Лосев, лучшие плясуны из бойцов. Кончилась пляска, бойцы, смеясь, говорили:

- Ну вот и подзаправились, теперь можно двигаться дальше...

...К Ростову все дивизии Конной армии подходили одновременно. Предстояла встреча с трудящимися города.

В воскресный день с раннего утра по железнодорожному

мосту через Дон сплошной лентой тянулись колонны кавалеристов.

Садовая улица, по которой двигались конные полки, была убрана красными флагами. По обеим ее сторонам стояли горожане, радостно приветствуя нас. Полковые оркестры, блестя медью начищенных труб, играли военные марши.

За городом на ипподроме состоялся парад, на котором пролетариат Ростова и его партийные и советские органы вручили Реввоенсовету Первой Конной армии знамена - в память о победе над деникинскими полчищами.

Чем ближе подходила Первая Конная армия к фронту, тем труднее становились переходы. Эти трудности вызывались частыми перебоями в получении продовольствия и фуража. Железная дорога полностью еще не была восстановлена, поезда ходили нерегулярно. Местных ресурсов не хватало.

По пути следования Конармия должна была уничтожить некоторые белогвардейские банды, в частности банду Махно.

Помнится, ранним утром, когда 2-я кавалерийская бригада двигалась южнее Чигирина, к нам на коне прискакал местный житель и сообщил, что на рассвете банда Коцуры ограбила городской банк, а теперь расправляется с советскими и партийными работниками.

Получив такое донесение, я немедленно выслал два эскадрона, которым приказал окружить и уничтожить банду в городе. Одновременно повернул главные силы бригады к Чигирину. Бандиты были перебиты, а те, кто уцелел, почти все попали в плен. Из награбленного бандой имущества было изъято около двух миллионов денежных знаков. В городе водворился порядок.

Совершив тысячекилометровый переход, красная кавалерия своевременно достигла пункта сосредоточения, намеченного высшим командованием, и этим самым резко изменила соотношение в силах сторон. Она прорвала польскую оборону в районе местечка Сквиры и вынудила армию Пилсудского не только оставить Киев, но и откатиться до Львова и Варшавы.

Важнейшие операции Первой Конной армии на польском фронте: житомирский прорыв, взятие Ровно, действия на подступах к Львову и под Замостьем представляют собой классические примеры боевой деятельности конницы в гражданской войне.

В те далекие боевые годы мы часто пели нашу любимую песню, сочиненную военкомом поэтом П. В. Бахтуровым:

Из лесов, из-за суровых темных гор
Наша конница несется на простор,
На просторе хочет силушку собрать,
Чтоб последнюю буржую битву дать...

И Красная Армия дала эту последнюю битву, закончившуюся нашей полной победой.

Враги меняют тактику

Гражданская война на основных фронтах окончилась... Но кое-где на окраинах молодой Советской республики: на Дальнем Востоке, в Закавказье и Средней Азии - еще действовали недобитые контрреволюционные банды. Части Красной Армии вели с ними последовательную и настойчивую борьбу.

1921 год для нашей страны был годом перехода от войны к мирному строительству. Теперь судьба Советской власти решалась не только на полях сражений, но и на хозяйственном фронте.

Красная Армия частично также переключилась на социалистическое строительство. Была организована так называемая трудовая армия.

Возвращались в военную академию ее воспитанники, в разное время откомандированные на фронты гражданской войны. Среди них были такие видные военачальники, как Дыбенко, Федько, Триандафиллов, Белицкий, Урицкий, Алкснис и другие. Вернулся в Москву и я.

Высока была активность личного состава академии. Мы, слушатели, с огромным интересом изучали боевые операции гражданской войны, как бы подытоживая опыт частей и соединений Красной Армии, немало внимания уделялось и чисто теоретическим вопросам. Помню, какое большое впечатление произвел на нас доклад Михаила Васильевича Фрунзе о военной доктрине и Красной Армии.

В марте 1921 года должен был состояться очередной X съезд партии. Слушатели академии с нетерпением ждали его открытия. Некоторые из них были избраны на съезд делегатами, другие, в том числе и я, приглашены в качестве гостей.

В день открытия съезда мы - Белицкий, Урицкий, Федько, Борщевский, Рошаль и я - чуть ли не первыми пришли в Кремль. Нам не терпелось увидеть Ленина, услышать его.

...Вот за столом президиума появился Владимир Ильич. Все присутствующие встали и бурными долгими аплодисментами приветствовали любимого вождя. Зал долго не мог успокоиться. Когда же Ильич начал речь, сразу воцарилась тишина.

Затаив дыхание слушали мы Ленина...

В этот относительно мирный период враг, разбитый в открытой, вооруженной борьбе, менял тактику. Опираясь на кулацкие элементы в деревне, он организовывал заговоры и мятежи. Вспыхивали они в Сибири, на Украине, в Тамбовской губернии и других районах.

За несколько дней до открытия съезда белогвардейские элементы во главе с бывшим царским генералом Козловским подняли контрреволюционный мятеж в Кронштадте.

Они выдвинули демагогический лозунг "Советы без коммунистов". Этот лозунг привлек недостаточно сознательные, нестойкие элементы, которых в Кронштадтском гарнизоне было немало.

Мятежники располагали 135 орудиями, приблизительно сотней пулеметов. Военные корабли, поддерживавшие их, стояли в гавани под нарами.

Наступала весна. Финский залив от Кронштадта до Питера вот-вот должен был освободиться ото льда, что позволило бы мятежникам вывести корабли в море.

Контрреволюционный штаб Кронштадта стремился оттянуть время и тем самым лишить возможности части Красной Армии наступать по льду.

5 марта была восстановлена 7-я армия под командованием М. Н. Тухачевского. Были созданы два боевых участка: Северный (сестрорецкий) и Южный (ораниенбаумский). Начальником Северного участка стал Е. Казанский, Южного - А. Седякин.

Командование 7-й армии послало мятежникам ультиматум. Но Кронштадт молчал. Тогда 7 марта Тухачевский отдал приказ о штурме крепости. 8 марта наши войска вышли на лед и двинулись в атаку. Форты и корабли Кронштадта открыли интенсивный огонь. Понеся большие потери, части 7-й армии отошли.

Обстановка требовала принятия срочных мер. Тогда по предложению В. И. Ленина X съезд партии принял решение послать часть делегатов и гостей под Кронштадт. В числе посланцев съезда была и группа командиров из военной академии - Дыбенко, Федько, Урицкий, Саблин, Борщевский, Розе, я и многие другие. Кроме того, губкомы получили указание ЦК выделить лучших коммунистов для участия в подавлении мятежа.

Через некоторое время стали прибывать коммунисты и комсомольцы из Москвы, Киева, Твери, Смоленска, Пскова, Калуги, Рязани, Витебска, Новгорода, Иваново-Вознесенска. В самом Петрограде также была объявлена мобилизация

коммунистов.

Рано утром 11 марта в Петроград прибыл спецпоезд - во главе с К. Е. Ворошиловым приехали делегаты и гости X съезда, члены ЦК, ЦКК, РВС, секретари губкомов, начальники и комиссары дивизий и полков, агитаторы, журналисты, писатели. С этим поездом приехал и я.

Командование 7-й армии располагало в это время следующими силами: в Ораниенбауме находились 32-я бригада М. Рейтера, 167-я бригада Н. Боброва и 187-я бригада, возглавить которую поручили И. Федько. Все эти силы были сведены в дивизию под командованием П. Дыбенко. На подходе находились эшелоны с частями 27-й Омской дивизии В. К. Путны. 79 я бригада этой дивизии, возглавляемая Г. Д. Хаханьяном, уже разгрузилась в районе Ораниенбаума.

Политико-моральное состояние в полках 79-й бригады было нездоровое. Среди бойцов раздавались голоса, что по льду к морской крепости не подступиться - лед не выдержит, что силы мятежников сломить невозможно и т. п.

В результате 235-й Невельский и 237-й Минский стрелковые полки охватило волнение, и они отказались участвовать в штурме Кронштадта. В эти полки срочно выехали К. Е. Ворошилов, назначенный комиссаром Южной группы, начальник Сводной дивизии II. Дыбенко, комбриг И. Федько, ряд делегатов съезда. Был среди них и я.

14 марта в 17 часов полки были выстроены перед казармами. Перед ними выступил К. Е. Ворошилов. Он зачитал приказ командования 7 и армии, в котором говорилось, что 235 и Невельский и 237-й Минский полки за нарушение присяги и выступление против Советской власти разоружаются, а зачинщики смуты отдаются под суд. Полки лишались боевых знамен, а личный состав звания воина Красной Армии.

Этот приказ ошеломил бойцов. По команде Дыбенко они сложили оружие тут же на плацу. Разоруженные полки были отведены в казармы. Все мы отправились к ним и всю ночь при свете коптилок вели разъяснительные беседы. Опомнившиеся воины сами осудили зачинщиков. Бойцы попросили вернуть им оружие и послать на самый опасный участок наступления.

Начальник дивизии В. К. Путна, прибывший в Ораниенбаум несколько позже, также обратился к командованию с просьбой дать возможность полкам искупить свою вину при штурме Кронштадта.

Командование сочло возможным пересмотреть прежнее решение. Ночью же бойцам возвратили оружие. На рассвете 15 марта весь личный состав собрали на митинг. Здесь полкам были

возвращены знамена.

Климент Ефремович Ворошилов выступил с яркой речью. Он призвал бойцов проявить героизм и первыми ворваться в Кронштадт. На этом же митинге Ворошилов представил меня как нового командира 237-го полка. Затем выступили начдив Путна и я, а также некоторые командиры и бойцы полка.

В тот же день, 15 марта, начальник штаба Южной группы Ю. В. Саблин подписал приказ о моем назначении, а вечером я присутствовал на оперативном совещании в Ораниенбауме, на которое были собраны командиры и комиссары соединений Южной и Северной групп войск, начальники артиллерии и другие специалисты.

На этом совещании был утвержден план штурма: совершив стремительный ночной бросок через Финский залив со стороны Ораниенбаума и Сестрорецка, наши войска должны были внезапно ворваться в крепость и разгромить мятежников. Решающая роль в штурме отводилась Южной группе. Начало штурма было назначено в ночь на 17 марта, артподготовки - на 14 часов 16 марта.

Ровно в назначенный час наша артиллерия открыла ураганный огонь по крепости, фортам и кораблям. Сразу же прозвучали ответные выстрелы. Огонь затих только с наступлением сумерек.

16 марта во второй половине дня я с командирами батальонов и рот под сильным артиллерийским огнем проводил рекогносцировку. Мы наметили исходный рубеж наступления, районы для боевых порядков и тщательно определили азимуты движения подразделений.

Когда возвращались в полк, в небе появились наши самолеты. Они шли курсом на Кронштадт. Через несколько минут мы услышали оглушительные взрывы.

До наступления оставались считанные часы. Я отдал командирам батальонов последние распоряжения: еще раз проверить боеготовность, своевременно накормить людей и точно в намеченный срок прибыть на исходный рубеж для наступления.

Когда все было готово, я предложил своему комиссару и начальнику штаба полка пойти подкрепиться и немного поспать перед атакой.

17 марта в 4 часа 15 минут 235-й и 237-й полки и отряд питерских рабочих спустились на лед в районе Спасательной станции. Весь личный состав был одет в белые маскировочные халаты. Роты, наступавшие в первом эшелоне, получили штурмовые лестницы, доски и веревки для преодоления проломов во льду.

В последние дни перед штурмом началась оттепель, снег таял, вода разливалась поверх льда. Прошел слух, что мятежники разбили лед вокруг Кронштадта. Но это никого не испугало.

Боевые цепи бесшумно устремились к крепости. Связь поддерживалась по телефону и при помощи световой сигнализации, выработанной штабом полка.

Ночь была ясной. Один из командиров батальонов недовольно заметил:

- Луна, шут ее дери, сегодня некстати...

Вдалеке чуть заметно вырисовывались темные линии фортов. Цепи приближались к ним без единого выстрела.

Внезапно яркие лучи прожекторов заскользили по льду. Стало светло как днем. От артиллерийских вспышек снег словно загорелся - такой яркий красный свет разлился по всему заливу.

Крепость засыпала наступающих снарядами.

Но уже усилился артиллерийский обстрел крепости и с нашей стороны. Это стреляла тяжелая артиллерия с Красной Горки. Крепость начала бомбить наша авиация.

Бой разгорался все сильнее и сильнее и к утру достиг наивысшего напряжения.

Вот снаряд 12-дюймовой пушки линкора разорвался перед самой цепью 2-го батальона. Бойцы остановились.

- Вперед, только вперед! - скомандовал я.

Мы прошли форт, другой, подошли к Кроншлоту на окраине Кронштадта, преодолели в беспорядке установленные проволочные заграждения. Две роты обошли форт справа и слева и ворвались в него.

Силы противника на этом участке были небольшие, и он отступил. Я донес в штаб Южной группы, что форт Кроншлот занят 237-м полком и отрядом питерских коммунаров.

Но во второй половине дня противник подтянул резервы и перешел в контратаку. Началась рукопашная схватка. Форты по нескольку раз переходили из рук в руки. Силы были неравные... Мятежники все время подтягивали резервы и контратаковали нас.

Героически сражались красноармейцы, но удержать Кроншлот не удалось. Очень уж большие были у нас потери, связь нарушена, резервы исчерпаны...

Впоследствии Павел Ефимович Дыбенко точно и образно описал эти незабываемые часы штурма.

"В 4 часа 30 минут на левом фланге, возле фортов, сухо и как-то растерянно затрещал одинокий пулемет. Это полк Тюленева, в котором накануне часть бойцов подняла восстание и пыталась соединиться с кронштадтцами, сегодня жестокой рукой выбросивши из своих рядов изменников и предателей, с

неимоверным энтузиазмом атакует форты мятежников. Еще минута, и треск десятков пулеметов и дружные залпы винтовок разорвали царившую до того тишину.

Как бы сорвавшись с железной цепи, загрохотали пушки мятежников. Где-то далеко пронеслись крики "ура", и снова, как бы затаив дыхание, все замерло.

...Телефоны не работают. Временные порывы связи. Одна за другой сметены контрольные станции, а вместе с ними и беззаветные герои-связисты. Зловеще свистят и рвутся в бешеном водовороте снаряды, сотнями воронок покрылся лед.

Дружные залпы стрелков, крики "ура" оглашали залив. Снова заработали телефоны. Геройски погибших связистов сменили другие. Уже сотни храбрецов легли мертвыми на подступах к Кронштадту. Их холодные трупы прикрыты белыми халатами.

...Полк Тюленева, геройски, в неравном бою, дравшийся в течение часа, понес потери. ...Буденновец Тюленев, сознавая свою величайшую ответственность и учитывая усиливающийся бой за овладение Петроградскими воротами, еще раз пытается перейти в контратаку, но некому вести бойцов в бой. Нет командного состава - перебит. Нет штаба и даже нет посыльных"{3}.

Да, действительно было так. С разрешения штаба Южной группы полк был отведен и переброшен в распоряжение Сводной дивизии Павла Ефимовича Дыбенко, которая захватила площадь и вела бой в центре Кронштадта.

Только к 7 часам вечера бой стал стихать. Часть мятежников, в том числе и их главари Козловский и Петриченко, поняв, что сражение проиграно, бежали в Финляндию.

Окончательный удар деморализованному противнику нанесли кавалеристы, наступавшие по льду со стороны Ораниенбаума.

Всю ночь на 18 марта мы продолжали очищать город от мятежников.

18 марта бои в Кронштадте закончились. Весь его гарнизон был обезоружен. Участники штурма - делегаты и гости X партсъезда и высший начальствующий состав частей и соединений - собрались в бывшем Морском собрании. Ворошилов, принимавший непосредственное участие в бою, едва не погибший под пулеметным огнем (рядом с ним был ранен его порученец Хмельницкий), огласил доклад Центральному Комитету.

"Выдержка и спайка коммунистов еще раз победили... - говорилось в докладе. - Понадобилось невероятное напряжение, чтобы удержаться хотя бы на юго-восточной окраине города. У коммунистов нервы оказались крепкими. Потерпев неудачу в попытках выбить нас из Кронштадта, мятежники дрогнули,

началось разложение...

Сейчас положение твердое. Мы победили, и победили прежде всего морально. Провокация белогвардейцев разоблачена. Кронштадт станет твердыней революции.

Мы, члены съезда, работавшие в Кронштадтской секции, приветствуем избранный съездом ЦК и поздравляем его с красным Кронштадтом"{4}.

18-19 марта уточнялись потери. Мы в своем 237-м полку недосчитались больше половины бойцов. Многие погибли смертью храбрых, многие были ранены и эвакуированы в госпиталь.

Временное командование Кронштадтской крепостью было возложено на П. Е. Дыбенко. Старейший матрос Балтики, прекрасно знающий военно-морское дело, участник штурма Зимнего дворца, председатель Центробалта, вожак красноармейских масс в дни Февральской и Октябрьской революций, он энергично приступил к налаживанию порядка в Кронштадте.

И вот мы, его товарищи - Иван Федько, Семен Урицкий, Юрий Саблин и я, сидим с ним в штабе. Дыбенко делится с нами последними сведениями о мятежниках:

- Основная их масса осталась в городе. Они сознают свою вину перед Советской властью и обещают честным трудом искупить ее. Однако часть мятежников и наиболее матерые контрреволюционеры убежали в Финляндию. Жаль, что нам не удалось захватить Козловского и Петриченко, - вздохнул Павел Ефимович. - Эти "идейные" вожди мятежников не постеснялись увезти большую сумму денег из советской казны. Кое-кто из сподвижников этих негодяев хотел взорвать линкоры "Севастополь" и "Петропавловск", уже заложили под орудийные башни пироксилиновые шашки, но старые моряки поймали преступников. Команда "Севастополя" арестовала своих офицеров и отправила в Петроград радиограмму: "Сдаемся". Утром 18 марта сдался и линкор "Петропавловск".

Федько, обращаясь ко мне, пошутил:

- Это ты, Тюленич, упустил негодяев. Нужно было во что бы то ни стало отрезать им путь отступления в Финляндию.

- Да, это правильно, - согласился я. - Но, как говорится, выше себя не прыгнешь. Не удалось схватить Козловского и Петриченко.

- Силенок не хватило! - поддразнивал меня Федько.

- Ты, Иван Федорович, на Тюленева не нападай, - сказал Дыбенко. - Кто первым занял форт Кроншлот?

Его 237-й полк. Вряд ли нам с тобой удалось бы так быстро

занять Петроградские ворота и Угольную площадку, если бы полк Тюленева не ворвался в Кронштлот и этим не отвлек на себя силы мятежников о нашего направления.

Мы долго засиделись у Дыбенко за дружеской беседой. Вспоминали события недавно минувших дней гражданской войны.

Иван Федорович Федько рассказывал о том, как он с помощью коммунистов развернул вооруженную борьбу против банды татарского военного диктатора Джафара Сайдамета, который при помощи интервентов поднял мятеж против Советской власти в Крыму.

- А на Северном Кавказе, - продолжал вспоминать Федько, - нам пришлось столкнуться с авантюристом, бывшим командующим армией, Сорокиным, который 21 октября 1918 года расстрелял в Пятигорске членов президиума Северо-Кавказского ЦИК и пытался установить свою диктатуру.

Иван Федорович Федько в исключительно тяжелых условиях проявил незаурядные способности военачальника. Добрым словом и, главное, личным примером он поднимал боевой дух измученных бойцов и довел их с Кавказа до Астрахани. В Астрахани была создана новая 11-я армия, которая вместе с другими соединениями участвовала в разгроме Деникина, освобождала Северный Кавказ и Закавказье.

Иван Федорович все больше увлекался рассказом, а мы, хотя и знали все это, слушали его с живейшим интересом.

Посмотрев на часы, Дыбенко поднялся:

- Ну, кажется, на сегодня довольно. Завтра приглашаю вас, товарищи, побывать на линкоре "Севастополь".

В заключение Дыбенко объявил нам, что Реввоенсовет Республики приказал ему выдать всем слушателям военной академии, принимавшим участие в подавлении мятежа, комплект морского обмундирования с правом ношения его. Поздней ночью мы разошлись по своим комнатам.

На следующий день мы побывали на линкоре "Севастополь", осмотрели корабль и повреждения, которые он получил от снарядов тяжелой береговой артиллерии и авиационных бомб.

Через несколько дней мы, слушатели академии, выехали в Петроград, а оттуда в Москву.

В конце апреля я сдал зачеты по военной истории и приступил к дипломной работе о боевых действиях Первой Конной армии под Ростовом. Казалось, что больше уже никаких боевых выездов для слушателей академии не предвидится. Но я ошибался. Вскоре мне пришлось отложить дипломную работу и снова нацепить на ремень наган и шашку. В мае большую группу

слушателей отправляли в Тамбов для ликвидации антоновщины.

Меня вызвали в Главный штаб, где предложили принять во временное командование 15-ю Сибирскую кавалерийскую дивизию, которая входила в состав войск Тамбовского района.

В сущности, кронштадтский мятеж и антоновщина были звеньями одной и той же цепи. Классовый враг пытался применять новую тактику. Он стремился вырвать власть из рук большевиков уже не в открытом бою, а путем взрыва советского строя изнутри.

Мятежи вспыхнули в Сибири, на Украине, в Тамбовской губернии и некоторых других районах страны.

Если в Кронштадте мятежники выдвинули лозунг "Советы без коммунистов", то антоновские банды действовали под таким флагом: "Борьба с продразверсткой", "За свободную торговлю". Они портили железные дороги, срывали подвоз хлеба к центру, убивали партийных и советских работников, уничтожали и грабили советские учреждения, чинили чудовищные насилия над трудящимися. Пользуясь поддержкой местного кулачества и обманутой ими части крестьян-середняков, главари антоновщины к концу 1920 года организовали две армии, в составе которых были дезертиры, уголовники и уцелевшие белогвардейцы.

Сначала борьба с бандами Антонова велась силами местных отрядов, которые, естественно, не могли полностью их ликвидировать.

Для окончательной ликвидации антоновщины весной 1921 года на Тамбовщину были посланы части Красной Армии и создана комиссия ВЦИК.

Первоначально войсками Тамбовского района командовал Павлов. В мае он был отстранен, и на эту должность назначили Тухачевского. Он укрепил штабы соединений и частей слушателями военной академии, совместно с комиссией ВЦИК разработал план операции по ликвидации антоновщины.

Район действий был разбит на боевые участки. В каждом из них были созданы политические комиссии в составе секретаря укома, начальника и комиссара участка, начальника ВЧК и прокурора. Комиссиям предоставлялись большие полномочия. Они имели право самостоятельно, на месте, предавать суду и выносить смертный приговоры за бандитизм.

Из Тамбова я направился в Козлов, где размещались штаб 15-й Сибирской кавалерийской дивизии и две бригады этой дивизии, третья действовала в районе города Кирсанова совместно с бригадой Григория Котовского.

В состав Козловского боевого участка помимо кавалерийских частей входили местные отряды МОП, укомплектованные

коммунистами, рабочими и комсомольцами. Эти отряды охраняли главным образом железнодорожную линию, которая тоже была разбита на участки.

Антоновцы действовали отдельными бандами от 50 до 500 человек. Вооружены они были винтовками, пулеметами и обрезами. Передвигались бандиты верхом на лошадях и на подводах. Тактика антоновцев сводилась к тому, что они часто меняли место пребывания и нападали только на мелкие подразделения Красной Армии. Когда же банды сами подвергались нападению, они разбивались на мелкие группы и уходили в разных направлениях. Затем собирались в определенное время и в определенном, заранее намеченном пункте.

Главари банд узнавали о действиях Красной Армии через местных кулаков, которые активно поддерживали антоновское движение.

Обычно, когда мы окружали то или иное село, в кото ром находились бандиты, те вдруг исчезали. Войдешь в село - ни одного. Как потом выяснялось, бандиты прятали оружие и начинали выполнять ту или иную крестьянскую работу, выдавая себя за мирных жителей.

В районе станции Кочетовка кавалерийские подразделения неоднократно атаковали банду, скрывавшуюся в Хобатурском лесу, но каждый раз неудачно. Оказалось, что кулаки близлежащих сел крыльями ветряной мельницы или кострами уведомляли бандитов об опасности.

Вспоминается мне такой эпизод. Находясь в селе Кочетовка, я получил сообщение, что банда Карася в составе 500 всадников расположилась в Хобатурском лесу.

Поднятый по тревоге полк выступил ускоренным аллюром. Однако, прибыв на место, мы никого там не нашли. Пришлось выслать разъезды по всем направлениям, чтобы тщательно обследовать лес. Разведка обнаружила банду Карася вблизи небольшого ручья с заболоченными берегами, поросшими высокой травой. Очевидно, бандиты ожидали темноты, чтобы внезапно налететь на Кочетовку (об этом нам еще раньше рассказали лесники).

Полк немедленно приступил к окружению банды. Два эскадрона ворвались в центр ее расположения, захватили до 200 пленных, зарубили около 50 бандитов. Лишь немногим из них, в том числе и раненому Карасю, удалось бежать. После этого банда, орудовавшая в основном на территории Липецкого уезда, перестала существовать.

Занимались мы и ликвидацией банды Лобана,

насчитывавшей более 100 человек. Она действовала в районе Кочетовка, Александровка, Мосаловка. В одном из этих сел банду захватил кавалерийский полк первой бригады 15-й Сибирской кавалерийской дивизии. Командир полка доложил, что главарь банды Лобан убит, опознан жителями и зарыт. Но через неделю "воскресший" Лобан с несколькими бандитами опять появился в селе Александровка, учинил расправу над крестьянами-бедняками, угрожал местью тем, кто не хотел помогать бандитам.

Перепуганные крестьяне известили об этом штаб кавалерийской бригады. Я приказал срочно расследовать это дело. При осмотре трупа оказалось, что убитый как две капли воды похож на Лобана. Обрадованные крестьяне упустили особую примету Лобана, которому в одном из боев начисто отхватили пятку сабельным ударом. У его же мертвого двойника нога была цела.

Борьба с антоновщиной могла затянуться на более продолжительное время, если бы на помощь Красной Армии не пришло население. Крестьяне-середняки стали все больше осознавать преступность замыслов кулацкого восстания, перестали оказывать помощь бандитам. Этому содействовало и принятое партией и правительством решение об отмене продразверстки и замене се продналогом. Все чаще местное население само стало разоружать мелкие бандитские шайки.

В конце июля 1921 года я должен был вернуться в Москву в академию. В связи с этим на должность начдива 15-й Сибирской кавалерийской дивизии был назначен Н. Д. Томин, прекрасный командир Красной Армии, героически сражавшийся на Восточном фронте против войск адмирала Колчака и банд атамана Дутова.

Однако командующий войсками Тамбовского района М. Н. Тухачевский задержал меня, предложив принять командование 1-й кавалерийской бригадой. Одновременно я был назначен председателем 3-й районной политической комиссии, штаб которой находился в селе Старо-Сеславино.

Хочу рассказать об одном эпизоде этого периода.

Нам стало известно, что на хуторе в районе Старо-Сеславино часто укрываются бандиты, делят награбленное имущество.

Прибыв на хутор, мы допросили хозяина: не бывали ли у него бандиты и не спрятано ли что-либо в доме или на усадьбе. Хозяин на все вопросы отвечал отрицательно бандиты в хуторе никогда не были и у него ничего не спрятано.

- Если что-нибудь найдете, отвечаю головой! - заявил он.

После непродолжительного обыска около сарая в яме, забросанной хворостом, бойцы обнаружили большие тюки с мануфактурой. Кулак растерялся, но продолжал упрямо твердить:

- Знать не знаю, кто закопал мануфактуру.

- Что еще припрятано? - спросил я.

- Ничего нет, а найдете, хоть вешайте!..

Мы долго вели обыск, но так ничего и не нашли. Вдруг мне в голову пришла мысль: а не закопано ли что-нибудь на огороде, под грядками? Я приказал кавалеристам клинками прощупать землю. Очень скоро они обнаружили две ямы: одну под грядкой лука, другую - под грядкой огурцов. В них было полным-полно всевозможных товаров, награбленных на станции Кочетовка.

- Все? - снова спросил я хозяина.

Он опустил голову, стараясь скрыть волчий блеск глаз:

- Да, теперь все. Делайте со мной что хотите.

Мы уже собирались уезжать, когда комиссар заметил недалеко от дома кучу мусора и золы.

- А что, Иван Владимирович, - обратился он ко мне, - нет ли и тут для нас подарочка?

Он подошел к куче и ткнул в нее клинком. Клинок вошел в землю, как нож в масло. Оказалось, что и тут была свежая яма, из которой бойцы извлекли около 50 винтовок, ящик со штампами и печатями так называемого "крестьянского союза", а также списки сельских активистов, принимавших участие в борьбе с бандитизмом.

Кулак, хозяин хутора, получил по заслугам.

К осени 1921 года антоновщина в Тамбовской губернии в основном была ликвидирована, и я возвратился в Москву для продолжения учебы в военной академии.

До начала учебного года оставалось свободное время, и я по совету товарищей отправился на Кавказ, чтобы немного отдохнуть.

Северо-Кавказским военным округом тогда командовал К. Е. Ворошилов. Когда я прибыл в Ростов и доложил Клименту Ефремовичу о цели своей поездки, он направил меня в Сочи, сказав при этом:

- Сочи - прекрасный курорт, там вы хорошо отдохнете. Кстати, повидаетесь с товарищем Озолиным. Он командует Сочинским оборонительным районом. Константин Иванович все и устроит, а вы ему поможете в работе...

Поблагодарив товарища Ворошилова, я направился в Сочи через Новороссийск, где находился штаб другого моего знакомого по фронтам гражданской войны - Кожанова. Он организовывал оборону по всему Черноморскому побережью.

Встретились мы как старые друзья. Кожанов предоставил мне катер, на котором я и прибыл в Сочи. Прямо с берега направился в штаб оборонительного района к Озолину.

Много времени прошло с тех пор, как мы виделись в последний раз. И вот он, Костя Озолин, снова передо мной - все такой же энергичный, неутомимый в работе, каким я его знал по одиннадцатой кавалерийской дивизии.

Тут же с ходу Константин Иванович достал из сейфа топографическую карту, показал мне, как он намерен строить оборону Черноморского побережья на своем участке, и предложил, если я не очень устал, завтра выехать с ним на рекогносцировку, а также заняться выбором огневых позиций для береговых батарей.

Сочинский оборонительный район находился на военном положении. Шпионы, контрабандисты и прочие вражеские элементы шныряли по всему побережью. Целыми днями мы с К. И. Озолиным носились верхом, выбирали огневые позиции для артиллерии и наиболее удобные места для расстановки охраны побережья.

Так прошел мой "отдых". Когда я приступил к занятиям, на меня навалилась уйма работы: предстояло сдать зачеты по разным военным дисциплинам и начинать писать дипломную работу. Много дней и бессонных ночей просидел я над книгами и конспектами.

Именно в это время произошло событие, вдохновившее меня на большой упорный труд. На пленуме Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов в феврале 1922 года, в день празднования 4-й годовщины Красной Армии, мне посчастливилось встретиться с Владимиром Ильичей Лениным. На торжественном заседании в Большом театре присутствовал почти весь высший командный состав. Здесь были Сталин, Фрунзе, Склянский, Уншлихт, С. С. Каменев, Лебедев, Муралов и другие. Приглашены были и мы, слушатели военной академии: Дыбенко, Федько, Урицкий, я и другие. Еще до открытия собрания Ильич подошел к нам, слушателям военной академии, и стал расспрашивать о том, как мы живем и учимся.

- Вот вы скажите, - обратился Владимир Ильич ко мне, - что труднее учиться или воевать?

- Учиться, - ответил я.

Меня поддержали другие слушатели академии. Владимир Ильич рассмеялся, а потом сказал серьезно:

- Красная Армия била врагов очень хорошо. Но все-таки теперь наша главная задача - учиться, причем учиться по-настоящему.

Говоря это, он всматривался в каждого из нас, как бы проверяя, согласны ли мы. Затем, немного помолчав, добавил с доброй усмешкой.

- Это надо же придумать: воевать легче! - и снова рассмеялся.

На пленуме все мы были награждены грамотами президиума Моссовета и ценными подарками.

Эта грамота хранится у меня как драгоценная реликвия и память о той радостной незабываемой встрече с Ильичем.

Шли годы. После разгрома Красной Армией внешних и внутренних врагов Советского государства в ходе гражданской войны мы смогли приступить к восстановлению разрушенного народного хозяйства. Но в то же время Коммунистическая партия ни на минуту не забывала о капиталистическом окружении, о возможности повой агрессии со стороны империалистов. Она призывала рабочих и крестьян всемерно укреплять обороноспособность Советского государства, быть в постоянной мобилизационной готовности.

Много поистине величественных событий произошло за два десятилетия после гражданской войны... Кто из людей моего поколения не помнит овеянные героикой мирного созидательного труда годы первых пятилеток - яркие огни Днепрогэса, первый отечественный трактор, сошедший с конвейера Сталинградского завода, строительство Магнитки, трудовые подвиги Изотова, Стаханова и московских комсомольцев, прокладывавших тоннели метрополитена.

Но видели мы и другое: снова над миром сгущались грозовые тучи.

В один из жарких сентябрьских дней 1939 года меня вызвала к прямому проводу Москва. Вызовы такого рода для меня, командовавшего в то время Закавказским военным округом, были не в диковинку. Нарком обороны, Генеральный штаб регулярно запрашивали о боевой учебе войск, о мерах по охране государственных границ с Турцией и Ираном.

Но на этот раз меня ожидало совсем другое - приказ Наркома обороны К. Е. Ворошилова о немедленном выезде в Киев.

Обстановка была напряженной, и я не удивился срочному вызову в Киев. На Западе фашистская Германия "малой кровью" одерживала одну победу за другой.

1 сентября 1939 года немецко-фашистские войска вторглись в Польшу. Захватив Верхне-Силезский промышленный район, они уже на десятый день форсировали реку Сан и вышли к Львову.

Могло ли Советское правительство спокойно смотреть, как гитлеровские войска подходят к нашим государственным границам? Могло ли оно бросить на произвол судьбы миллионы западных украинцев и белорусов?

Прилетев в столицу Украины на двухместном разведчике-истребителе Р-10, я прямо с аэродрома направился в штаб

Киевского особого военного округа, где был принят командующим С. К. Тимошенко.

- Есть приказ Наркома обороны о вашем временном назначении на новую должность, - сказал мне Тимошенко. - Принимайте 12-ю армию Украинского фронта в составе танкового, двух кавалерийских корпусов и двух отдельных танковых бригад. Это - фронтовая подвижная группа. Ее задача - двинуться навстречу немецко-фашистским войскам, остановить их продвижение на восток, обеспечить безопасность населения Западной Украины.

В тот же день я отбыл в районный центр Городок, где размещался штаб группы советских войск, которые должны были принять участие в освободительном походе.

План, разработанный нами в штабе группы, был прост: форсировать Буг, стремительно выдвинувшись за Чортков. Никакой артиллерийской подготовки не предпринимать, чтобы не вызвать жертв со стороны мирного населения.

И вот 17 сентября наши войска перешли советско-польскую границу на всем ее протяжении. Вскоре мы были уже за рекой Стрый, в непосредственной близости от ударных частей 14-й немецкой армии.

"Как поведут себя фашисты, встретившись с нами лицом к лицу? - думал я. - Решатся ли они на открытое столкновение, чтобы силой пробиться дальше на восток?.."

Встреча с представителем немецкого командования состоялась в Дрогобыче. Подтянутый надменный офицер молча выслушал мое требование об отводе немецких частей за реку Сан. Затем он сказал, что тотчас же свяжется со своим начальством и передаст ему содержание нашего разговора.

- Надеюсь, это не ультиматум и мы останемся добрыми друзьями, усмехнулся офицер. Но улыбались одни только губы, в глазах же было недоброе... - Что же касается этих... поляков, - он пренебрежительно махнул рукой, - то с ними кончено...

Меня передернуло от этих циничных слов, и я резко оборвал фашиста:

- Мы с Польшей не воюем. Но не следует забывать, что народы, населяющие Западную Украину и Белоруссию, несправедливо отторгнуты от Советского Союза и стремятся к воссоединению со своей Родиной.

- Яволь! - щелкнул каблуками гитлеровец, словно вполне соглашаясь со мной.

Фашисты не пошли на открытый военный конфликт. Была установлена временная демаркационная линия, определено точное время отхода немецко-фашистских войск за реку Сан. К

слову сказать, отступая, они не удержались, чтобы не отомстить нам - подожгли и взорвали в Дрогобыче нефтеперегонный завод. Немало пришлось потрудиться нашим саперам, чтобы спасти город от огня.

Несмотря на наше решительное предупреждение, гитлеровцы под всякими предлогами оттягивали окончательный отход за демаркационную линию. Уж очень им хотелось похозяйничать на Западной Украине. Свои проволочки они мотивировали тем, что еще не сломлено сопротивление группы польских войск под командованием генерала Андерса.

Ослепленный ненавистью к Советскому Союзу, Андерс пытался задержать продвижение наших войск, но, получив сокрушительный удар, бросил своих солдат, решив бежать в Венгрию. Переодетый в штатское, легко раненный, Андерс вместе с несколькими своими офицерами попал к нам в плен.

Чтобы избежать излишнего кровопролития, я предложил Андерсу написать обращение к польским солдатам, в котором призвать их добровольно сложить оружие. Андерс долго не соглашался, но в конце концов сделал это.

Через несколько дней Западная Украина была полностью очищена от гитлеровцев.

28 сентября в Москве был подписан советско-германский договор о границе. Демаркационная линия отодвинулась к Бугу. Вскоре Западная Украина по волеизъявлению своего народа добровольно вошла в состав Украинской Советской Социалистической Республики.

Кончилось мое временное пребывание в войсках Киевского особого военного округа. Вскоре я вернулся на Кавказ.

После сентябрьских дней 1939 года мне часто вспоминался надменный гитлеровский офицер, с которым пришлось вести переговоры в Дрогобыче. Как бы подчеркнуто учтиво он ни держался, какие бы фразы о дружбе ни произносил, я чувствовал, что передо мной враг и что с подобными ему нам еще доведется встретиться на поле боя.

Так оно и случилось...

Идет война народная...

И снова бой...

Долго длится июньский день.

Уже смеркалось, когда я покинул штаб Московского военного округа. Перед уходом из кабинета перевернул листок настольного календаря. Завтра - 22 июня, воскресенье. Правда, в последние месяцы воскресные дни были для меня нерабочими весьма условно: обстановка, несмотря на существование советско-германского пакта о ненападении, становилась напряженнее с

каждым днем, и у меня, как командующего округом, дел было по горло.

Машина, мягко шурша резиной по нагретому асфальту, влилась в общий поток, понеслась но широкой центральной магистрали.

Устало откинувшись на сиденье рядом с шофером, я просматривал субботнюю "вечорку". Военные действия в Сирии... Положение на ливийско-египетском фронте... Гибель английского гидроплана... Появление небольшого числа германских самолетов над Англией. Обычная, уже примелькавшаяся сводка с Западного фронта.

А на этой же полосе справа - хроника столицы: утро на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, выезд юных пионеров в лагерь, коротенькая информация о предстоящем открытии водного стадиона в Химках.

Я невольно подумал о том, что буду делать завтра. Может, урвать с утра часок и проехаться в Химки или провести день у себя на даче в Серебряном бору?

Москва сверкала электрическими огнями. Пока машина стояла у светофора, я рассеянно изучал афиши на рекламном щите: в "Эрмитаже" на днях начинаются гастроли джаз-оркестра Леонида Утесова. С понедельника в кинотеатрах столицы будет демонстрироваться новый фильм - "Сокровища Ценского ущелья".

Откуда-то из распахнутого окна, вплетаясь в автомобильные гудки и людской гомон, доносились слова популярной песни:

Любимый город может спать спокойно

И видеть сны, и зеленеть среди весны...

Любимый город может спать спокойно!.. Могли ли мы тогда предполагать, что в ту же ночь самолеты с паучьей свастикой обрушат бомбы на наши мирные города.

Обстановка была, конечно, тревожной. Сомневаться не приходилось: Гитлер готовится к войне против СССР. Но не верилось, что это случится так скоро.

По долгу службы я ежедневно знакомился с донесениями в Генеральный штаб, поступавшими из приграничных военных округов. Они были неутешительны. Участились случаи нарушения фашистскими самолетами нашей государственной границы. Не мог не вызвать серьезных размышлений и тот факт, что самолеты-нарушители перелетали нашу границу с полным боевым оснащением.

Однако наказывать нарушителей запрещалось. Считалось, что подобные инциденты являются не чем иным, как провокацией со стороны отдельных офицеров германских военно-воздушных сил.

В Прибалтийском особом военном округе наши истребители

принудили приземлиться звено фашистских самолетов. Однако и после этого далеко не случайного эпизода по-прежнему запрещалось открывать огонь по нарушителям.

Подумав об этом, уже невозможно было отделаться от сомнений, смутной тревоги, одолевавших меня последнее время: так ли уж прочен пакт о ненападении, подписанный правительством фашистской Германии? Можно ли верить слову Гитлера, захватившего Австрию, Чехословакию, Польшу, залившего потоками крови Европу? С одной стороны, памятная фотография: Гитлер и Молотов после подписания пакта в Берлине, с другой - свыше пятисот нарушений воздушной границы СССР, зафиксированных за короткий период. Да, факты говорили о другом, настораживали, предостерегали.

На нашей государственной границе концентрировались немецкие войска. Это можно было объяснить лишь одним - готовилось нападение на нашу страну. Настораживала и другая внезапная акция германского правительства: начавшаяся 20 июня широкая волна арестов всех, кто в той или иной мере проявлял симпатии к Советскому Союзу. История учит, что одним из верных предвестников войны является изоляция в своей стране элементов, сочувствующих тому государству, против которого не сегодня-завтра начнутся боевые действия.

Конечно, в канун рокового дня, 22 июня, мы не знали, что еще в июле 1940 года правительство фашистской Германии приняло решение напасть на СССР, а 18 декабря того же года Гитлер подписал директиву № 1, впоследствии ставшую известной как план "Барбаросса". Но тем не менее ничто не могло заставить нас, старых военных, поверить в искренность заявлений фашистской Германии.

...А Москва была так хороша в этот последний мирный июньский вечер! Невольно вспомнились все события прошедшего дня.

В полдень мне позвонил из Кремля Поскребышев:

- С вами будет говорить товарищ Сталин...

В трубке я услышал глуховатый голос:

- Товарищ Тюленев, как обстоит дело с противовоздушной обороной Москвы?

Я коротко доложил главе правительства о мерах противовоздушной обороны, принятых на сегодня, 21 июня. В ответ услышал:

- Учтите, положение неспокойное, и вам следует довести боевую готовность войск противовоздушной обороны Москвы до семидесяти пяти процентов.

В результате этого короткого разговора у меня сложилось

впечатление, что Сталин получил новые тревожные сведения о планах гитлеровской Германии.

Я тут же отдал соответствующие распоряжения своему помощнику по ПВО генерал-майору М. С. Громадину.

Вечером был у Наркома обороны Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба генерала армии Г. К. Жукова. От них узнал о новых тревожных симптомах надвигающейся войны. Настораживала и подозрительная возня в немецком посольстве: сотрудники всех рангов поспешно уезжали на машинах за город.

Позднее снова зашел к Жукову.

- По донесениям штабов округов, - сказал он, - как будто все спокойно. Тем не менее я предупредил командующих о возможном нападении со стороны фашистской Германии. Эти предположения подтверждаются данными нашей разведки.

Я поинтересовался, каково сейчас соотношение сил - наших и германских.

- У немцев, насколько мне известно, нет общего превосходства, - коротко ответил Жуков.

Итак, реальная опасность войны возникла совершенно отчетливо.

...Усталый, с тяжелыми думами о надвигающейся военной грозе, я вышел из машины в тихом Ржевском переулке, где жил с семьей - женой и двумя детьми.

* * *

В 3 часа ночи 22 июня меня разбудил телефонный звонок. Срочно вызывали в Кремль...

По дороге заехал в Генштаб. Г. К. Жуков по ВЧ разговаривал со штабами приграничных военных округов. После телефонных переговоров он информировал меня о том, что немецкая авиация бомбит Ковно, Ровно, Севастополь, Одессу.

В Кремле меня встретил комендант и тотчас проводил к Маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову. Климент Ефремович спросил:

- Где подготовлен командный пункт для Главного Командования?

- Такую задачу передо мной никто не ставил, - ответил я. Штаб Московского военного округа и ПВО города командными пунктами обеспечены. Если будет необходимо, можно передать эти помещения Главному Командованию.

Затем Ворошилов объявил, что я назначен командующим войсками Южного фронта. Отбыть к месту назначения предлагалось сегодня же.

Вернувшись из Кремля, я немедленно направился в штаб

МВО. Согласно моим указаниям он срочно выделил полевой штаб для Южного фронта и начал подготовку специального железнодорожного состава для отправки штабных работников на фронт.

Я был подготовлен к тому, что мы - на рубеже войны. И вот она началась... Однако в голове никак не укладывалось свершившееся.

Война меня, кадрового военного, не пугала, хотя я знал, что эта, нынешняя, будет куда тяжелее, чем обе предыдущие.

Дома все уже было готово к моему отъезду. Провожая, жена тихо спросила:

- Ваня, как ты думаешь, сколько будет продолжаться война?

Не знаю почему, но я сразу же ответил:

- Не меньше трех лет...

Вечером 22 июня железнодорожный состав с полевым штабом Южного фронта ушел из затемненной, посуровевшей Москвы.

В пути мы с исполняющим обязанности начальника штаба фронта генерал-майором Г. Д. Шишениным и членом Военного совета А. В. Запорожцем изучали район предстоящих боевых действий. Допоздна засиделись над оперативными картами, за разговорами о предстоящих боях...

Проснулся я рано. Поднял тяжелую шторку затемнения - в вагоне и без того было душно. За окном сверкнула широкая голубая лента Днепра: поезд входил на железнодорожный мост. Вдали, на зеленых холмах, замаячил золотистый купол Киево-Печерской лавры...

Рядом со мной стоял Запорожец. Лицо его было каким-то окаменевшим. Мы не обмолвились ни словом, но, очевидно, оба думали об одном: как-то там в городе - ведь "юнкерсы" уже успели побывать над древним и вечно юным красавцем Киевом.

Хотя мы знали, что Киев не пострадал от внезапного налета фашистских самолетов, но взор настороженно скользил по вздымающейся к Печерску террасе крыш, выискивая последствия бомбежки. Нет, все в порядке! Наши зенитчики и летчики не дали врагу совершить свое черное дело. Город лежал перед нами в нарядном кружеве зелени. Внизу, правее моста, красная коробочка трамвая двинулась из Слободки в первый утренний рейс. С Днепра потянуло ключевой прохладой. Даже не верилось, что недавно над городом появлялись немецкие бомбардировщики.

Но война была явью, и вскоре мы убедились, что Киев - город военный. Возле железнодорожной станции над серебристым пирамидальным тополем плавно качалась "колбаса" - аэростат воздушного заграждения. Черные стрелы на стенах зданий

указывали вход в бомбоубежище. Перрон был полон военными в новом обмундировании. Молоденький командир звонким голосом отдавал распоряжения. Призывники, иные еще не успевшие обмундироваться, в светлых теннисках и футболках, с вещевыми мешками и котелками, болтающимися на ремне, быстро рассаживались по вагонам.

Нас встретил представитель штаба Киевского особого военного округа. Полное лицо его осунулось, под глазами синяки, видно провел ночь без сна.

Чуть охрипшим голосом он доложил о том, что нам уже было известно: обстановка на Юго-Западном фронте в результате внезапного вторжения немецко-фашистских войск сложилась тяжелая.

Я осведомился о подробностях боевых действий Юго-Западного фронта за предыдущий день. Штабист смущенно развел руками: что делается за чертой Киева, тем более на дальних, приграничных рубежах округа, он не знал. Конечно, его нельзя было обвинять в этом. Немецкая авиация внезапными бомбовыми ударами в первые же минуты войны вывела из строя ряд важнейших линий и узлов связи.

Я попытался связаться из города с командующим Юго-Западным фронтом генерал-полковником М. П. Кирпоносом, но телефон ВЧ не работал. Для переговоров по радио требовалось много времени, а я не мог ждать - спешил на командный пункт Южного фронта в Винницу.

Вечером 24 июня специальным поездом я прибыл в Винницу. Изумлению моему и огорчению не было границ: командный пункт фронта оказался совершенно неподготовленным - ни одного телефонного и телеграфного аппарата, ни одной радиостанции.

Пришлось мобилизовать местные средства и с их помощью устанавливать связь с войсками. На это терялись драгоценные часы.

Из переговоров со штабами 9-й армии и 17-го стрелкового корпуса я установил, что на всем протяжении Южного фронта противник ведет усиленную разведку, а также систематически бомбит железнодорожные узлы Жмеринку, Казатин, Помощную и города Одессу, Севастополь. Да и Винница, как я имел возможность лично убедиться, тоже подверглась ожесточенному воздушному налету.

О положении на Юго-Западном фронте мне вкратце сообщил по ВЧ командующий фронтом генерал-полковник Кирпонос. Он сказал, что на правом крыле фронта в районах Владимир-Волынска, Луцка, Дубно и Ровно противник вторгся крупными силами. Танковые части врага достигли Ровно, Дубно, а

пехотные - быстро продвигаются на Львов, Броды...

Кирпонос сказал, что он предпринимает необходимые меры, чтобы остановить наступление противника и нанести по его группировке контрудар подтягивающимися подвижными соединениями.

На следующий день после моего приезда в Винницу штаб получил директиву Народного комиссара обороны, в которой было сказано, что из резерва Ставки Главного Командования создана группа армий под командованием Маршала Советского Союза С. М. Буденного. Армиям Южного фронта ставились оборонительные задачи: прикрывать государственную границу в своих полосах и но допустить вторжения немецко-фашистских войск на пашу территорию.

Надо сказать, что по сравнению с Юго-Западным наш, Южный, фронт считался относительно "спокойным". В положении войск фронта за время с 22 июня и в течение нескольких последующих дней существенных изменений не произошло.

Мы воспользовались этим затишьем, чтобы привести войска в боевую готовность, наладить четкую связь, подтянуть в самый кратчайший срок к границе и ввести в бой части прикрытия. Задача не из легких, если учесть, что ночью 22 июня вблизи границы стояли лишь отдельные батальоны. Главные же силы войск прикрытия находились в учебных лагерях, отстоявших от границы где на тридцать, а где на все семьдесят километров.

Но спокойствие длилось недолго. Уже в ночь на 26 июня две дивизии противника под прикрытием сильного огня артиллерии и при поддержке авиации атаковали наши части в районе Скулян, что в десяти километрах севернее Ясс. Им удалось форсировать Прут и захватить Скуляны. Контратакой 116-й стрелковой дивизии гитлеровцы были отброшены за реку, при этом они потеряли свыше 700 солдат и офицеров убитыми и ранеными.

1 июля из района севернее Ясс, Ботошаны крупные силы 11-й немецкой и 3-й румынской армий перешли в наступление на могилев-подольском и бельцском направлениях.

Завязались ожесточенные бои. Имея двойное, тройное превосходство в силах и средствах на направлениях главных ударов, отражая контратаки наших частей, к исходу 7 июля противник вышел на рубеж Хотин, Тырново, Бельцы. В это же время 1-я танковая группа и 17-я армия гитлеровцев овладели городом Бердичев. Войска наших 18-й и 9-й армий оказались под угрозой окружения.

Перед фашистскими войсками на юго-западном направлении была поставлена задача внезапным молниеносным ударом разгромить советские части в приграничных с Польшей и

Венгрией районах, захватить Западную Украину, лишить Советский Союз богатых промышленных и сельскохозяйственных районов и создать условия для успешного продвижения на восток.

Достижение этой цели потребовало сосредоточения огромного количества военной техники. Гитлер бросил против войск Юго-Западного и Южного фронтов так называемую группу армий "Юг" в составе трех полевых армий, одной танковой группы, двух румынских армий и венгерского корпуса.

Всего же на юго-западном направлении наступало более сорока пехотных, танковых и моторизованных немецких дивизий, а также около тридцати пехотных дивизий и бригад стран-сателлитов.

Этим фашистским силам противостояли 5, 6, 12 и 26-я армии и несколько механизированных корпусов Киевского особого военного округа, переименованного в Юго-Западный фронт, 9-я и 18-я армии, 2, 16 и 18-й механизированные корпуса Южного фронта, созданного на базе войск Одесского военного округа.

10 июля 1941 года для организации более тесного взаимодействия и координации боевых действий двух фронтов было создано Юго-Западное направление во главе с Маршалом Советского Союза Семеном Михайловичем Буденным.

Между фронтами была установлена разграничительная линия: Кременчуг, Винница, Коломыя.

Рассматривая соотношение сил сторон на Юго-Западном направлении, следует отметить, что в количественном отношении оно было равным. Но поскольку инициатива оказалась в руках противника, ему удалось по заранее разработанному плану сконцентрировать свои силы на избранных направлениях и создать на них большое численное превосходство.

Войска Юго-Западного направления действовали в соответствии с общей задачей, поставленной перед ними Главным Командованием: отразить вероломное вторжение и остановить наступление врага. В оперативной директиве, переданной Наркомом обороны по прямому проводу частям приграничных округов в первый день войны, было сказано: "Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу". Но на каком именно рубеже, какими силами и средствами следовало отразить внезапное нападение врага - не указывалось. А между тем обстановка настоятельно этого требовала. Противник сорвал наш план прикрытия и навязал нам свою волю - вести боевые действия в невыгодных для нас условиях.

Не имея конкретной, вытекающей из обстановки задачи,

наши войска вынуждены были вести боевые действия на случайных рубежах. Характер этих действий был неопределенный, соотношение сил - невыгодное для нас.

Бои носили разрозненный характер. Не было сплошного фронта обороны. Этим утверждением я, конечно, нисколько не хочу принизить героизма советских воинов, принявших на себя первый мощный удар врага, дравшихся с невиданным упорством и стойкостью. Память о них не померкнет в веках!

Наши воины удерживали занимаемые рубежи даже тогда, когда противник осуществлял глубокие фланговые обходы и охваты. В результате враг, имевший на направлениях главных ударов компактные группировки, теснил ваши части.

Советские войска вели упорные оборонительные бои, но не могли сдержать натиск противника. Поэтому с первых же дней войны мы начали эвакуацию народнохозяйственного имущества из приграничных областей Украины. Это мудрое решение партии и правительства позволило сохранить важные промышленные объекты. Возрожденные к жизни в глубоком тылу, они наладили выпуск военной продукции, в которой так нуждалась наша армия.

Эвакуированы были также сотни тысяч сельскохозяйственных машин, миллионы голов скота.

Выполнение этой большой государственной важности задачи было делом нелегким. Понадобилось много железнодорожных вагонов для перевозки рабочих и их семей, станков и другого промышленного и сельскохозяйственного оборудования, а подвижного состава едва хватало для оперативных переброс войск и подвоза к фронту боеприпасов. Однако благодаря совместной неутомимой работе железнодорожников, партийных и советских органов Украины, работников штабов фронтов, в том числе и нашего, Южного, эта задача была успешно решена.

Тяжелое переживали мы время. Сердце сжималось от боли при виде эвакуированных и беженцев.

Память воскрешает то скорбное лицо старика, повстречавшегося мне на военной дороге при отступлении из горящего Первомайска, то повзрослевшее за дни войны лицо подростка, несшего на руках раненую сестренку. Встает перед глазами молодая женщина, суровая, неулыбчивая - командир колонны запыленных полуторок, вывозивших из Днепропетровска токарные станки. Не могу забыть и окаменевшее от горя лицо партийного работника, потерявшего при первой бомбежке жену и двух сынишек...

На Урале и под Москвой

В начале сентября 1941 года, когда войска нашей резервной армии контратаковали противника, вырвавшегося на левый берег

Днепра, я был ранен под Днепропетровском.

Ранение оказалось серьезным, и меня эвакуировали в Москву. Рана заживала медленно. Пришлось пролежать в Центральном военном госпитале в Москве до 13 октября 1941 года. Военный хирург Петр Васильевич Мандрыка принимал все меры, чтобы сохранить ногу. Через четыре недели сухожилие стало постепенно срастаться, а еще через неделю я уже мог ходить по двору госпиталя без костылей.

Обстановка на всех фронтах Великой Отечественной войны в то время была исключительно тяжелой. Немецко-фашистские войска продолжали наступать. Они подходили к Москве, Ростову, осадили Ленинград.

Над Москвой то и дело появлялись вражеские самолеты. По сигналу воздушной тревоги нас, раненых, каждый раз выводили из палат в убежище. Мы, фронтовики, не любили ходить в укрытие и стремились во время воздушной тревоги остаться в палате. Но Петр Васильевич Мандрыка требовал подчиняться общим правилам.

- Если бомба убьет вас в убежище, - шутя говорил он, - все же спрос с меня будет меньший.

В середине октября над Москвой нависла смертельная опасность. Многие заводы и другие государственные предлриятия и учреждения стали эвакуироваться из столицы. Готовился к отъезду и Центральный военный госпиталь.

Желая скорее вернуться в строй, я написал письмо товарищу Сталину и передал его через Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко.

В письме я сообщал, что здоровье мое восстановлено, хотя это и не соответствовало действительности, и что я могу приступить к работе.

Письмо не осталось без ответа. 13 октября меня вызвали в Ставку Верховного Главнокомандования, и я был принят товарищем Сталиным в Кремле, в его рабочем кабинете.

И. В. Сталин куда-то торопился, поэтому наша беседа была краткой. Прежде всего он осведомился о моем здоровье. Я ожидал этого вопроса и ответил, что чувствую себя прекрасно, в любую минуту могу приступить к работе. О том, что мне разрешено ходить лишь в специально изготовленной ортопедической обуви, я умолчал.

Последовал новый вопрос, приведший меня в уныние:

- Можете ли вы немедленно выехать на Урал? "На Урал! В тыл! - мелькнуло в голове. - Значит, прощайте надежды на фронт!"

По-видимому, Сталин прочел в моих глазах эту беспокойную

мысль, потому что добавил, подчеркивая каждое слово:

- Поедете для выполнения специального задания Государственного Комитета Обороны. Учтите, задание очень срочное и важное.

И, не дожидаясь моего согласия, считая вопрос решенным, приказал Поскребышеву, находившемуся тут же в кабинете, заготовить для меня мандат.

В час ночи я снова встретился с И. В. Сталиным. Он принял меня на загородной даче в присутствии других членов Государственного Комитета Обороны. Заговорили о причинах отхода наших войск на Южном фронте. Спросили мое мнение. Я сказал то, что и им было хорошо известно:

- Войска Южного фронта вынуждены были отступить за Днепр потому, что противник, используя свое превосходство в силах, все время заходил нам во фланг и тыл. У нас не было необходимых резервов для отражения ударов обходящей бронетанковой группировки врага, а все имеющиеся войска были скованы с фронта значительными силами противника. Оборонительные же рубежи, подготовляемые местным населением, из-за отсутствия резервов мы не смогли занять заблаговременно.

Из-за отсутствия танков, бронебойных снарядов и противотанковой артиллерии в войсках Южного фронта значительно снижалась эффективность борьбы с неприятельскими танками.

Но, несмотря на все трудности и большое численное превосходство наступающего противника, наши войска сражались исключительно самоотверженно, часто переходили в контратаки, нанося врагу большой урон.

Затем разговор зашел о моей предстоящей поездке на Урал.

- Положение на фронте сейчас зависит от того, насколько быстро и эффективно мы сумеем подготовить резервы, - сказал Иосиф Виссарионович. Вот вам, товарищ Тюленев, и поручается срочно выехать на Урал для формирования и обучения резервных дивизий. Необходимо самое серьезное внимание обратить на обучение их ведению ближнего боя, особенно борьбе с танками. Необходимо также отработать с командным составом вопросы управления боем.

В мандате, выданном мне тут же, на даче Сталина, говорилось:

"1. Сим удостоверяется, что генерал армии тов. Тюленев И. В. является уполномоченным Государственного Комитета Обороны по обучению и сколачиванию вновь формирующихся дивизий на территории Уральского военного округа.

2. Тов. Тюленеву И. В. ставится задача доформировать 14 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, организовать их обучение современному ведению боя и сколотить их, чтобы в течение 2 месяцев дивизии представляли вполне боеспособные единицы.

3. Обязать все советские, военные и партийные организации оказывать тов. Тюленеву И. В. всяческое содействие при выполнении возложенных на него задач.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин".

На следующий день с группой командиров я выехал на Урал. Среди них был генерал-лейтенант артиллерии А. К. Сивков, очень хороший товарищ, прекрасно знавший военное дело, выпустивший из стен академии немало артиллеристов, и мой старый сослуживец генерал-лейтенант П. С. Рыбалко.

Стояла холодная, с пронизывающими ветрами осень. Деревья донашивали свой багряный наряд, на зеленых лапах елей лежали опавшие листья осин и берез...

Поезд уходил все дальше и дальше от линии фронта, но думы о войне не покидали нас. Великие испытания вы пали на долю нашего народа. Трудно было везде: и на юге, где велись бои. и в прифронтовой Москве, и в тылу, куда, обгоняя наш поезд, шли бесконечной чередой эшелоны с оборудованием эвакуированных заводов.

В одном из городов, где формировались две дивизии - пехотная и кавалерийская, мы остановились и пробыли сутки. Короткий октябрьский день в основном ушел на первое весьма поверхностное знакомство с командным составом, на выяснение нужд дивизий.

Вечером я сделал доклад о положении на фронтах Великой Отечественной войны, суммировал опыт, приобретенный нами за пять месяцев боев.

Собравшиеся в гарнизонном клубе командиры частей и подразделений, люди, знавшие о войне лишь по сводкам Совинформбюро и газетным корреспонденциям, с большим вниманием выслушали мой рассказ.

Искренне порадовало меня моральное состояние резервистов. По всему чувствовалось, что они рвутся на фронт, чтобы быстрее сразиться с врагом. Но мы понимали, что для этого одного боевого духа недостаточно. Я убедился, что для повышения боеспособности этих соединений предстоит сделать еще очень многое.

По прибытии в Свердловск мы вместе с членами Военного совета округа, куда входил и секретарь Свердловского обкома

партии, обсудили план работы и приступили к его выполнению.

Всего на территории округа предстояло сформировать четырнадцать стрелковых, шесть кавалерийских дивизий, десять стрелковых бригад и двадцать один лыжный полк.

Такое количество войск нужно было снарядить, вооружить и обучить в минимально сжатые сроки. Работа была трудная, по весьма необходимая и почетная. Она не прекращалась ни днем ни ночью. Я бывал всюду, где формировались новые части, проверял, как проходит боевая подготовка.

Примерно одна треть формируемых войск должна была быть полностью готовой к 1 ноября 1941 года, остальные полки и дивизии - к 20 ноября.

От всех довольствующих органов и военных организаций, принимавших участие в формировании и подготовке резервных частей и соединений, потребовалось огромное напряжение сил. Большая доля работы была выполнена Военным советом и штабом Уральского поенного округа. Колоссальную помощь в обеспечении войск оружием и снаряжением оказали партийные и советские организации Урала.

"Уралмаш" ковал нам танковую броню. Поначалу заводу нелегко было переключиться на сверхскоростные темпы производства, необходимые в такое чрезвычайно тревожное время. Но люди трудились с огромный воодушевлением, не щадя своих сил. Рабочие, техники, инженеры сутками не покидали цехов, и все задания выполнялись в срок.

Помнится, директор завода как-то спросил:

- А нельзя ли сдавать танки с неотшлифованной броней?

- К черту шлифовку! - согласился я. - Лоск и красоту на боевые машины будем наводить после войны. Шлифовка сварных швов отнимает лишние драгоценные часы, а они у нас на вес золота.

Не покладая рук трудились оружейники многих заводов Урала, изготовившие сотни тысяч винтовок и пулеметов.

Большую помощь в обеспечении кавалерийских частей оказали патриоты Башкирии, организовавшие массовый сбор седел и амуниции среди местного населения.

В процессе боевой подготовки новых формирований войск основное внимание уделялось изучению боевого опыта, накопленного в ходе первых месяцев Великой Отечественной войны.

Изучение способов ведения современного боя и сколачивание подразделений и частей осуществлялось в условиях, приближенных к боевым. Тридцать процентов времени, предназначенного на боевую подготовку, отводилось на занятия в

ночных условиях.

Учитывая территориальную разбросанность формируемых дивизий, для более оперативного руководства ими мы сочли необходимым создать две оперативные группы, которые впоследствии могли бы явиться ядром армейских управлений. В штат Уральского военного округа были введены два заместителя командующего войсками и два заместителя начальника штаба округа. При них и были созданы две группы (по 10-12 человек каждая) хорошо подготовленных инспекторов, представлявших все рода войск. Одна группа разместилась в Челябинске, другая - в Перми.

Через месяц нашей работы - в середине ноября - я доложил Государственному Комитету Обороны, что все двадцать дивизий в основном укомплектованы (за исключением некоторого количества вооружения), а их подразделения и части сколочены. Однако они еще нуждались в приобретении практических навыков по освоению боевых порядков и ведению современного боя.

Ввиду тяжелого положения под Москвой и в целях предоставления возможности вновь сформированным дивизиям освоиться с боевой обстановкой, я предложил Верховному Главнокомандованию перебросить их с Урала на дальний тыловой оборонительный рубеж под Москву, где бы они могли и обучаться и готовить этот рубеж. При этом я считал необходимым свести все дивизии в единое боевое объединение - резервную армию.

Однажды, когда я ехал из Свердловска в Камышлов, поезд, к которому был прицеплен мой вагон, остановился на полустанке. К моему вагону подбежал взволнованный железнодорожник и сообщил, что меня вызывает Москва. Я поспешил на станцию, к телефону. Поскребышев сказал, что со мной будет говорить И. В. Сталин.

Через минуту услышал неторопливый спокойный голос Верховного Главнокомандующего:

- Мы вам позвонили по поводу вашего предложения создать армейское управление для резервных дивизий и перебросить их на Волгу в район Рыбинска, Ярославля. Ставка с вашим предложением согласна. Возглавить эту резервную армию предлагаем вам. Придаем в ваше распоряжение саперную армию Раппопорта, которая дислоцируется в Рыбинске. Вы согласны?

Я поблагодарил Сталина за доверие и выразил свое согласие.

В ноябре 1911 года было сформировано управление резервной армии, которое объединило все дивизии, переброшенные с Урала в район Рыбинска, Ярославля, Иванова.

Командующим армией Ставка назначила меня, а начальником штаба - генерал-полковника Ф. И. Кузнецова.

Прибыв в указанный район, резервная армия сразу же включилась в подготовку Московского тылового оборонительного рубежа.

В соответствии с планом Ставки Верховного Главнокомандования я со штабом армии в недельный срок произвел тщательную рекогносцировку и определил полосу обороны. Передний край проходил по линии Рыбинск, Углич, Переяславль-Залесский, Шуя. Глубина обороны ограничивалась линией Ярославль, Кострома, Иваново.

В конце декабря я донес в Ставку Верховного Главнокомандования, что тыловой оборонительный рубеж создан, а резервные дивизии готовы выполнить любую боевую задачу.

В январе 1942 года большинство дивизий резервной армии по приказу Ставки было направлено в распоряжение командующих Западным, Калининским и Волховским фронтами.

В морозную январскую ночь по вызову Ставки Верховного Главнокомандования я выехал в Москву с докладом об отправке дивизий на фронт.

В город прибыли поздно ночью. Не заглянув домой, я направился прямо в Генеральный штаб.

Начальник Генштаба Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников сидел в своем кабинете, в глубокой задумчивости склонившись над картой. Когда я вошел, он радушно приветствовал меня:

- А, приехали? Ну как идет у вас работа? Отправили на фронт генералам Жукову, Коневу и Мерецкову дивизии?

- Все исполнено, Борис Михайлович, как приказала Ставка. Полностью вооружили, выдали теплое обмундирование и валенки. Чудесные бойцы - эти уральцы! - не удержался я, чтобы не похвалить пополнение. - Народ рослый, плечистый, жизнерадостный, настроение у всех хорошее. Когда мы провожали их на фронт, мне так хотелось поехать с ними, и я, Борис Михайлович, глубоко сожалею, что не мог этого сделать.

- А разве вам рана не мешает?

Стараясь не припадать на больную ногу, я прошелся по кабинету.

- Вот видите, Борис Михайлович, рана зажила, и я в любую минуту готов ехать на фронт.

- Ну хорошо, голубчик, - успокоил меня Шапошников, - отдохните после дороги, а завтра заходите. - И, к моему огорчению, добавил: - По-моему, вам еще рано по окопам лазить, можете повредить ногу, и будет хуже. - Посмотрев на бумаги,

лежавшие перед ним, маршал сразу переменил тему разговора: - Как вы думаете, Иван Владимирович, может ли наш У-2 выполнять задачи бомбардировщика?

- Что вы, Борис Михайлович? - удивился я. - Какой из У-2 бомбардировщик! Он в состоянии поднять всего несколько килограммов груза. Да и скорость-то у него такая, что из охотничьего ружья можно сбить, не говоря уже про винтовочный и пулеметный огонь.

- Вот я тоже так думал, - улыбнулся Шапошников, - а специалисты нам доказали, что этот самолет при бомбежке ночью неоценим. Мы уже подготовили пять полков. Двести самолетов завтра вылетают и будут всю ночь бомбить фашистские войска...

Борис Михайлович, пожелав мне хорошего отдыха, снова погрузился в работу. Лицо его было усталым и озабоченным. Он, пожалуй, не слышал, как я вышел из кабинета.

Уже позже, на Закавказском фронте, вспомнился мне наш разговор с Б. М. Шапошниковым об У-2, столь славно проявивших себя в качестве ночных бомбардировщиков. Ну и задали же они жару фашистам! Недаром гитлеровцы бледнели только при одном слове "рус фанер" - так они называли наших боевых "кукурузников".

На другой день после посещения Б. М. Шапошникова я был у И. В. Сталина.

По-видимому, Сталин понял, зачем я к нему явился, потому что, не дав мне выговорить ни слова, предложил сесть и сказал:

- Знаю, знаю, чего добиваетесь. Надоело сидеть в тылу?

- Так точно, товарищ Сталин!

Сталин улыбнулся:

- Ничего не поделаешь, придется удовлетворить вашу просьбу.

А еще через сутки, 19 января 1942 года, мне вручили приказ о новом назначении - заместителем главнокомандующего Юго-Западным направлением.

И вот я снова еду в действующую армию.

Штаб Юго-Западного направления находился в Воронеже, а командный пункт - в Сватово. Когда я прибыл на место и приступил к исполнению своих обязанностей, войска Юго-Западного и Южного фронтов, входившие в состав Юго-Западного направления, перешли в наступление и вели ожесточенные бои.

Прорвав укрепленный рубеж противника и преодолевая его яростное сопротивление, наши войска продвинулась более чем на 100 километров, освободили города Барвенково, Лозовая и свыше 400 других населенных пунктов.

Были полностью разгромлены 68-я дивизия, 236-й

противотанковый и 179-й пехотный полки 57-й пехотной дивизии; большие потери понесли 44, 62, 94 и 295-я пехотные дивизии гитлеровцев. Наши войска захватили огромные трофеи и несколько сот пленных.

Однако следует признать, что развить достигнутый успех и закрепить его на этом направлении в силу отсутствия необходимых резервов нам не удалось.

Не успел я как следует ознакомиться с войсками Юго-Западного и Южного фронтов, как получил новое назначение - командующим войсками Закавказского военного округа. Директивой Ставки Верховного Главнокомандования мне предписывалось немедленно, самолетом, отправиться к месту новой службы.

Очень не хотелось уезжать с передовой, покидать действующую армию, но директива Ставки не подлежала обсуждению. Утешало только одно: в Закавказье я прожил немало лет и с ним у меня связано много добрых воспоминаний. В 1927-1930 годах я командовал Особой бригадой, в которую входили три обычных полка и три национальных: грузинский, азербайджанский, армянский. Кстати, последним командовал бывший конармеец, ныне Маршал Советского Союза, И. Х. Баграмян. С начала 1938 и до середины 1940 года я был командующим Закавказским военным округом. Там в 1940 году мне, командарму 1 ранга, было присвоено звание генерала армии...

И пот не прошло еще и двух лет, как я снова направляюсь в Закавказье.

Южный фронт

Южный фронт имел перед собой правофланговую группировку группы армий "Юг": 11-ю немецкую, 3-ю и 4-ю румынские армии и венгерский корпус. Этой группировке противостояли 28 наших дивизий.

Расстановка сил и средств со стороны противника отвечала заранее намеченному им плану: сковать войска Южного фронта и в то же время оказывать активную помощь своим 17-й и 6-й армиям и танковой группе в разгроме войск левого крыла Юго-Западного фронта. С выходом основных сил группы армий "Юг" в район Белая Церковь, Казатин, Винница гитлеровцы намеревались перенести свой главный удар по войскам Южного фронта.

Равнинные степи облегчали действия всех родов войск. В то же время нужно отметить одну характерную особенность, оказавшую в то время отрицательное влияние на ход боевых действий Южного фронта.

Реки Прут, Днестр, Южный Буг протекают в основном с северо-запада на юго-восток. Немецко-фашистское командование, сковывая наши войска, оборонявшие эти водные рубежи, основными силами наносило удар в юго-восточном направлении с целью выхода во фланг и в тыл.

Вот почему по мере осложнения обстановки на левом фланге Юго-Западного фронта мы, южане, вынуждены были отходить в условиях тяжелых боев. С 22 июня по 25 июля наши войска отступали от Прута и Днестра, к середине августа немцы оттеснили нас к Южному Бугу, а с 15 августа бои шли уже на левом берегу Южного Буга и правом берегу Днепра.

В районе боевых действий войск Южного фронта было построено немало всевозможных искусственных оборонительных сооружений и заграждений траншеи, противотанковые рвы, надолбы, ежи, огневые позиции.

Однако все они, за исключением одесского рубежа, из-за отсутствия у командования фронта резервов не использовались в полную меру.

После двухнедельных боевых действий в связи с тяжелым положением на левом крыле Юго-Западного фронта пришлось отводить войска правого крыла Южного фронта и перестраивать оборону.

Упорно отражая натиск врага, наши воины проявляли мужество и героизм, часто сами переходили в контратаки, нанося гитлеровцам большие потери в живой силе и технике.

Так, 8 июля в районе Фельчиу противник форсировал Прут и стал, наращивая усилия, продвигаться в восточном направлении. 150-я стрелковая дивизия контратаковала врага и, нанеся ему значительные потери, отбросила на западный берег, восстановив положение.

А на следующий день 95-я стрелковая дивизия, перейдя в контратаку с другого рубежа, разбила 67-й немецкий пехотный полк и два дивизиона 63-го артиллерийского полка румын, захватив немалые трофеи для первого месяца войны: 82 пленных, 20 орудий, 68 автомашин, 400 повозок и 600 лошадей.

В ходе боевых действий нам удалось установить, что в районе Ботошаны, Яссы противник сосредоточил крупную группировку (15-20 дивизий), что подтверждало наше первоначальное предположение о его намерении нанести сильный удар в направлении Бельцы, Винница, окружить основные силы Юго-Западного и правого крыла нашего фронта.

К этому времени враг имел перед войсками Южного фронта более чем двукратное общее превосходство в живой силе и более чем полуторное - в артиллерии. Оперативная плотность наших

войск составляла одну дивизию на 70 километров фронта. Такое положение позволяло противнику создавать еще большее превосходство в силах на направлениях намечаемых ударов.

При создавшихся условиях мы могли выполнить поставленные перед нами задачи только методом подвижной обороны, используя укрепленные районы и речные преграды для выигрыша времени и нанесения врагу максимального урона.

Командование Южного фронта планировало запять оборону отходящими войсками на рубеже Летичевский укрепрайон, река Днестр. Основные усилия предполагалось сосредоточить на правом фланге. Причем мы считали целесообразным для лучшего управления войсками весь этот укрепрайон подчинить Юго-Западному фронту, так как Летичевский укрепрайон большей частью располагался в его полосе.

* * *

Стоял жаркий июль.

Раскаленная земля полыхала нестерпимым зноем. А в населенных пунктах было еще жарче: горели дома, деревья, в безветренном воздухе недвижно стояли столбы дыма.

Я возвращался из Котовска, из 102-го стрелкового полка, прославившегося на весь наш фронт. Этим полком командовал волевой, отчаянно храбрый, чем-то похожий на Чапаева полковник Лапшов.

От южного городка тянулся разбитый гусеницами танков большак со свежими воронками от бомб. В безоблачном бледно-голубом небе кружили "мессершмитты", пикировали на дорогу с нарастающим, душераздирающим воем.

Вот оно, котовское направление, которое, быть может, лишь завтра или послезавтра появится на страницах газет рядом с уже существующим на юге кишиневским...

Когда я прибыл в штаб, меня там встретили радостным сообщением:

- Получаем пополнение, целых две армии - шестую и двенадцатую!

Но. увы, радость оказалась преждевременной. Положение наших войск с передачей этих армий не улучшилось, а ухудшилось, так как обе они, действовавшие на левом крыле Юго-Западного фронта, были сильно измотаны непрерывными боями, отступали в условиях полуокружения. Немцы изо дня в день усиливали нажим, чтобы отрезать им путь отступления, стянуть кольцо окружения. Армейские штабы не имели оперативной связи с вышестоящими штабами. Поэтому командование Южного фронта не получало регулярной информации о положении дел.

Мною неоднократно предлагалось командующим 6-й и 12-й

армиями с боями вырваться из окружения. Об этом я докладывал и в Ставку в донесении от 4 августа: "Понеделину{5} вновь подтверждаю приказ новыми атаками пробить себе путь и выйти из окружения".

2-й механизированный корпус, действовавший из района Христиновка, Умань в северном направлении, и части 18-й армии, сдерживавшие противника на линии Копай-Город, Гайсин, Ободовка, пытались образовать ворота для выхода 6-й и 12-й армий из окружения.

Однако 4 августа, в тот день, когда писалось донесение в Ставку, 6-я и 12-я армии, измотанные кровопролитными боями, были уже полностью окружены под Уманью. Три дня отчаянно сопротивлялись воины этих армий. Но участь их была предрешена. Многие воины погибли в жестоких боях, некоторые попали в плен, и лишь часть из них мелкими группами вырвалась из окружения.

Сосредоточив значительное количество сил и средств, гитлеровцы продолжали решительное наступление по всему Южному фронту и на стыке 18-й и 9-й армий в районе Кодыма, Балта глубоко вклинились в нашу оборону. В это же время в районе Дубоссары, Григориополь другие немецкие части форсировали Днестр.

Резервов Южный фронт не имел. Все усилия по ликвидации разрыва между нашими армиями существенных результатов не дали. Несмотря на то что две стрелковые дивизии и 2-й кавалерийский корпус отбросили на восемь километров к северу части 30-го армейского корпуса противника, полностью разгромив один его пехотный полк, освободили Балту, захватили 10 орудий разных калибров и более 50 пулеметов, положение по-прежнему оставалось тяжелым.

Кончался июль...

Правое крыло нашего фронта заняло новую линию обороны: Тальное, Христиновка, Балта. Организуя подвижную оборону, контратакуя и маневрируя, наши войска не дали окружить себя и уничтожить, как это планировалось штабом группы армий "Юг".

В своем дневнике генерал Гальдер 18 июля 1941 года записал:

"Противник снова нашел средства для вывода своих войск из-под угрозы наметившегося окружения. Такими средствами являются: с одной стороны, яростные контратаки против наших преследующих отрядов 17-й армии и, с другой стороны, большое искусство, с каким противник выводит войска из угрожаемых районов..."

Однако, несмотря на наши сильные контрудары, общая

обстановка в полосе всего Юго-Западного фронта, нашего соседа, оставалась тяжелой. Используя свое превосходство в силах, немцы продолжали продвигаться в восточном и юго-восточном направлениях. Нависла угроза над Киевом.

Наше командование понимало, какую серьезную опасность создаст оккупация немецко-фашистскими войсками Украины, падение Киева. Захват Украины лишал нас железа, угля, марганца, которыми столь богата эта республика.

Кроме того, через Украину пролегал путь к основной нефтяной базе Советского Союза - Кавказу.

Враг продолжал теснить войска левого крыла Юго-Западного фронта, пытаясь выйти во фланг и тыл войскам Южного фронта и разгромить их.

В этих условиях требовалось незамедлительно занять выгодный рубеж, организовать его прочную оборону и остановить противника. Особое внимание следовало обратить на киевское направление. Однако резервы Юго-Западного фронта уже иссякли...

27 июля авиаразведка обнаружила движение мотоколонн противника с севера на юг на Гайсин, Косоново и Кравчунку. В районе Стратеевка, Саражинка, Барсуки, Обжила, Евтодия, Чернече, Ухожаны, Волово, Демовка было отмечено скопление вражеских войск всех родов и их интенсивное движение по балкам, особенно у Любомирки, в 25 километрах от Балты.

Из опроса пленных я узнал, что севернее Липовец с 22 июля действовала сильно потрепанная в боях 297-я пехотная дивизия. Ее 523-й и 524-й полки, наступавшие с рубежа Чагов, Стрижаны, были почти полностью уничтожены, да и 16-я танковая дивизия гитлеровцев понесла ощутимые потери.

Данные разведотдела Юго-Западного фронта были аналогичными. Во второй половине дня 26 июля авиация засекла движение мотоколонны из Белой Церкви на Таращу. Радиоразведка донесла, что к 27 июля в районе Гичина, Джамана, Опач сосредоточился, предположительно, 4-й кавалерийский корпус румын.

Таким образом, противник, сковывая наши войска активной обороной на уманском направлении, стремился прорваться из района Гайсина на восток и выйти во фланг и тыл нашим войскам, действовавшим севернее и северо-восточнее Умани и Христиновки.

Во второй половине дня 27 июля мы оставили Гайсин, Ладыжин. Противник продолжал развивать наступление на Зятковцы и Левков.

На котовском направлении враг стремился не допустить

соединения наших войск в районе Кодымы и тем самым обеспечить себе возможность ввода в бой новых подвижных частей для выхода на Южный Буг. Продолжая наступать на этом направлении, гитлеровцы вышли на рубеж Мироны, Яошняги и заняли Белоче.

На кишиневском направлении усиливался нажим на рубеже Роги, Григориополь.

Мы отдавали себе отчет, что обстановка на всем Южном фронте сложилась исключительно напряженная. Она настоятельно требовала усиления фронта новыми, свежими войсками, а их не было.

Военный совет фронта поставил в известность главкома, что сдерживать противника и наносить ему ответные удары на рубеже Христиновка, Кодыма без свежих сил будет затруднительно. Мы просили разрешения отвести все наши войска на новые рубежи и одновременно усилить фронт хотя бы пятью стрелковыми и двумя-тремя авиационными дивизиями из резерва.

Но штаб главкома Юго-Западного направления, располагавший незначительными резервами, берег их как зеницу ока. К тому же он ошибочно считал, что действующие против нас крупные соединения неприятеля сильно измотаны и не учитывал их двойного превосходства в живой силе.

Не получили мы своевременно и санкции на отход. Поэтому продолжали вести ожесточенные, неравные бои, неся большие потери.

Противник продолжал все свои усилия направлять на разгром правого крыла Южного фронта и частей, действовавших в полосе между Днестром и Южным Бугом. На уманском направлении он атаковал с севера, запада и юго-запада, пытаясь отрезать пути отхода нашим войскам на восток.

Понадобились невероятные усилия наших бойцов и командиров, сражавшихся на дубоссарском, уманском и других направлениях, чтобы, беспрерывно атакуя, размыкать клещи, избегать угрозы окружения. И все же огромное превосходство противника в силах брало верх.

Особенно кризисное положение на Южном фронте создалось к 5 августа, когда немецко-фашистские войска вышли к Днепру перед Юго-Западным фронтом. Это позволило гитлеровскому командованию бросить свои основные силы, находившиеся перед Юго-Западным фронтом, на юг, во фланг и тыл армиям Южного фронта. Так, в районе Нов. Миргород, Нов. Архангельск, Умань сосредоточилось до десяти дивизий, в том числе и бронетанковая группа генерала Клейста. В районе Головановск, Кривое озеро, Первомайск - до пяти дивизий.

Одновременно на правом берегу Днестра в районе Тирасполя сконцентрировалось до десяти вражеских дивизий, которые ждали приказа, чтобы форсировать Днестр.

Всего перед войсками нашего фронта находилось уже до 46 дивизий, из них 4 моторизованные и 6 танковых.

Более чем четырехкратное превосходство в пехоте на направлениях главных ударов, а также большое количество танков и мотопехоты позволяло немцам и румынам продолжать наступление.

Командование Южного фронта понимало, что в дальнейшем противник попытается зажать наши войска между реками Днестр и Южный Буг. Об этом красноречиво свидетельствовала и захваченная оперсводка 11-й немецкой армии.

Члены Военного совета фронта, трезво оценивая обстановку и соотношение сил, пришли к единственному выводу: чтобы избежать поражения, требуется не вынужденное, под нажимом врага, отступление, а планомерный отход на новые рубежи с организацией на них подвижной обороны.

Однако необходимость отхода на новые рубежи была признана лишь 5-6 августа. Поэтому отходить пришлось в гораздо более сложной обстановке.

Наши войска были сильно ослаблены непрерывными боями. Отсутствие каких-либо резервов не позволяло производить необходимые маневры, чтобы воспрепятствовать противнику глубоко обойти нас с фланга и тыла. Фронт растягивался и все более повертывался на север и северо-восток.

К 6 августа нам должны были передать девять стрелковых и три кавалерийские дивизии. Они формировались за Днепром и не были еще полностью вооружены.

Драматические же события продолжали развиваться с быстротой молнии. Противник прилагал все усилия, чтобы запереть части 9-й и 18-й армий между Днестром и Южным Бугом.

* * *

Сквозь сон чувствую, как меня тормошат:

- Товарищ командующий, вас к аппарату!

С трудом размыкаю отяжелевшие веки. Сквозь узкую щель в замаскированном окне виднеется темное небо. Часы показывают около трех ночи.

Окончательно сбрасываю сонную оторопь, когда узнаю, что у аппарата главком С. М. Буденный.

После обычного приветствия докладываю обстановку, сложившуюся на вчера, 8 августа 1941 года:

- В районе Вознесенска на рубеже Васильевка, Раково во

взаимодействии с Дунайской флотилией весь день вела бой 9-я кавалерийская дивизия. В этом же районе действовала наша авиация. Попытка противника продвинуться на юг была сорвана. - Натянув на плечи сползшую шинель - давала себя знать ночная прохлада, - я продолжал: - Как видно из перехваченного приказа, главные силы гитлеровцев действуют в направлении Первомайск, Вознесенск. Сегодня они, видимо, начнут переправляться через Буг. Поскольку я решил использовать свою авиацию для удара главным образом на север от Николаева, прошу вашей авиацией нанести удар по этой группировке врага.

Семен Михайлович отвечал:

- Авиации будет поставлена задача бомбить цель, которую вы указали. Меня интересует, что конкретно сделано по укреплению основного рубежа обороны, указанного Ставкой?

На вопрос главкома я ответил:

- Рубеж по реке Ингулец готов. Закончено сооружение противотанкового рва и эскарпов, правда, окопы отрыты еще не везде. Прошу учесть, что инженерных средств в распоряжении фронта нет. Вчера получили телеграмму, что первая партия инженерного имущества - колючая проволока и взрывчатка отгружается. Сегодня решил послать в Запорожье своих представителей для изыскания имеющихся там местных ресурсов...

В заключение разговора товарищ Буденный сообщил:

- Учтите, что помимо рубежа, ранее указанного Ставкой, вчера начальник Генерального штаба высказался за необходимость подготовить отсечный рубеж от Кривого Рога по реке Саксагань на северо-восток к Верхне-Днепровску.

Докладывал ли главком Юго-Западного направления содержание нашего разговора в Ставку Верховного Главнокомандования, я не знаю. Но через два дня, разговаривая по телефону с начальником Генштаба Маршалом Советского Союза Б. М. Шапошниковым и начальником Оперативного управления генерал-майором А. М. Василевским, я удостоверился, что Ставке хорошо известно положение войск нашего фронта.

А оно продолжало оставаться тяжелым. Войска вели бои с перевернутым фронтом и отражали атаки врага не только с запада, но и с северо-востока.

С 8 августа немцы начали таранить стык 9-й и Отдельной Приморской армий в полосе действий 30-й н 51-й стрелковых дивизий. Эти дивизии, понеся большие потери, отошли и образовали разрыв фронта в направлении Жовгань, Березовка.

Такое положение вынудило 9-ю армию отходить прямо на

восток, на переправы в районе Николаева, а Отдельную Приморскую - на юг, на одесские позиции. 9-я армия истекала кровью, но не могла спешить с отходом, так как соседняя, 18-я, еще не успела переправиться через Южный Буг. Надо ли говорить, как ей трудно было держаться, принимая на себя мощные удары превосходящих сил врага!

10 августа на участке к северу от Николаева начали развертываться и вступать в бой переправившиеся через Южный Буг части 18-й армии. Нажим против их соседа - 9-й армии усилился. Немцы намеревались ударом с севера и запада на Николаев окружить войска обеих армий.

Теперь стало очевидно, что главные силы противника находятся у Николаева, где он готовит нам западню.

Мы правильно оценили обстановку, учтя при этом, что немцы, хотя и являются большими любителями фланговых ударов и маневров, сами весьма чувствительны к угрозам с флангов. Создать такую угрозу мог только 2-й кавалерийский корпус, втянутый в бой под Вознесенском. Мы решили перебросить его в район Нового Буга. К 12 августа кавалеристы вошли в этот район и нанесли чувствительный удар по хвосту одной из колонн танковой дивизии гитлеровцев, выдвигавшейся из района Вознесенска на Кривой Рог.

Прошло два дня. Фронт 9-й армии приблизился к Николаеву, а нажим преследовавших немецких дивизий не ослабевал. Переправы через Южный Буг были уничтожены авиацией противника, и отходящие войска оказались в катастрофическом положении.

И тут надо отдать должное героическим действиям инженерных войск. Лодки, плоты, баржи, даже плавучий док с николаевских верфей - все было использовано для спешного наведения единственного наплавного моста длиной около трех километров.

По этому мосту переправлялись на левый берег Южного Буга войска, материальная часть.

Удачно действовали суда Дунайской и Пинской флотилий, обеспечивая переправу наших войск.

В целом отход с непрерывными боями из николаевского мешка был произведен успешно.

12 августа Ставка Верховного Главнокомандования разрешила Южному фронту отвести 18-ю и 9-ю армии на новый рубеж: Кривой Рог, река Ингул, Бугский лиман - с задачей прочно удерживать Одессу и Николаев.

К исходу 14 августа 16-й танковой и мотодивизии СС "Адольф Гитлер" удалось выйти в тыл нашим армиям.

На следующий день штаб фронта переместился из Николаева в Берислав. Но на новом командном пункте я пробыл недолго. Обстановка резко ухудшилась. При переправе войск 18-й и 9-й армий на левый берег Южного Буга в районе Вознесенск, Новая Одесса, Николаев танковые силы врага захлестнули их, преградили пути отхода за Днепр.

Ночью я снова вылетел в Николаев. Расстояние от Берислава до Николаева пустяковое, как говорится, "с воробьиный скок", но летчику пришлось проявить немало мужества и хладнокровия, чтобы благополучно завершить полет. Над линией фронта мы попали под сильный огонь немецких зениток.

В Николаеве я тотчас же созвал совещание высшего командного состава, чтобы вместе с членами военных советов армий и командирами корпусов обсудить создавшуюся угрожающую обстановку, принять решительные меры по ликвидации прорыва войск противника.

План, предложенный на этом совещании, был прост: при поддержке и под прикрытием артиллерийского и минометного огня на рассвете контратаковать немцев. В наступающих боевых порядках будет находиться артиллерия, которая с ходу развернется и откроет массированный огонь по фашистским танкам.

Генералы Смирнов, Малиновский, Белов и другие внесли немало ценных предложений, дополнений и уточнений по плану. Высказались они и за то, чтобы самим идти в первом эшелоне, лично возглавить наши контратакующие войска.

Бой длился весь день и принес нам победу: части противника, преграждавшие отход нашим соединениям за Днепр, были отброшены с немалыми для них потерями.

В ночь на 17 августа войска 2-го кавалерийского корпуса, 18-й и 9-й армий переправились, через Ингулец, получив приказ отойти на восточный берег Днепра.

В этой операции отлично взаимодействовала с пехотой наша авиация. Летчики 20-й авиадивизии в этот день сбросили на голову врага 115 бомб.

Вот как отзывалось немецкое командование о действиях нашей авиации в этот жаркий августовский день:

"Сильные бомбардировки причинили большие потери. Командный пункт 48-го танкового корпуса из-за постоянных бомбардировок был перемещен..."

"Чем объяснить то положение, - спрашивал я себя, - что немцы не привлекли для операции под Николаевой больше сил?"

Ответ, очевидно, мог быть только один: выдвижение вновь сформированных дивизий резервной армии, которой командовал

генерал Н. Е. Чибисов, в районе Днепропетровска. Вновь созданная армия, как мы увидим далее, помогла ветеранам нашего фронта - 18-й и 9-й армиям отойти за Днепр и задержала форсирование немцами Днепра у Кременчуга.

В состав резервной армии были включены восемь стрелковых и три кавалерийские дивизии, две танковые бригады. Армия имела задачу по мере готовности дивизий выдвигать их на рубеж Кременчуг, Александрия, Кривой Рог и далее на юг по реке Ингулец.

Создание такой группировки в тот момент, когда немецкому командованию наше положение казалось безвыходным, обеспокоило противника, внушило ему опасения за свои войска на днепропетровском направлении.

Правда, немцы не знали, что на 15 августа в дивизиях резервной армии не было ни одной противотанковой пушки, ни одного пулемета. Имелись лишь горные орудия, причем у большинства из них не было панорам.

К 18 августа формирование новых дивизий резервной армии генерала Чибисова было закопчено и большинство из них введено в бой. Дивизии получили винтовки, ручные пулеметы, небольшое количество противотанковых пушек. Но по-прежнему остро ощущался недостаток в станковых и зенитных пулеметах, полковой артиллерии. Не хватало и средств связи.

И все же выдвижение новых дивизий на запад, когда положение наших армий под Николаевом было исключительно тяжелым, ошеломило противника, отвлекло его внимание и силы не только от Николаева, по и от Кременчуга.

Гитлеровское командование, убедившись в существовании новой советской резервной армии, решило силами двух моторизованных корпусов наступать на восток и выйти к Днепропетровску. Один корпус наносил удар вдоль правого берега Днепра, другой - через Кривой Рог на Запорожье. 48-му моторизованному корпусу и 11-й немецкой армии, ее главным силам, ставилась задача окружить наши 9-ю и 18-ю армии в районе Николаева.

Не выдержав мощного удара бронированного кулака, передовые части резервной армии отошли, и фронт боевых действий развернулся непосредственно у Днепропетровска и Запорожья.

Два дня здесь длились тяжелые кровопролитные бои. К этому времени резервная армия получила из резерва главкома Юго-Западного направления две танковые бригады - всего около ста танков - и кавалерийскую дивизию, чтобы нанести контрудар по врагу на плацдарме.

19 августа, едва забрезжил рассвет, земля загудела от разрывов снарядов и бомб. Это при поддержке авиации началось наше наступление на днепропетровском плацдарме.

Немцы встретили наступающих сильным артиллерийским огнем и бомбовыми ударами. Вскоре мы убедились, что наши атаки существенных результатов не дают, а потери в танках большие.

Бои на днепропетровском плацдарме носили ожесточенный характер. Резервная армия своими контратаками, несомненно, оказала огромную помощь обескровленным 18-й и 9-й армиям, дав им возможность оторваться от противника и подойти к днепровским переправам.

Никогда не забуду озаренный заревом пожаров вечер 18 августа 1941 года.

Мы находились в Запорожье, когда вдруг земля качнулась под ногами взрыв огромной силы потряс воздух. Двенадцатитонный заряд тола уничтожил Днепрогэс, гордость советского народа.

В результате взрыва моста и плотины на острове Хортица остался отрезанным почти полк пехоты. Он успешно оборонялся, а затем с величайшим трудом перенравился на восточный берег.

Взрыв плотины резко поднял уровень воды в нижнем течении Днепра, где в это время началась переправа двух наших армий и кавалерийского корпуса.

Наши войска уходили за Днепр на участке от Никополя до Херсона. Ширина реки здесь в среднем составляет около двух километров. Понтонно-переправочного имущества у нас было мало. Его хватало лишь для того, чтобы соорудить легкие паромы. Срочно изыскивались местные средства. Для переправы использовали буксирные катера, пароходы, баржи и плавучие пристани Днепровского речного пароходства. Строжайший расчет каждой минуты, четкая организация погрузки и выгрузки, круглосуточная работа буксиров позволили к утру 22 августа переправить основную часть войск на восточный берег Днепра.

Особенно трудно при форсировании пришлось кавалеристам. Кроме орудий и транспорта надо было переправить около девяти тысяч лошадей. 9-я кавалерийская дивизия погрузила лошадей на баржи, но 5-я кавалерийская дивизия барж не имела, и ее лошади преодолевали Днепр вплавь. Правда, остров посреди реки облегчал переправу: давал возможность передышки. Но поднявшаяся после взрыва плотины вода грозила затопить остров и его временных обитателей. Лишь выдержка и смелость кавалеристов спасли положение: переправа дивизии прошла без больших потерь.

Спасибо армейским и фронтовым саперам, понтонерам и командам днепровских пароходов, которые самоотверженно трудились, организуя переправу наших войск через Днепр в незабываемые августовские дни 1941 года!

Измотанные тяжелыми отступательными боями, под непрерывной бомбежкой, артиллерийским и минометным огнем, цепляясь за каждый клочок земли, отбивая яростные атаки подвижных соединений немцев, наши 18-я и 9-я армии отступали за Днепр.

Часто возникавшая необходимость вести бои с перевернутым фронтом еще больше осложняла обстановку. Армиям трудно было создавать нужное оперативное построение и налаживать непрерывное четкое управление. Но даже в этих условиях советские воины наносили врагу большой урон.

Мы отошли за Днепр. Горько, невыносимо больно было сознавать, что обширная территория на правобережье - в руках врага. Но мы знали, что вернемся сюда, что гитлеровцы заплатят нам за все злодеяния.

В своем дневнике генерал Гальдер писал: "Общая обстановка показывает все очевиднее, что колосс России был недооценен нами... Русские выигрывают во времени..."

Немецкий генерал был прав. Мы выиграли семьдесят суток, два с половиной месяца, остро необходимых стране и армии для дальнейшей мобилизации сил.

Однако в первые месяцы войны не осуществились наступательные предначертания и нашей стратегии.

На мой взгляд, одной из причин этого была неподготовленность приграничных округов к отражению внезапного удара, общность постановки задач войскам и их несоответствие конкретно сложившейся обстановке в июне - июле 1941 года.

Я не склонен сгущать краски, рисовать начальный период войны как сплошную цепь наших неудач и ошибок.

Но отступление от границ под бешеным натиском долго готовившегося к разбойничьему нападению врага стоило нам немалых жертв.

Тем выше заслуга советского народа, нашей армии, сумевших не только остановить продвижение немецко-фашистских войск на восток, но в конце концов и разгромить их, освободить от фашистского гнета многие европейские государства.

В предгорьях Кавказа

В первых числах февраля в Донбассе стояла сравнительно ясная погода. Снежные метели утихли. В Старобельске на аэродроме меня ждал самолет, предоставленный в мое

распоряжение С. К. Тимошенко. Мы вылетели утром и в полдень благополучно приземлились в Минеральных Водах. Дальше предстояло лететь над Махачкалой, вдоль побережья Каспийского моря до Баку. На это ушло бы несколько лишних часов, но мне дорога была каждая минута.

- А не махнуть ли напрямик, кратчайшим путем, через Главный Кавказский хребет? - предложил я шеф-пилоту. Он оказался человеком смелым - согласился лететь но незнакомой трассе, не имея метеосводки.

...Под крылом самолета виднелись фантастические очертания гор изломанные линии склонов и вершин, беспорядочное чередование светлых и темных пятен, ослепительное сверкание снежных шапок.

Горы, как и море, располагают к размышлениям. В полете я задавал себе один и тот же вопрос - чем вызвано решение Ставки спешно перебросить меня в Закавказье? "Немедленно, самолетом" - ведь так и было сказано в директиве. Что там случилось? Может быть, неспокойно на границе с Ираном или Турцией? "Неужели война придет и сюда?" - подумалось мпе. Невольно вспомнилась встреча с И. В. Сталиным при моем назначении на должность командующего ЗакВО в 1938 году. Напутствуя меня, он говорил:

- Тщательно готовьте войска. Возможно придется действовать в очень сложных условиях.

В 1939 году, когда после освободительного похода в Западную Украину я приехал в Москву и был принят И. В. Сталиным, он снова спрашивал о состоянии войск ЗакВО.

Вспомнив это, я стал смотреть на горы не как на одно из чудес природы, а так, словно вылетел на рекогносцировку местности.

Через 40 минут мы приземлились на тбилисском аэродроме. Тбилисцы встретили меня радушно. Особенно обрадовался моему приезду Георгий Стуруа, мой старый друг. Я знал братьев Вано и Георгия Стуруа еще с 1927 года. Старые революционеры-большевики, они всегда охотно помогали полкам Особой бригады. И теперь я возлагал большую надежду на помощь друга. И нужно сказать, что Георгий Стуруа, являясь председателем Президиума Верховного Совета Грузии, сделал очень многое для разгрома фашистских полчищ в предгорьях Кавказа.

Среди встречавших на аэродроме были также заместитель командующего генерал-лейтенант А. И. Ходеев и начальник штаба А. И. Субботин. Эти товарищи в тот же день ввели меня в курс дела.

Закавказский фронт в Великой Отечественной войне в силу

его географического, политического, экономического и военно-стратегического положения занимал особое место.

Войска, расположенные на территории закавказских республик и Дагестана, были призваны бдительно и надежно защищать неприкосновенность государственных границ со стороны Ближнего Востока.

В тяжелую пору 1942 года, когда гитлеровские полчища ринулись к предгорьям Главного Кавказского хребта, стремясь овладеть нефтеносными источниками Грозного, Баку и через Закавказье проникнуть на Ближний Восток, перед войсками ЗакВО, преобразованного позже в Закавказский фронт, была поставлена сложная и сугубо ответственная задача. Оказавшись в известной степени изолированным, фронт должен был организовывать боевые действия войск в условиях вражеского окружения: с севера и юга - фашистские оккупанты, с востока - Турция, Иран, со стороны Египта - фашистские войска генерала Роммеля. Правда, Иран и Турция были нейтральными. Однако это отнюдь не освобождало Закфронт от надежной обороны со стороны Востока. К тому же имелись налицо факты безнаказанного нарушения турецкой границы фашистскими самолетами. Турецкое командование сосредоточило вблизи советской границы двадцать шесть дивизий. Все это свидетельствовало о том, что Турция при известных условиях может вступить в войну против Советского Союза.

Уже в Закавказье мне попал в руки июльский помер турецкого журнала "Бозкурт", где была опубликована карта "великой Турции" с включенными в нее Закавказьем и среднеазиатскими советскими республиками.

Нападение Германии на СССР активизировало деятельность гитлеровской агентуры в Иране, который был превращен в антисоветский плацдарм. Это позволяло немцам в любой выгодный для них момент нанести удар по Советскому Союзу и с этого направления.

Могло ли Советское правительство спокойно реагировать на то положение, которое складывалось у наших южных границ?

Еще в июле 1941 года в округе были развернуты четыре армии: 46-я и 45-я - для прикрытия границы с Турцией, а 47-я и 44-я - для прикрытия границы с Ираном. В целях самообороны на основании статьи 6-й советско-иранского договора, заключенного в Москве 26 февраля 1921 года, 25 августа 1941 года на территорию Северного Ирана были введены войска Закавказского военного округа. Одновременно в южную часть Ирана были введены английские войска.

Ввод советских войск в Иран и изгнание оттуда агентуры

гитлеровской Германии разрядили обстановку на южной границе СССР, ликвидировали прямую угрозу Баку, который в то время давал около трех четвертей всей нефти, добывавшейся в стране.

Проверка боеготовности войск округа показала, что общее их состояние вполне удовлетворительное, но вооружения явно недоставало. Требовалось срочно организовать изготовление оружия на базе местной промышленности.

За короткий срок закавказские республики превратились в могучий арсенал Красной Армии. Многие предприятия Тбилиси, Баку, Еревана, Махачкалы и других городов целиком переключились на производство военной продукции: автоматов, минометов, снарядов, мин, гранат, патронов, огнеметов, бутылок с горючей смесью, различного снаряжения и обмундирования. Был налажен ремонт танков, орудий, автомобилей и другой боевой техники.

Все население Кавказа активно поддерживало патриотическое движение по созданию фонда обороны и вносило в этот фонд личные сбережения, ценности, продукты сельского хозяйства. На собранные деньги были построены и переданы Красной Армии десятки танковых колонн, авиационных эскадрилий, артиллерийских батарей и торпедных катеров. В Дагестане, например, был построен тяжелый бронепоезд "Комсомолец Дагестана". На средства молодежи Азербайджана была создана эскадрилья истребителей "Бакинский комсомолец".

Рост производства военной продукции в Закавказье позволил Государственному Комитету Обороны сократить централизованные поставки Закавказскому фронту. Теперь мы стали получать из промышленных центров страны лишь важнейшие виды боевой техники - самолеты, танки, орудия.

Нам предстояло решить и другой, не менее важный вопрос - пополнить войска округа подготовленным к боевым действиям личным составом. Людские резервы в Грузии, Азербайджане, Армении были, но многие из лиц призывного возраста плохо владели русским языком. Поэтому возникла необходимость формировать национальные части. Командные кадры для них в республиках Закавказья имелись.

Начав наступление на Кавказ, Гитлер рассчитывал внести раскол в семью народов Кавказа и настроить их против русского народа. На совещании в штабе группы армий "Юг", состоявшемся 1 июня 1942 года, Гитлер с присущим ему апломбом заявил:

"Моя основная мысль - занять область Кавказа, возможно основательнее разбив русские силы... Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, я должен ликвидировать войну".

Но гитлеровцы просчитались. Угроза, нависшая над

Кавказом, еще теснее сплотила его народы в единую братскую семью, еще крепче связала их с великим русским народом.

Во многих городах Закавказья прошли собрания и митинги.

23 августа 1942 года на антифашистском митинге пародов Закавказья в Тбилиси с пламенными речами выступили председатель Президиума Верховного Совета Грузинской ССР Г. Стуруа, академик Н. Орбели, выдающийся азербайджанский поэт Самед Вургун, участник обороны Севастополя Герой Советского Союза М. Гахокидзе. "Мы превратим в неприступные рубежи каждую горную тропу, каждое ущелье, где врага всюду будет подстерегать неумолимая смерть, - писали участники митинга в своем обращении к народам Закавказья. Мы никогда не склоним голову перед хищными германскими разбойниками, какие бы тяжелые испытания ни пришлось нам перенести. Мы знаем, мы горячо верим: враг будет разгромлен!"

На молодежном митинге в Тбилиси со страстным призывом к молодым бойцам обратилась Софья Шаламберидзе - мать погибшего воина: "Боец! Я, старая мать, благословляю тебя, зову тебя: убей немца!"

Взволнованно и ярко воспел нерушимую веру молодежи Закавказья в победу азербайджанский поэт Ахмед Джамиль:

Седой Кавказ, твой меч, твой взор
врага ввергает в дрожь,
Хранить свободу гордых гор
уходит молодежь.
Нас молодость ведет на бой,
отвага велика.
Родной земли клочок любой
могила для врага.

Многолюдный антифашистский митинг состоялся в Орджоникидзе у братской могилы бойцов героической 11-й армии. Сыны и дочери пародов Северного Кавказа дали клятву верности партии, Родине.

Выполняя эту клятву, сотни тысяч грузин, азербайджанцев, армян, лезгин, осетин встали в ряды защитников Родины. Мы сформировали девять национальных дивизий - грузинских, азербайджанских и армянских.

Военный совет округа поставил перед Ставкой Верховного Главнокомандования вопрос об образовании Закавказского фронта со всеми его органами и правами и, следовательно, о реорганизации штаба из окружного во фронтовой.

Ставка утвердила наше предложение. В августе 1942 года Закавказский фронт становится действующим.

Верховное Главнокомандование поставило перед памп задачу

организовать прочную оборону. Этот вопрос решался еще осенью 1941 года, когда фашистские полчища на несколько дней захватили Ростов. Тогда прежнее командование Закавказского округа выдвигало одно, на первый взгляд весьма обоснованное предложение - удержать противника на берегу реки Сулак, в дефиле у узких Махачкалинских ворот, что можно было сделать даже небольшим количеством войск.

Однако, размышляя над этим планом, я убедился, что он ошибочен, так как лишал наши войска плацдарма для маневра, обрекал их на пассивность. Отвод наших войск на берег Сулака означал потерю грозненских нефтяных промыслов, большого района Северной Осетии вместе с Орджоникидзе и, наконец, изрядной части Дагестана.

Но некоторые штабисты продолжали утверждать: "И все же лучше всего обороняться по берегу Сулака. Там и укрепления почти готовы, а пределы фронта ограничены Дагестаном".

Отстаивая свой план, эти товарищи рассуждали так: "А что, если враг создаст численное превосходство и под напором танков, под ударами пикирующих бомбардировщиков мы не сумеем удержать плацдарм на реке Терек? Не распахнутся ли тогда Махачкалинские ворота? Не ворвутся ли через них немцы в Баку?"

В начале августа у меня состоялся разговор на эту тему с представителем Ставки генерал-полковником А. М. Василевским. Я доложил ему новый план обороны Кавказа, принятый Военным советом Закфронта. Этот план предусматривал создание главного оборонительного рубежа на реке Терек с сильными тет-депонами в районе Кизляр, Старочервленное, Моздок, Малкинский, Пришибская. Ставка утвердила его.

Правильными оказались и соображения, высказанные работниками оперативного отдела нашего фронта: оборону строить не только на своем берегу, но и на противоположном, обращенном к противнику. Там предусматривалось создать несколько предмостных позиций-плацдармов. Мы учитывали уже известную нам боевую практику немцев: они. как правило, не приступали к форсированию рек, предварительно не очистив свой берег.

Занимая позиции за водной преградой - на южном берегу Терека, наши войска получали возможность наблюдать и неизменно контролировать действия противника на открытой степной местности. За нами сохранялись плацдармы с хорошо развитыми железными, шоссейными и грунтовыми дорогами, то есть со всем необходимым для маневра и постепенного накапливания сил для контрудара.

Этот план обороны был выгоден также в политическом и

экономическом отношении - отстаивалась безопасность национальных советских республик Северного Кавказа, нефтяных промыслов и заводов Грозного.

Наш сосед - Северо-Кавказский фронт к тому времени оказался серьезно ослабленным. Его дивизии после неудачных керченских боев сильно поредели и были очень растянуты. После падения Краснодара и Армавира на всем пространстве от рек Урух и Терек до Кубани, по сути дела, оставалась лишь небольшая группа войск генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского. Немцы получили возможность беспрепятственно наступать в направлениях Черкесск; Буденновск Моздок; Буденновск - Георгиевск - Прохладный; Ворошиловск - Минеральные Воды - Пятигорск - Нальчик. Нависла угроза над богатейшими районами Северного Кавказа.

Несмотря на то что эти места находились по ту сторону Терека, далеко за основным рубежом обороны Закавказского фронта, необходимо было принять все меры, чтобы сдержать натиск врага и обеспечить планомерную эвакуацию населения и материальных ценностей. Для этого формировались и уходили к Минеральным Водам на помощь группе генерала Малиновского подвижные отряды.

Обстановка осложнялась еще и тем, что вся железнодорожная линия Баку Ростов была забита эшелонами с заводским оборудованием и беженцами. Работая с предельным напряжением, дорога не в состоянии была пропустить все составы, и они стояли на запасных путях, дожидаясь своей очереди. Это лишало нас возможности маневрировать войсками и ограничивало подвоз боеприпасов.

С болью в сердце смотрели мы на эти длинные Скорбные эшелоны с тысячами женщин, детей, стариков. Теплушки стояли одна за другой от Нальчика до Беслана, от Гудермеса до Махачкалы, от Дербента до Баку.

А что творилось в каспийских портовых городах, особенно в Махачкале и Баку! Никакая сила не могла заставить людей покинуть пристани, временно расселиться по квартирам и ждать организованной эвакуации. Толпы измученных, плачущих женщин требовали немедленной отправки.

Среди этого огромного скопления людей стали появляться эпидемические заболевания. Требовалось немедленно принять чрезвычайные меры. За это дело взялись Бакинская и Махачкалинская партийные организации. Многие беженцы были устроены в колхозах, остальные эвакуированы в Красноводск и дальше, в глубь страны.

Железнодорожники Закавказья и каспийские водники

работали не покладая рук. Под вражескими бомбами они перевезли на Кавказ свыше ста тысяч солдат, сотни орудий, грузовиков, тысячи тонн боеприпасов, продовольствия и фуража, вывезли много людей и материальных ценностей.

Наши войска отступали с равнинных степей Дона и Кубани к горам Кавказа. Но народ не падал духом, не терял веры в победу. Вот что писали в это тяжелое время нефтяники Баку воинам Закавказского фронта:

"Дорогие товарищи!

В дни ожесточенных боев на юге с немецко-фашистскими захватчиками мы, рабочие, инженеры и служащие орденоносного промысла, шлем вам свой горячий привет. Хочется сказать вам, товарищи, будьте стойки в этих боях, не щадите ни сил, ни самой жизни для защиты родного Кавказа, сделайте все, чтобы враг был остановлен, а затем отброшен назад. Таково повеление Родины, и таково наше требование - нефтяников...

Деритесь на фронте яростно, смело, бесстрашно. Пусть каждый из вас истребит побольше фашистов и вернется с победой.

Со своей стороны мы обещаем приложить все силы, чтобы добыча нефти росла с каждым днем. Страна получит столько нефти, сколько ей потребуется!"

Много подобных писем приходило в войска фронта от трудящихся Грузии, Армении, Дагестана и других областей и республик. В них выражалась горячая любовь к защитникам Родины.

В своих ответных письмах воины клялись народу, Коммунистической партии остановить и разгромить врага.

Гитлеровцы считали, что Красная Армия не в состоянии остановить их победоносного продвижения и тем более перейти от оборонительных действий к наступательным. Немецкое командование хвастливо заявляло, что задача захвата грозненской и бакинской нефти почти решена, падение всего Кавказа и Закавказья не за горами. Но время шло, а эти предсказания не сбывались.

* * *

Немецко-фашистские войска, наступавшие на Кавказ, были объединены в группу армий "А", которой до 10 сентября 1942 года командовал генерал-фельдмаршал Лист, а с 22 ноября 1942 года - генерал-полковник Эвальд фон Клейст.

Потомок нескольких поколений прусских генералов, участник первой империалистической войны и похода во Францию, Клейст был старым опытным военачальником, твердым поклонником "теории Канн", верным учеником Мольтке и

Шлиффена, специалистом таранного танкового удара.

В конце ноября 1941 года войска генерал-полковника фон Клейста потерпели поражение под Ростовом. По единодушным показаниям пленных немецких офицеров, неудачная Ростовская операция была воспринята Клейстом очень болезненно. Поэтому он тщательно готовился восстановить свой поколебленный престиж.

Начало оказалось очень удачным. Захват Цимлянской, Константиновской, Ростова, Новочеркасска, Батайска и молниеносное продвижение на юг - все это окрыляло Клейста. Правда, в основном лавры побед доставались генерал-фельдмаршалу Манштейну. Но чем дальше двигался Клейст, тем более самостоятельным он становился. Получив приказ о назначении командующим группой армий "А", он окончательно уверился в успехе Кавказской операции.

У Клейста были все основания для этого: под его командованием находились самые отборные войска.

Большие надежды Клейст возлагал на свою танковую армию. Поход на Кавказ он считал "танковым походом" и полагал, что его танки, вышедшие на Ставропольское плато и в Терскую долину, уже никто не в силах будет остановить, и они, нанеся мощный удар нашим войскам, прорвутся к Баку.

1-я танковая армия Клейста состояла в это время из самых отборных кадровых! дивизий: 3-й - генерал-майора Бестгофена, 13-й - генерал-майора Герра и 23-й - генерала фон Макка. В общей сложности в ней насчитывалось около тысячи танков. Клейст сам вел эту армию до Кавказа, а потом передал командование своему лучшему генералу фон Макензену.

В подчинении Клейста находилась и 17-я полевая армия генерал-полковника Руофа. Эта армия состояла из семи дивизий и разделялась на корпуса и особые группы. Она была превосходно оснащена и вооружена, имела десятки тысяч автомашин и мотоциклов, была закалена в боях.

Гитлер подчинил кавказской группе Клейста румынские войска - 5, 6 и 9-ю кавалерийские дивизии, 2-ю и 3-ю горнострелковые и 19-ю пехотную дивизии.

Для ведения боевых операций на высокогорных участках Главного Кавказского хребта был предназначен 49-й горнострелковый корпус генерала Рудольфа Конрада. В этот корпус входили лучшие альпийские дивизии немцев: 1-я и 4-я горнострелковые и 97-я и 101-я легкопехотные.

Первой из них, носящей название "Эдельвейс", командовал генерал-лейтенант Ланц. Альпийская дивизия "Эдельвейс" была гордостью германской армии, и Клейст не сомневался в том, что

"эдельвейсы" прорвутся через Кавказский хребет к морю.

Не менее известной была и 4-я горнострелковая дивизия. Укомплектованная тирольцами, прирожденными альпинистами, она уже дралась во Франции и Югославии.

На знаменах этих дивизий красовались белые цветы гор. Обе они были снабжены самым совершенным горным снаряжением - от легких пушек до альпенштоков, компасов и спальных мешков.

97-я и 101-я легкопехотные дивизии в начале войны были обычными пехотными дивизиями. При наступлении на Кавказ обе они, как имеющие некоторый опыт горной войны в Югославии и во Франции, получили снаряжение и вошли в 49-й корпус для ведения операций в предгорьях Западного Кавказа и на некоторых перевалах.

Кроме четырех названных соединений Клейст имел еще две румынские горнострелковые дивизии.

Прикрытие танков с воздуха и "расчистка" пути для них были поручены первому асу Германии генералу авиации Рихтгофену. Возглавляемый им 4-й воздушный флот имел задачу обеспечить успех операций под Сталинградом и на Кавказе.

Большая есть аэродромов в Кропоткине, Армавире, Тихорецкой, Краснодаре, Майкопе, Элисте и в других местах давала возможность осуществлять широкий маневр. Генерал авиации Рихтгофен бросал оба авиационных корпуса, входивших в 4-й воздушный флот, то на Кавказ, то под Сталинград - в зависимости от хода боевых действий.

* * *

В первой половине августа 1942 года гитлеровцы захватили Кубань, Дон, важнейшие города и железнодорожные узлы Северного Кавказа. Правое крыло вражеских войск упиралось в северную часть Таманского полуострова, а левое в калмыцкие степи. Под ударами оказалась нефтяная промышленность Грозного и Баку.

Стратегический замысел немецкого командования был ясен - расчленить силы нашего фронта, нарушить взаимодействие армий.

Наш Закавказский фронт протянулся по побережью Черного моря от Туапсе до Батуми и далее вдоль советско-турецкой границы. Он состоял из трех районов боевых действий: восточного - от Каспийского моря до высокогорных перевалов, центрального - в наиболее высокой горной цепи Кавказского хребта и западного - в лесистых предгорьях от Майкопа до Новороссийска.

Центральный район, представлявший наиболее труднопроходимый участок фронта и доступный только хорошо

натренированным альпийским войскам, оборонялся небольшими силами. Он как бы связывал правый и левый фланги фронта, то есть восточный и западный районы боевых действий.

Позднее войска, которые вели бои на правом фланге, получили наименование Северной группы войск Закавказского фронта, а действующие в предгорьях Западного Кавказа от Новороссийска до Главного Кавказского хребта - Черноморской группы войск Закавказского фронта.

Остановить врага, измотать его в оборонительных боях, выиграть время для сосредоточения резервов, а затем отбросить и разгромить - таков был приказ Родины защитникам Кавказа.

Для того чтобы выполнить эту задачу, нужно было в предельно сжатые сроки построить десятки тысяч огневых точек, ходов сообщения и траншей. Кавказский театр военных действий к началу боев не имел оборонительных сооружений, кроме устаревших и очень немногочисленных дзотов.

По зову Коммунистической партии тысячи людей - женщин, стариков, подростков - вышли на строительство оборонительных рубежей. Вместе с воинами они возводили укрепления севернее Туапсе, сооружали каменные барьеры на дорогах и тропах высокогорных перевалов, делали завалы в лесистых предгорьях, долбили скалы и закладывали тол на Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорогах, по колено в воде рыли окопы на берегах Уруха и Терека, оборудовали пулеметные гнезда на ледниках Чипер-Азау, копали противотанковые рвы и траншеи в широких Дербентских воротах.

Эта тяжелая, напряженная работа на всем тысячекилометровом фронте не прекращалась ни днем ни ночью. Не хватало инструмента, взрывчатки для подрыва скал, колючей проволоки, ежей для противотанковых заграждений, транспорта для переброски людей с одного участка на другой. Все это надо было достать, добыть хоть из-под земли. И добывали! На заводах, машинно-тракторных станциях и в колхозных кузницах днем и ночью ковали кирки, ломы, кайла; лопаты собирали у населения; из старых рельсов сваривали противотанковые ежи; в Баку наладили производство взрывчатки.

Всю эту гигантскую работу направляли местные партийные организации. Республики Закавказья, Дагестан и Осетия объединились в дружный, по-фронтовому дисциплинированный боевой лагерь.

Через несколько недель инженерные оборонительные сооружения опоясали Кавказский театр военных действий. Это были недели, которые никогда не забудутся. Люди работали до изнеможения, тряпками обматывали руки с кровавыми мозолями,

оставались без пищи и сна по нескольку суток, выдерживали массированные бомбежки врага, ночами работали при луне и при свете костров, пламя которых немедленно гасили, как только появлялись немецкие самолеты.

За короткое время было построено около ста тысяч оборонительных сооружений, из них свыше семидесяти тысяч огневых точек. Противотанковых рвов было вырыто шестьсот шестьдесят километров, противопехотных препятствий - триста шестнадцать километров, а ходов сообщения и траншеи тысяча шестьсот тридцать девять километров.

Для выполнения всей этой работы потребовалось девять миллионов сто пятьдесят тысяч человеко-дней, около пятисот тысяч кубометров леса, девятнадцать тысяч тонн цемента, четырнадцать тысяч тонн железа, восемьсот тридцать тонн колючей проволоки.

Да, нелегкую задачу довелось решать начальнику инженерных войск нашего фронта генералу А. В. Бабину. Этот неутомимый человек, крупный специалист инженерного дела все свои знания, весь свой богатый опыт отдавал порученной ему работе, делал все, чтобы наглухо закрыть подступы к горам Кавказа для танков и пехоты врага.

В горячие дни обороны Кавказа все работники штаба фронта трудились не покладая рук с утра до поздней ночи, а часто и ночами, находясь на своих боевых постах.

С чувством большого уважения вспоминаю члена Военного совета фронта П. И. Ефимова. Опытный, глубоко принципиальный партийный работник, он обладал железной выдержкой, настойчивостью, неоценимым даром зажигать сердца людей, увлекать их на подвиги. Мне импонировали и другие его качества: чуткость к товарищам и в то же время высокая требовательность, работоспособность. П. И. Ефимов прекрасно разбирался в боевой обстановке, пользовался авторитетом не только в штабе фронта, но и в войсках, где он бывал и в короткие минуты затишья, и в самые напряженные моменты, когда одна вражеская атака следовала за другой.

Прошло больше четверти века после окончания войны, а я все еще вижу себя в кругу людей, с которыми довелось воевать в Закавказье.

Генерал-майор танковых войск А. И. Дементьев, начальник связи фронта генерал-майор И. Ф. Королев, начальник артиллерии генерал-полковник В. И. Пестов, генерал-лейтенант авиации Н. Э. Глушенков, а затем сменивший его на посту командующего ВВС фронта генерал-лейтенант авиации К. А. Вершинин, начальник тыла генерал-лейтенант интендантской службы Н. А. Найденов, работники оперативного отдела во главе с генерал-майором С. Е. Рождественским... Люди старше или моложе меня по возрасту, разные по складу характера, одни - спокойные, другие - порывистые, они дополняли друг друга, составляли тот слаженный коллектив, без которого немыслима четкая, основанная на глубоком доверии и взаимопонимании работа всех звеньев управления войсками. К сожалению, у нас часто менялись начальники штаба. За короткий период на этом ответственном посту побывало четыре человека. Возглавлял штаб А. И. Субботин. Его сменил П. И. Бодин, затем А. И. Антонов, который, не успев раскрыть свои незаурядные способности, через две недели был отозван в Москву. И все же даже такая эпизодическая работа этих товарищей не прошла бесследно. Каждый из них внес свой вклад в разработку планов обороны Кавказа.

* * *

Боевые действия Закавказского фронта начались на моздокском направлении в августе 1942 года.

Воспользовавшись разрывом между войсками Закавказского фронта и отходившими войсками Северо-Кавказского фронта, гитлеровцы начали наступление в направлениях Буденновск, Моздок и Ворошиловск, Нальчик.

По указанию Ставки против наступавших частей противника были выдвинуты два передовых отряда: майора Корнеева в

составе четырех мотострелковых рот и шести орудий и генерал-майора Тимофеева, в который входили Ростовское артиллерийское, Полтавское тракторное, Новочеркасское кавалерийское училища, две пулеметные роты Орджоникидзевского пехотного училища, курсы "Выстрел", мотострелковый и минометный батальоны, 12-й учебный мотополк.

6-7 августа эти отряды заняли оборону на участках Покойное, Архангельское и вдоль реки Кума от станции Нины до Минеральных Вод.

8 августа передовые части 1-й танковой армии противника пытались с ходу форсировать реку Куму в районе Минеральных Вод, но встретили упорное сопротивление курсантов Новочеркасского училища. За два дня боев курсанты подбили 10 танков и уничтожили свыше 200 немецких автоматчиков. На этом участке враг не прошел.

10 августа противнику удалось расчленить боевые порядки 11-й дивизии НКВД и ворваться в Пятигорск. 11-я дивизия отступила, а Новочеркасское училище оказалось в окружении. Но курсанты во главе с полковником И. П. Калюжным сумели с боями прорваться из окружения и заняли оборону на новом рубеже.

Бои в районе Пятигорска продолжались до 25 августа. Здесь и в боях под Прохладным, Моздоком, Малгобеком, а также на других участках фронта советские воины совершили немало героических подвигов.

Курсанты Ростовского артиллерийского училища до 15 августа не давали гитлеровцам возможности форсировать реку Куму, при этом они подбили и сожгли 20 вражеских танков.

Огромный урон противнику нанесли летчики эскадрильи гвардии капитана П. К. Наумчика из 42-го гвардейского истребительного авиационного полка. Однажды пять самолетов Як-1 во главе с Наумчиком подверглись атаке девяти "мессершмиттов". Советские летчики смело вступили в неравный бой. Наумчик сбил два самолета, но и его машина была подбита, а сам он получил тяжелое ранение. Несмотря на это, он сумел дотянуть истребитель до своего аэродрома.

Гвардии лейтенант Ф. З. Калугин в боях над Моздоком 20 и 23 августа сбил два ФВ-189. 23 августа вражеская зенитная артиллерия подбила его самолет. Калугин посадил израненную машину в расположении противника, перешел линию фронта, перебрался на противоположный берег Терека и через четыре дня нелегкого пути добрался до своей части.

Н. К. Наумчику и Ф. З. Калугину было присвоено высокое

звание Героя Советского Союза.

На подступах к Прохладному наши воины окружили и почти полностью уничтожили один немецкий батальон пехоты.

В районе Моздока отряд генерал-майора Тимофеева при поддержке бронепоездов, отбивая атаки гитлеровцев, истребил 23 вражеских танка.

1 сентября танковые и пехотные части немцев начали наступать в направлении Кизляра, намереваясь перерезать железную дорогу Кизляр Астрахань. Готовился враг и к форсированию реки Терек. На линии станица Ищерская, Моздок, Прохладный и далее по реке Баксан образовался фронт. Ожесточенные бои развернулись и на высокогорных перевалах Главного Кавказского хребта.

Четыре месяца шли кровопролитные бои под Моздоком, Нальчиком, а затем юго-восточнее Новороссийска и севернее Туапсе. Встречая всюду упорное сопротивление, враг метался из стороны в сторону.

Попытки гитлеровцев одновременно наступать на новороссийском, туапсинском, гудаутском, сухумском и грозненском направлениях, каждое из которых в свою очередь распадалось на несколько дополнительных, "карликовых", направлений, привели к распылению сил на огромном тысячекилометровом фронте. Это был грубый просчет немецкого командования.

Маниакальная уверенность гитлеровского генерального штаба, что вторжение в Закавказье лишь приятная прогулка, триумфальное шествие к Баку, обошлась немцам очень дорого.

Зная о наших укреплениях в системе обороны Кавказа, гитлеровцы долго не решались на генеральное наступление, а когда решились ударить бронированным кулаком, предприняв обходный маневр на Нальчик и Орджоникидзе, было уже поздно: их силы к тому времени оказались подорванными.

7 сентября в районе Моздока наши воины внезапным ударом разгромили штаб немецкой части, уничтожили батарею и 23 танка. На следующий день, когда противник под прикрытием артиллерийского огня и авиации начал переправу через Терек и двинулся на Малгобек, ему вновь был нанесен большой урон.

Только на одном участке за пять дней боев было уничтожено 90 танков, 20 орудий и более двух тысяч немецких солдат и офицеров.

Пленные гитлеровцы из 370-й пехотной дивизии сообщали, что после боев на Тереке многие батальоны их дивизии уничтожены полностью, а в уцелевших ротах осталось по 10-12 человек.

Район Моздока, по определению самих немцев, стал для них "долиной смерти". Достаточно сказать, что только снайперы одной лишь 226-й стрелковой дивизии в сентябре 1942 года истребили там свыше 1000 вражеских солдат и офицеров.

А сколько гитлеровцев уничтожили в Моздоке наши ночные самолеты-бомбардировщики! Пленные давали такие показания о действиях наших У-2:

"Каждую ночь мы ожидали появления советских бомбардировщиков. Зенитная артиллерия бороться с ними была не в состоянии. Они бесшумно прилетали то с одного, то с другого направления... Вот уже целый месяц мы по ночам не спим. Потери от бомбежки несем очень большие".

Уже 9 сентября ставка Гитлера вынуждена была сообщить о заминке на Тереке: "У Терека советские войска пытаются остановить продвижение немецкой армии в направлении Грозного. Река Терек в районе боевых действий имеет 500 метров ширины и 2 метра глубины. Быстрота течения этой реки и заболоченные берега делают ее весьма серьезным препятствием, для преодоления которого требуется некоторый промежуток времени".

Но никакой "промежуток времени" уже не мог выручить фашистов. Их танковое наступление, встретив отпор советских войск, захлебнулось и, постепенно теряя силу и темп, стало распадаться на изолированные очаги боевых действий.

Не менее ожесточенными, чем на Тереке, были бои в районе действий Черноморской группы.

Еще в первой половине августа немцы захватили Краснодар, Майкоп, а после многодневных сентябрьских боев - Новороссийск. Таким образом, Черноморская группа войск оказалась прижатой к морю и вынуждена была занять оборону в лесистых предгорьях.

Демонстрируя большое наступление на левом фланге, немецко-фашистские войска начали активные боевые действия в районе станицы Абинской. Основной же удар готовился по Туапсе. Это была хитро задуманная операция. В случае ее успешного завершения враг овладел бы Туапсе и сбросил в море войска Черноморской группы. Одновременно были бы парализованы действия Черноморского флота.

В конце сентября наши войска начали ожесточенные оборонительные бои по всему фронту, особенно упорно защищая подступы к Туапсе.

Вот что мы прочитали в письме одного немецкого обер-фельдфебеля, участника этих боев:

"Мы находимся в дремучих лесах Кавказа. Селений здесь очень мало. У города Туапсе идут тяжелые бои, драться

приходится за каждый метр. Солдаты, которые были в России в прошлом году, говорят, что тогда было много легче, чем теперь на Кавказе. Почти постоянно мы находимся в ближнем бою с противником. Вокруг ужасный грохот, из леса на нас летят камни, свистят пули. Русские стрелки невидимы. А у нас потери и снова потери, ибо в горах мы лишены танков и тяжелого вооружения и вынуждены действовать винтовкой и пулеметом. Наши летчики хотя и помогают нам, но они ничего не видят в лесистых горах. Нас изнуряет жажда на этой отверженной богом высоте. Внизу, в долине, воды сколько угодно, но - увы! - там тоже сидят русские озлобленные и упрямые".

Хуже для нас сложилась обстановка на центральном участке Закавказского фронта. Прекрасно вооруженные альпийские отряды гитлеровцев заняли перевалы Клухор, Санчаро, Марухский и кое-где прорвались на их южные скаты. В районе Эльбруса части немецкой дивизии "Эдельвейс" захватили "Приют одиннадцати", Чипер-Азау, Хотю-Тау. Создалась угроза прорыва противника к морю через высокогорные перевалы.

Следует сказать, что в этом была немалая доля вины командования и штаба Закавказского фронта, опрометчиво решивших, что перевалы сами по себе недоступны для врага. Некоторые из нас считали главной задачей войск фронта оборону Черноморского побережья, где и были развернуты основные силы 46-й армии.

Лишь вмешательство Ставки исправило нашу ошибку. По указанию из Москвы мы разработали новый план обороны перевалов Главного Кавказского хребта. Оборона перевалов разбивалась на направления, во главе которых встали опытные командиры и штабы.

В результате принятых мер через несколько недель и здесь произошел решительный перелом. Этому способствовали перегруппировка войск, усиление прикрытий важнейших направлений, создание специальных высокогорных отрядов, установление прерванной связи между изолированными районами боевых действий, нормальное снабжение войск боеприпасами, продовольствием и специальным высокогорным обмундированием. Наши отряды отбросили немцев на север, и горные перевалы центрального хребта стали недоступными для врага.

Здесь шли бои, так сказать, малого масштаба, за отдельные тропы, высоты, ущелья. Но сколько мужества, стойкости проявили в этих боях не только наши воины, по и патриоты из местного населения!

Однажды моя машина остановилась на окраине только что

освобожденного селения Ардон. Жители, скрывавшиеся в горах, возвращались под родной кров. Нас окружили старики, женщины, дети. Заговорил высокий, немного сгорбленный старик лет семидесяти, с большой бородой, бледный, исхудалый. Одет он был в бурку, на голове мохнатая папаха. По его словно окаменевшему лицу было видно, что он немало пережил. Но говорил старик спокойно, слова его звучали твердо:

- Когда пришли гитлеровцы, у меня в доме остановился немецкий офицер. На полке он заметил книжку, на обложке которой крупными буквами было написано: "Конституция Союза Советских Социалистических Республик". Увидев эту книжку, фашист побагровел и в бешенстве закричал: "Ты коммунист! Мы повесим тебя за то, что прячешь большевистские книги". "Нет, не коммунист, ответил я, - а книга эта хорошая. Ее у нас в стране никто не прячет. Это наша Конституция..."

Офицер подскочил ко мне и ударил по лицу. Затем меня посадили в сарай и хотели повесить. Но не успели. Красная Армия освободила нас. - Старик вздохнул и закончил свой рассказ так: - Жаль, что не смог убить сам этого офицера, его пристрелили ваши бойцы. Дурак был он - хотел уничтожить Конституцию... Разве может шакал одолеть льва? Разве может ветер столкнуть Кавказские горы?..

Мне пора было ехать, но я заметил стоявшего рядом подростка. Чувствовалось, что и ему хочется что-то рассказать.

- Ну, а ты что знаешь? - спросил я.

Паренек серьезно, с достоинством посмотрел кругом и сказал:

- А у нас мальчик героем стал.

- Где это "у нас"? - спросил я.

- Да за Нальчиком. Немцы заставили мальчика вести их в горы, хотели зайти вам в тыл. А он сообразил и вывел их прямо на пулеметы, крикнув бойцам: "Стреляйте! Стреляйте проклятых фашистов!" Немцы убили его. Это был настоящий герой.

Я приласкал паренька, подарил ему блокнот и красный карандаш.

Мы распрощались с горцами и поехали в штаб Северной группы войск, созданной по указанию Ставки Верховного Главнокомандования. Возглавил эту группу, в которую вошли 44, 9, 58 и 7-я армии, генерал-лейтенант И. И. Масленников.

Машина шла тихо: кое-где еще встречались неразминированные участки.

Рассказы местных жителей произвели на всех нас неизгладимое впечатление.

- Да, товарищ командующий, - заметил полковник Рыжов, - не

мы одни воюем...

- А вы как думали? - ответил я. - В том и сила наша, что на борьбу за Родину поднялись все советские люди от мала до велика.

Бои на Тереке и Баксане

Бои на рубеже Терек, Баксан начались в первых числах сентября. Им предшествовали арьергардные бои войск Северо-Кавказского фронта.

На орджоникидзевско-грозненском направлении беззаветно сражались части генерала Р. Я. Малиновского. В районе Минеральных Вод они неоднократно контратаковали противника, наносили ему большие потери и все же во второй половине августа вынуждены были отойти в район Пятигорск, Прохладный, Нальчик. Части генерала Р. Я. Малиновского успешно отражали неоднократные попытки немцев прорваться к этим городам и сами контратаковали гитлеровцев, пытавшихся с ходу овладеть оборонительным районом на реке Баксан. Многие населенные пункты по нескольку раз переходили из рук в руки.

Неувядаемой славой покрыли себя в этих боях многие воинские части, в том числе 392-я грузинская стрелковая дивизия под командованием полковника И. А. Силагидзе. Полки дивизии, отразив яростные танковые атаки противника, перешли в наступление и выбили врага из нескольких населенных пунктов. Особенно жаркий бой разгорелся за село Право-Урвальский. В этом бою был тяжело ранен комбат капитан М. И. Бухаидзе - пуля попала в область сердца. Истекая кровью, он поднялся во весь рост и крикнул своим бойцам: "Я с вами, братья мои! Вперед!" Бойцы батальона бросились в атаку, выбили фашистов из села, закрепились в нем. За этот подвиг капитан Михаил Бухаидзе посмертно награжден орденом Красного Знамени. Известный поэт И. Абашидзе посвятил ему стихотворение, которое стало народной песней.

Беспримерную стойкость, героизм и отвагу проявляли бойцы, командиры и политработники бронепоездов.

Образец выполнения воинского долга показали командир бронепоезда № 20 капитан Бородавко и комиссар бронепоезда политрук Абрамов, павшие смертью храбрых.

Было это так. 23 августа 20-й отдельный тяжелый бронепоезд, прикрывая отход Ростовского артиллерийского училища на южный берег Терека, у разъезда Осетинский вступил в бой с десятью фашистскими танками. Огнем орудий было подбито четыре машины, остальные поспешно покинули поле боя. Вечером бронепоезд отошел на западную окраину Моздока. Здесь его атаковали сорок танков. На помощь бронепоезду поспешил

другой легкий бронепоезд из 19-го дивизиона под командованием капитана И. П. Кучмы. Но все равно силы были неравные. Вражеские снаряды вывели из строя все орудия и пулеметы, разбили бронеплощадки. Начали рваться боеприпасы. Бронепоезда были охвачены пламенем. Оставшиеся в живых воины со связками гранат двинулись навстречу танкам. Несколько сот автоматчиков и восемнадцать бронированных машин уничтожили они в этом жестоком бою.

Одновременно с боевыми действиями группы Р. Я. Малиновского на переднем крае обороны по Тереку сражались и передовые отряды войск Закавказского фронта под командованием генерала Г. Т. Тимофеева. Эти отряды были направлены в район Буденновска на рубеж реки Кумы и на протяжении трех недель вели упорные бои с авангардными частями противника.

Имея большое превосходство в силах, гитлеровцы 25 августа заняли Моздок, а 31 августа - Прохладный. К концу августа немецкие войска подошли к левому берегу рек Терек и Баксан на участке от Ищерской до Баксанского ущелья.

Большая нагрузка в эти тяжелые осенние дни 1942 года легла на плечи нашей 4-й воздушной армии, которой командовал генерал-лейтенант авиации К. А. Вершинин. (9 сентября 1942 года К. А. Вершинин был назначен командующим ВВС Закавказского фронта, а командование 4-й воздушной армией перегало к генерал-майору авиации Н. А. Науменко.) Самолеты 4-й воздушной армии прикрывали с воздуха боевые действия наших войск и наносили удары по наступавшим колоннам противника.

14 августа, когда моторизованные части фашистов устремились из района Пятигорска в юго-восточном направлении, стремясь с ходу прорваться к Нальчику, а затем к Орджоникидзе, перед авиацией фронта была поставлена задача - во что бы то ни стало задержать вражеские колонны. Несмотря на неблагоприятные метеоусловия, летчики поднимались в воздух и днем и ночью.

Когда колонны противника подошли к реке Баксан, они не смогли прорвать оборону 37 и армии. Огромную помощь нашим наземным войскам оказала авиация. В воздухе и на земле здесь шли ожесточенные бои.

За три дня, с 14 по 16 августа, части 4-й воздушной армии совершили 1216 вылетов, уничтожили до 60 танков, свыше 600 автомашин, разрушили десятки переправ.

Не добившись успеха на нальчикском направлении, немцы были вынуждены главный удар перенести на моздокское направление. Поэтому с 17 августа 4-я воздушная армия

сосредоточивала свои основные силы севернее Моздока.

В течение всей второй половины августа наша авиация продолжала наносить удары по войскам противника, пытавшегося на различных участках форсировать Терек. Маневрируя своими главными силами, авиация быстро сосредоточивалась там, где создавалось наиболее тяжелое положение.

И все же, используя свое численное превосходство, гитлеровцы сумели в ночь на 2 сентября форсировать Терек в районе Моздока. Сконцентрировав на этом плацдарме до 80 танков, они перешли в наступление на станицу Вознесенская и вклинились в оборону 11-го гвардейского стрелкового корпуса.

К исходу 5 сентября вражеские танки, продвинувшись на юг от плацдарма на 16 километров, подошли вплотную к подножию Терского хребта и стали взбираться по его северным склонам. Возникла серьезная опасность для Орджоникидзе и Грозного.

В район Вознесенской были брошены все силы 4-й воздушной армии. Наши истребительные и штурмовые части совершали в день по 4-5 вылетов. Штурмовики и истребители, вооруженные пушками и реактивными снарядами, снижаясь до высоты 10-15 метров, в упор расстреливали и поджигали вражеские танки.

Благодаря хорошему взаимодействию авиации с наземными войсками мощная танковая атака противника была отбита. У подножия Терского хребта осталось много вражеских танков. Немцы откатились на исходные позиции.

Накопив свежие силы, 10 сентября гитлеровцы вторично перешли в наступление на Вознесенскую, бросив в атаку уже до 100 танков. Однако и на этот раз противник не имел успеха. Наши войска, поддержанные авиацией, заставили немцев отступить.

Отважно действовали в этих боях летчики 926-го истребительного авиационного полка под командованием славного сына Дагестана капитана В. А. Эмирова, которого заслуженно называли воздушным джигитом. За месяц боев полк Эмирова уничтожил 43 вражеских самолета. На его личном счету было уже пять сбитых самолетов, когда 10 сентября, прикрывая наши бомбардировщики, он в паре с лейтенантом С. И. Казаковым вступил в бой с шестью фашистскими истребителями. Владимиру Эмирову удалось сбить один вражеский самолет, но вскоре и его истребитель был подожжен. На горящей машине летчик ринулся за фашистским истребителем и уничтожил его. Стремясь спасти свою машину, Эмиров сбил пламя, однако она оказалась неуправляемой. Отважный летчик выбросился с парашютом, но было уже поздно. Он погиб. Воздушному джигиту В. А. Эмирову посмертно было присвоено звание Героя Советского

Союза.

В этих же боях рождалась слава 45-го авиационного полка - полка героев, которым командовал подполковник Ибрагим Дзусов, Герой Советского Союза. Под командой "бати", так называли Дзусова однополчане, сражались легендарные воины - трижды Герой Советского Союза Александр Покрышкин, знаменитые асы братья Глинки.

Отважно сражался и личный состав бомбардировочного авиаполка, которым командовала Евдокия Бершанская. Сформирован полк был из девушек-добровольцев и укомплектован самолетами У-2.

Вначале, признаться, я не придавал большого значения этому полку. Однако вскоре мне пришлось изменить свое мнение о нем.

В осенние темные ночи "уточки" сбрасывали свой смертоносный груз на противника. Преодолевая сильное противодействие зенитной артиллерии, наши летчицы смело выходили к переправам и наносили по ним сильные удары. Бывали ночи, когда девушки в трудных условиях совершали по нескольку боевых вылетов. В этих боях росло их боевое мастерство. Впоследствии 23 из них было присвоено звание Героя Советского Союза.

Наши бойцы восхищались удалью и бесстрашием летчиц. На переднем крае часто можно было слышать:

- Ну, сегодня наши сестрички опять зададут жару фрицам. Молодцы девчата! Подумать только - целый авиационный полк, и одни женщины!

Помню, в канун праздника Великого Октября я вместе с командующим авиацией фронта К. А. Вершининым заехал в этот авиационный женский полк. Погода стояла нелетная, над аэродромом клубился туман. Летчицы, техники и механики - тоже девушки - предполагали использовать выдавшееся свободное время для подготовки к празднику.

Завидя нас, они быстро построились. Девушки, не ожидавшие гостей, были не в военной форме и выглядели сугубо гражданскими. В строю стояли бывшие студентки московских и ленинградских вузов, комсомолки Киева и Одессы, шахтерки Донбасса и табачницы Крыма...

Мы поздравили летчиц с наступающим праздником и пожелали им успехов в летной службе, предупредив, что боевой работы в небе Кавказа будет прибавляться с каждым днем.

И действительно, по мере приближения фронта к Закавказью заявок на бомбардировочную авиацию стало все больше, а истребители те и вовсе, как говорится, сбились с ног.

Враг начал интенсивную разведку с воздуха морских

коммуникаций, прибрежных черноморских городов Батуми, Поти, Сухуми, а также дорог, ведущих в долину Куры, перевалов через Главный Кавказский хребет и особенно подступов к Баку и Тбилиси.

Как правило, после разведывательных полетов вражеская авиация бомбила крупные населенные пункты, аэродромы. Наиболее сильным ударам подвергались Орджоникидзе, Грозный, Туапсе и железнодорожные станции на перегонах: Шаумян - Туапсе, Дранды - Очамчире - Самтредиа, Червленная - Гудермес, Кизляр - Черный Рынок.

Командующий авиацией Закфронта, докладывая о трудностях перехвата вражеских самолетов, объяснял, что гитлеровские летчики осуществляют различные тактические приемы, чтобы выйти в район объекта необнаруженными.

- Залетают они к цели по криволинейному маршруту на больших высотах с приглушенными моторами или со стороны солнца.

- Ну и вы что же, ворон в это время ловите? - пошутил я однажды.

- Нет, Иван Владимирович... Маневр врага разгадан, но летчики жалуются, что фашисты не вступают в бой. Завидя наших "ястребков", они предпочитают скрыться в облаках или улепетнуть на большой скорости. Даже подфюзеляжные баки сбрасывают, чтоб легче было бежать...

Нет, наших летчиков, конечно, нельзя было обвинить в бездействии или робости. За пять месяцев воздушных боев истребители произвели 2809 вылетов.

Запомнился мне воздушный бой в районе Орджоникидзе.

Группа немецких бомбардировщиков, сопровождаемая двенадцатью "мессершмиттами", устремилась к городу. Девять наших "лагов" встретили самолеты врага на дальних подступах.

Капитан Козаченко пошел в лобовую атаку и сбил одного "мессера". Ведомый капитана молодой летчик лейтенант Гусев уничтожил второй вражеский самолет. Всего в этом бою наши истребители сбили пять фашистских машин.

Позже мне довелось побывать в той авиационной части, где служили Козаченко и Гусев. Я познакомился с этими молодыми летчиками, очень скромными и даже застенчивыми. Они настолько были похожи друг на друга, что я их принял за близнецов.

Героически защищал свою родную землю летчик-штурмовик осетин Владимир Зангиев, о необычайной, удивительной судьбе которого хочется рассказать подробнее.

5 ноября 1942 года, когда начались ожесточенные бои на

подступах к столице Северной Осетии - Орджоникидзе, самолет Владимира Зангиева был подбит недалеко от селения Хаталдон.

Владимиру удалось выброситься с парашютом из горящей машины. Коснувшись земли, он почувствовал резкую боль в ноге и потерял сознание.

Немецкие мотоциклисты привезли его в школу, где жила сельская учительница Фаруз Басаева.

Когда Зангиев пришел в себя, явился офицер с переводчиком. Начался допрос. Володя молчал, отказывался отвечать, и его избивали до потери сознания. Так повторялось несколько дней.

Однажды утром немцы согнали жителей Хаталдона к школьному зданию. Зангиева вывели из дома, связали его обожженные руки веревкой, другой конец которой привязали к хвосту лошади. Всадник пришпорил лошадь, она рванулась и поволокла раненого по земле. На другом конце селения, на обочине дороги, была вырыта яма. Гитлеровцы столкнули в нее изуродованное тело летчика и засыпали землей.

Спустя несколько дней, когда советские воины освободили Хаталдон, однополчане на месте падения самолета Владимира Зангиева установили ему памятник - обелиск со звездой.

А через несколько лет, когда уже кончилась война, боевые друзья снова приехали сюда и прикрепили на обелиске другую пластинку, на которой было начертано: "Герой жив! Пусть этот памятник напоминает о его подвигах!" Да, Владимир Зангиев выжил и здравствует поныне.

В тот день, когда фашисты зарыли Зангиева, через селение Хаталдон гнали группу пленных красноармейцев. Они заметили, что свеженасыпанный земляной холмик у дороги шевелится. Пленные разгребли землю, вытащили летчика из ямы и попеременно несли его на руках до осетинского селения Дигора.

В сыром глиняном карьере Дигорского концлагеря к Зангиеву вернулась жизнь. Потом последовал прохладненский пересыльный пункт, долгий путь в обледенелых вагонах и, наконец, "гросслазарет Славута", лагерь 301.

Владимир Зангиев трижды пытался бежать из лагеря, но безуспешно. И только в четвертый раз вместе с группой военнопленных ему удалось вырваться на свободу. Зангиев попал в партизанский отряд. Позже с группой партизан он перешел линию фронта, лечился в госпитале, а черен некоторое время снова сел за штурвал боевой машины.

* * *

Бои на реках Терек и Баксан дали возможность укрепить оборону Северной группы войск Закавказского фронта, своевременно сосредоточить там необходимые силы и прикрыть

грозненские нефтяные источники, город Орджоникидзе, а значит, и Баку, который немецко-фашистское командование намеревалось захватить 25 сентября.

Стремясь к осуществлению этой цели, Клейст не считался с потерями. Гитлеровцы предпринимали одну ожесточенную танковую атаку за другой.

В садах, на кукурузных полях, на заболоченных берегах Терека - всюду, где пытались пройти немцы, они оставляли сожженные танки, разбитые пушки, сотни трупов. Правда, кое-где им удалось переправиться на южный берег Терека, по и там их попытка вырваться на широкий оперативный простор не увенчалась успехом.

27 августа подполковник генерального штаба Кремер извещал командование 13-й танковой дивизии:

"Необходимо учесть то, что противник упорно обороняет реку Терек и ведет беспрерывные контратаки, имеющие целью охранение нефтяных районов Грозный - Баку. Несмотря на превосходство нашей авиации и удобную для танков местность, не следует забывать, что советское командование располагает в Закавказье большими резервами, которые еще не введены в бой, и что город Грозный, объект нашего удара, имеет тройное кольцо укреплений".

План обороны Кавказа не был рассчитан только на использование резервов извне, с других фронтов. Нашему фронту была поставлена задача малыми силами, в основном за счет местных формирований, приковать немецкие части к предгорьям Кавказа, измотать и обескровить их, а затем во взаимодействии с другими фронтами разгромить врага.

И все же в критический момент Ставка сочла возможным перебросить на Кавказ гвардейские соединения, получившие боевое крещение под Москвой, Смоленском и Тулой. Гвардейцы показывали пример молодым воинам, учили их мастерству боя и в обороне, и в наступлении.

На Тереке мы нанесли противнику очень чувствительные ответные удары. Тяжелое поражение в эти дни потерпела 23-я танковая дивизия фон Макка. Этот генерал трижды подавал рапорт Гитлеру, доказывая, что никто лучше его, фон Макка, не справится с захватом Баку. Потом фон Макк собирался двинуться на Иран, чтобы соединиться с войсками Роммеля, наступавшими через Египет на Суэц.

В районе Ново-Павловская, Право-Урвальский танки и бронетранспортеры с пехотой дивизии фон Макка шесть дней метались до берегу, тщетно пытаясь нащупать слабое место в нашей обороне. Гитлеровцы потеряли здесь свыше ста машин, а к

вечеру седьмого дня дивизия фон Макка была оттеснена далеко за реку Баксан.

* * *

Где-то у самых вершин горного хребта берет свое начало Терек. Стремительным ручейком бежит он вниз, сплетается с другими притоками и уже бурной рекой врывается в теснину Дарьяла. Сжатый скалами, Терек неистово бушует в каменистом русле, волочит гранитные глыбы. Но, вырвавшись из ущелий, он растекается по долине и лениво катит свои воды в Каспий.

Терек принес степной долине несчетные богатства. Среди зелени садов и виноградников раскинулся казачий город Моздок. В его окрестностях белеют хутора, тянутся поля пшеницы, хлопковые плантации, бахчи. Чуть подальше за гребнем Терского хребта - нефтяные вышки Малгобека, ближняя дорога на Грозный.

Вот сюда-то и бросил Клейст три танковые и четыре пехотные дивизии, полтора десятка отдельных батальонов, чтобы одним таранным ударом пробить нашу оборону.

Впереди двигалась 23-я танковая дивизия. Экипажи машин в ней были укомплектованы исключительно активистами союза гитлеровской молодежи. К цвету немецкой армии принадлежала и дивизия СС "Викинг". Время от времени она появлялась на советско-германском фронте на направлениях главного удара. Дивизия имела три моторизованных полка - "Нордланд", "Вестланд" и "Германия", несколько дивизионов полевой, зенитной и противотанковой артиллерии, около 150 танков усиления.

Излюбленный прием немцев - прорвать, расчленить и погнать - желанных результатов уже не давал.

Наши стрелковые и танковые бригады, только что сформированные в Баку, наносили контрудар от Вознесенской на станицу Терскую и хутор Предмостный.

Экипаж тяжелого танка КВ "Александр Невский" во главе с ленинградским рабочим старшим лейтенантом Владимиром Петровым 12 сентября уничтожил 14 танков и до роты пехоты противника. Вражеский снаряд попал в башню машины, ранил Петрова, механика-водителя Соколова и радиста Полигалина, но экипаж не вышел из боя, пока гитлеровцы не были разбиты и отброшены на исходные позиции. На следующий день командир бригады подполковник Филиппов приказал всем троим без промедления отправиться в госпиталь. Однако через сутки он опять встретил Петрова в роте:

- Почему вернулись?

- А мне в госпитале делать нечего.

- Осколок извлекли?

- Он не мешает.

Командир бригады повысил голос, но Петров спокойно возразил:

- Товарищ подполковник, кто же не знает, что у вас тоже два осколка в спине. Вот уж после войны вместе в госпиталь и ляжем. А сейчас разрешите вести танк в атаку.

Командир улыбнулся и махнул рукой:

- Ведите!..

Позже В. Я. Петрову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Немцы приутихли и местами отошли: слишком велики были у них потери. Но после двух дней относительного затишья началось новое наступление гитлеровцев. На небольшом пространстве противник сосредоточил до 500 танков, много артиллерии и тяжелых минометов. С воздуха их надежно прикрывали бомбардировщики и истребители.

...Бой начался на рассвете. После артиллерийской подготовки немцы с яростью устремились на нашу оборону, по встретили не менее яростный отпор.

Заместитель командира дивизиона гвардии капитан Голиков, заняв место убитого наводчика, подбил в этом бою три танка противника. Гвардии старший лейтенант Попков, также действуя за наводчика, уничтожил пять вражеских танков.

Прошли сутки, вторые, пятые... Атаки фашистов захлебывались. На полях под Моздоком громоздились груды обгоревшего бесформенного металла.

И все-таки гитлеровцам удалось отыскать уязвимое место в нашей обороне. Они вбили клин в стыке двух соединений. Стрелковая дивизия, оборонявшая южный и восточный берега Терека, а также междуречье к юго-востоку от Прохладного, оказалась почти в полном окружении. Но, выстояв, она решительным ударом вышибла врага из селения Верхний Кури и подошла к южным окраинам селения Хамидья.

Одновременно на другом фланге стрелковая часть захватила лесной массив, а за ним степной плацдарм в районе Ищерской.

У Закавказского фронта тогда не было сил для мощного контрудара. Но все же нам удалось спутать карты противника, а на участке Терек, Малгобек, то есть на самом важном направлении, заставить его перейти к обороне.

Бои переместились на соседний участок. Снова враг бросил в наступление 120-150 танков и не менее двух пехотных полков. В результате нашим войскам пришлось отойти.

Так продолжалось почти весь сентябрь. Однако существенного успеха немцы не достигли. В Алхан-Чуртскую

долину в районе Малгобека противник пробиться не сумел, не прорвался он и через ворота, находящиеся на пути к Орджоникидзевскому и Грозненскому шоссе. За небольшой тактический успех враг заплатил дорогой ценой: потерял 18 700 солдат и офицеров, большое количество танков.

Вера фашистов в близкую победу была подорвана. Один пленный немецкий лейтенант из 685-го отряда полевой жандармерии на допросе заявил:

- Солдаты стали задумываться над тем, что вооружения и техники у нас достаточно, а победа все время ускользает от нас. Операцию по захвату Кавказа нам обещали закончить в июле, но прошел уже сентябрь, а признаков этого нет. Мы все еще топчемся под Моздоком. Люди устали от войны, рвутся домой, идут в бой только под угрозой парабеллума.

В начале октября Гитлер выступил в Берлине с программной речью. В ней он, в частности, заявил, что в текущем году ставилась цель подобраться к нашим нефтяным источникам, взять их или по крайней мере отрезать.

После этого заявления противник усилил поиски обходных путей к нефтяным источникам. В районе Моздока, у Малгобека, близ Эльхотовских ворот - на всех направлениях он завязывал бои. Изо дня в день вражеские танки и мотопехота атаковали наши позиции. Одно из сражений, происшедшее в прибрежной Терской долине, длилось десять с половиной часов. К ночи гитлеровцы недосчитались 53 танков. На поле боя осталось свыше 1200 трупов немецких солдат и офицеров.

Наша Северная группа прилагала все усилия к тому, чтобы ускорить разгром врага. Но ее штаб допустил ошибку, полагая, что противник может наступать лишь на моздокском направлении, а другие пути ему самой природой заказаны.

Между тем гитлеровцы еще в сентябре стали готовить наступательную операцию на другом направлении - нальчикском. В ходе наступления немцы захватили Котляревскую, Майское, Пришибскую, чем обеспечили себе небольшой плацдарм на западном берегу Терека. Затем они скрытно сняли из-под Моздока 13-ю и 23-ю танковые дивизии, пополнили их людьми, материальной частью и сосредоточили на новом плацдарме.

25 октября в 8 часов 25 минут 70 немецких бомбардировщиков нанесли удар по штабу 37-й армии. В результате налета были убиты девять работников штаба, сгорело много автомашин, оказался разрушенным армейский узел связи.

Штаб армии, не имевший запасного КП и дублирующих средств связи, сразу же после авиационного налета потерял управление войсками. А тем временем под прикрытием дымовой

завесы неприятельские танки с десантом автоматчиков устремились на наши окопы первой линии. Вслед неслись мотоциклисты. За ними двигались пехотные части румын. До темноты в небе гудели вражеские бомбардировщики. Массированными ударами они старались расчистить дорогу танкам. К исходу дня противнику удалось вклиниться в нашу оборону на глубину до семи километров.

В этот же день немецкие самолеты несколько раз бомбили Нальчик и нальчикский аэродром, где базировался 446-й смешанный авиаполк.

День спустя бои уже шли у самого Нальчика. Несколько раз наш гвардейский полк бросался в контратаку, по на выручку вражеской пехоте приходили танки и авиация. В бой вступили основные силы противника, сосредоточенные на западном берегу Терека.

28 октября, ожесточенно отбиваясь от наседавших немецких танков, наши части отошли на северо-восточное предгорье Главного Кавказского хребта, а вражеские дивизии с рубежа Старый Урух, Хазнидон круто повернули на юго-восток. Они попытались с ходу захватить селение Чикола, но это им не удалось. Протоптавшись двое суток на месте, гитлеровцы стали действовать в другом направлении.

1 ноября немцы заняли Алагир, пере нравились через реку Ардон, отбросив нашу 319-ю стрелковую дивизию, выдвинутую на восточный берег этой роки. Дивизия отошла в район Парт, где и заняла оборону по внешнему обводу Орджоникидзевского района.

В конце того же дня передовые танковые группы противника вышли к внешнему обводу Орджоникидзе некого оборонительного района и атаковали 34-ю стрелковую бригаду 11-го гвардейского стрелкового корпуса. В ожесточенном бою бригада была расчленена: ее основные силы отошли на северную окраину Фиаг-Дона, а часть сил - на юг, в район Майрамдага.

Вход в Суарское ущелье обороняли курсанты Каспийского высшего военно-морского училища имени С. М. Кирова. "Не пропустим фашистов!" поклялись они и сдержали свою клятву. Ни бомбовые удары, ни атаки танков и мотопехоты не сломили воли и стойкости курсантов-каспийцев. Как ни пытались гитлеровцы прорваться к Военно-Грузинской дороге через Суарское ущелье, это им не удалось: курсанты стояли насмерть.

В первый ноябрьский день активно действовала авиация обеих сторон. При бомбежке в районе Орджоникидзе погибли начальник штаба Закавказского фронта генерал-лейтенант П. И. Бодин, член Военного совета фронта первый заместитель председателя СНК Грузии А. Н. Саджая и Нарком внутренних дел

Северо-Осетикской республики Зоделава.

Угроза захвата противником Орджоникидзе и выхода его частей в тыл 9-й армии требовала усиления войск Северной группы в этом направлении.

2 ноября я прибыл из Туапсе в штаб Северной группы войск в Орджоникидзе. Положение было тревожным. Я приказал срочно перебросить на орджоникидзевскоо направление из района Ищерской 10-й гвардейский стрелковый корпус и бЯ-ю танковую бригаду. Дополнительно в район Орджоникидзе подтягивались пять артиллерийских противотанковых полков и три гвардейских минометных полка. Этими силами предполагалось остановить врата, а с подходом 10-го гвардейского стрелкового корпуса нанести контрудар и разгромить наступавшую группировку противника.

Было также принято решение подтянуть непосредственно к Орджоникидзе 276-ю дивизию, находившуюся во втором эшелоне, и выдвинуть на Мамиссонский перевал 25-й полк НКВД, отведя оттуда 351-ю дивизию, основные силы которой должны были действовать теперь в направлении Алагира.

В Орджоникидзе была срочно вызвана группа командиров оперативного отдела штаба Закавказского фронта. Она во многом способствовала улучшению управления войсками на этом направлении.

С той же целью пришлось провести и еще одно организационное мероприятие. Поскольку командующий 9-й армией имел укомплектованный штаб, части, действующие на орджоникидзевском направлении, были переданы в его подчинение.

На командном пункте Северной группы войск, в развалинах дома, который некогда посещал Серго Орджоникидзе, состоялось совещание с руководителями Осетии, с посланцами горцев.

Выступая перед собравшимися, я сказал:

- Завтра наши войска пойдут в наступление. Хотя фашисты и стоят у стен города, но судьба его в наших руках.

Председатель Орджоникидзевского комитета обороны Николай Мазин докладывал:

- Бойцы народного ополчения заняли отведенный им рубеж. Продолжается производство боеприпасов и горючей смеси для истребления танков, работают все пищевые предприятия, действует водопровод. На русском и осетинском языках печатаются газеты и листовки. Стараемся во всем выполнять волю нашей родной Коммунистической партии...

С утра 2 ноября 1942 года дальнобойные батареи врага начали обстрел северо-западной окраины Орджоникидзе. Но это

не сломило волю людей к сопротивлению.

В Орджоникидзе у братской могилы бойцов, павших за Советскую власть в годы гражданской войны, состоялся митинг пародов Северного Кавказа.

Открыл его мой старый боевой друг Книга. Вместе с ним мы сражались на фронтах гражданской войны. Много лет прошло с тех пор. Постарел казак, изрезали лицо боевого комбрига морщины, но по-прежнему молодо, озорно сверкали его глаза из-под насупленных бровей. У братской могилы тех, с кем мы били Деникина, Шкуро, Мамонтова и интервентов, звучал его зычный, с хрипотцой голос:

- Боевые други, выточите клинки! Пусть вражина почует всю силу шашки в руках джигита и казака. Пусть заплатит своей черной собачьей кровью за горе, которое причинил лам!..

Три тысячи человек с обнаженными головами внимательно слушали генерала-казака, героя гражданской войны.

За свою жизнь мне довелось побывать на многих митингах. Но этот, собравшийся в грозный час, был каким-то особенным, неповторимым. На трибуну, сменяя друг друга, поднимались и дагестанка артистка Рагимат Гаджиева, и осетин Герой Советского Союза Хадзи-Мурза Мильдзихов, и терская казачка Лидия Любченко, и ингуш председатель колхоза Магомет Эльканов...

Участники митинга призвали воинов фронта, всех трудящихся Закавказья уничтожать ненавистных оккупантов, строить оборонительные рубежи, создавать партизанские отряды, сделать Кавказ могилой для фашистских захватчиков.

Народы Кавказа объявили Гитлеру газават - священную войну.

В боевые порядки Красной Армии, как я уже говорил, влились грузинские, армянские, азербайджанские части, полки славных джигитов, сформированные из горцев Дагестана. Вместе с русскими в предгорьях Кавказа беззаветно сражались за Родину украинцы и белорусы, узбеки и туркмены.

Бойцы из горных аулов Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Северной и Южной Осетии, Дагестана и Абхазии стали прекрасными разведчиками и проводниками в горах, отличными снайперами.

Памятный митинг у братской могилы воодушевил защитников Кавказа, еще больше укрепил стойкость советских воинов.

Правда, танковой группе немцев (около 100 машин) удалось прорвать внешний обвод Орджоникидзевского укрепленного района на участке Фиаг-Дон, Дзауджикау, а их передовым частям

захватить Гизель, но в Орджоникидзе они не пробились.

У самой городской окраины 60 вражеских танков были остановлены 16 нашими. Гитлеровцы трижды вызывали на подмогу авиацию, но, потеряв 32 машины, отошли на старые позиции. В последующие два дня противник стремился расширить прорыв, пытаясь в то же время прорваться к Орджоникидзе. Однако сопротивление наших войск возрастало с каждым днем, с каждым часом, а темпы наступления неприятеля снижались.

5 ноября наступление немцев было остановлено. Гизельская группировка гитлеровцев оказалась в узком мешке.

Закончив перегруппировку сил, наши части с утра 6 ноября сами перешли в наступление. План этого наступления, разработанный штабом Северной группы войск, предусматривал удар из района Фиаг-Дона на Орджоникидзе. Нашим войскам ставилась задача уничтожить прорвавшуюся группировку врага, не допустить ее отхода в западном направлении и, выйдя в район Орджоникидзе, наступать на Гизель.

Наши наступающие части усиливались четырьмя полками гаубичной артиллерии, семью противотанковыми и четырьмя гвардейскими минометными полками, поддерживались 4-й воздушной армией.

На орджоникидзевском направлении к активным действиям переходили всего лишь три стрелковые и четыре танковые бригады.

Основная же часть войск - четыре стрелковые дивизии и пять стрелковых бригад - занимала оборонительные позиции, не имея перед собой противника, за исключением его небольших сил перед фронтом 319-й и 351-й дивизий.

В наступление переходили и две бригады переброшенного из 44-й армии свежего боеспособного 10-го гвардейского стрелкового корпуса, а три другие его бригады занимали оборону, причем две из них - в глубоком тылу северо-восточнее Орджоникидзе.

В этот план пришлось вносить существенные поправки. По указанию штаба фронта для контрудара были использованы большие силы. Кроме ранее действовавших на этом участке частей и соединений в наступление переходили 10-й гвардейский корпус целиком, а также 276-я и 351-я стрелковые дивизии.

Гвардейцы заняли северную окраину Гизели и продолжали наступать с северо-запада по Ардонскому шоссе. Наши танкисты прорвались в тыл фашистам и в нескольких местах перерезали главную коммуникацию противника. Тогда для подвоза боеприпасов и продовольствия гитлеровцы стали использовать

узкий коридор шириной 2-2,5 километра. По обеим его сторонам они создали очаги сопротивления. В каждом - 3-9 врытых в землю танка, 2-3 противотанковые пушки и 20-25 автоматчиков. Пространство между этими узлами обороны прикрывалось орудийным и минометным огнем. Тут же, по руслу высохшей речки, беспрерывно двигались танки.

При подходе нашей пехоты эти очаги сопротивления себя не обнаруживали, в бой вступали лишь танки, курсировавшие на виду. Но как только появлялись наши танковые подразделения, начинали действовать все без исключения огневые средства врага.

Тогда мы решили прибегнуть к более тонкому маневру. Для штурма немецких узлов обороны вперед стали высылать два-три легких разведывательных танка. Порядком напуганные, изнервничавшиеся гитлеровцы не выдерживали и открывали огонь. Тогда паша пехота без промедления обходила очаги сопротивления с флангов, создавая угрозу окружения. За пехотой следовали танки и артиллерия. Они расстреливали вражеские огневые точки прямой наводкой. Когда большая часть узлов сопротивления была таким образом уничтожена, наши подвижные части обогнали свою пехоту и, ворвавшись в расположение гитлеровцев, перекрыли коридор.

Спасаясь от полного уничтожения, противник в ночь на 11 ноября вынужден был оставить Гизель и, преследуемый нашими войсками, к 12 ноября занял оборону на западном берегу реки Фиаг-Дон. Таким образом, была сорвана последняя попытка немцев прорваться к Орджоникидзе и Грозному. При этом враг понес большие потери. Наши войска захватили 140 танков, 165 орудий и минометов, 2350 автомашин, 183 мотоцикла. Только в районе Гизели гитлеровцы потеряли убитыми 5000 солдат и офицеров.

Фашисты почувствовали непреодолимое желание бежать, но бежать было некуда. Потерпев крупное поражение, 1-я танковая армия гитлеровцев на всем фронте перешла к обороне.

* * *

...И вот я в Гизели, большом осетинском селении в шести километрах от Орджоникидзе. Та же чудовищная картина разрушения, уже знакомая по другим селениям, где побывали фашисты. Ни одного целого строения.

Через село идут герои боев за Гизель - старший сержант Сергей Качусов, красноармейцы Аркин Курбадзе и Юсуф Касимов, бронебойщик Иван Остапенко. Лицо Ивана сурово, губы плотно сжаты: в бою под Гизелью он потерял брата Дмитрия, командира отделения. Все считали, что он погиб. Но какие только

неожиданности не случались на войне! Дмитрий Остапенко оказался жив.

Иватт и Дмитрий Остапенко - близнецы. Но они не были похожи друг на друга, как это обычно бывает. 19-летними юношами братья ушли на фронт защищать Родину.

7 ноября 1942 года, когда гитлеровцы пытались вырваться из мешка в районе Гизели, Иван и Дмитрий Остапенко вместе с другими бойцами отражали атаки вражеских танков.

Первым же выстрелом из бронебойного ружья Дмитрий подбил головную машину. Танк обволокли клубы дыма, из открывшегося люка вырвалось пламя. Потом загорелась вторая, третья, четвертая машина...

Ими тоже открыл боевой счет. В разгаре боя он и не заметил, как замолчала бронебойка Дмитрия.

Немцы откатились. На поле боя догорали десятки вражеских танков. Иван бросился искать Дмитрия, но его нигде не было...

В этом бою Дмитрий подбил тринадцать танков, а Иван - семь. За этот подвиг Дмитрию Остапенко посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, а Иван награжден орденом Ленина.

Через год после Гизельской операции, осенью 1943 года, Иван Остапенко, командир взвода бронебойщиков, воевавший в то время уже на Кубани, увидел в "Комсомольской правде" фотографию Дмитрия и подпись под ней: "Герой Советского Союза Дмитрий Остапенко жив. Он посылает свой боевой привет товарищам по части".

А вскоре от Дмитрия пришло письмо:

"Дорогой брат Ваня! Я жив и нахожусь в армии. Расскажу тебе, как случилось, что меня зачислили в убитые.

Когда я подбил первый танк, немцы перенесли огонь на наш окопчик. Началось что-то страшное. Я подбил еще несколько машин. Осколками ранило двух моих товарищей, убило лейтенанта. Я остался один.

Неожиданно вперед вырвался тяжелый танк, а у меня патроны кончились. Тогда я схватил автомат и отполз от своего окопа. Тут меня и ранило. Очнулся от удара в бок. Открываю глаза, а вокруг - немцы с автоматами. Трудно рассказать, что пришлось пережить в фашистском плену. Выжил чудом.

Когда рана немного зажила, мне посчастливилось бежать. И вот теперь я снова в Красной Армии. Сил у меня много. Много и ненависти к врагу. Теперь опять имеете будем мстить фашистам за народные муки, за страдания родной земли".

В ожесточенных боях под Гизелью нашими воинами было совершено немало подвигов.

9 ноября 1942 года в районе Гизели закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота секретарь комсомольской организации роты автоматчиков 34-го мотострелкового полка войск НКВД командир отделения сержант П. П. Барбашев.

Заместитель командира эскадрильи по политической части 805-го штурмового авиационного полка капитан С. М. Мкртумян вступил в бой с шестью вражескими истребителями. Один из них он сбил, а еще один поджег. Сам Мкртумян получил шесть пулевых и осколочных ранений. Напрягая волю, он вел бой до тех пор, пока его самолет не загорелся. Бесстрашный летчик, собрав последние силы, сумел посадить объятую пламенем машину на склоне горы.

Политрук В. С. Лурсманишвили из 392-й стрелковой дивизии возглавил роту, которая окружила и уничтожила в сильно укрепленном населенном пункте 168 немецких солдат и офицеров. Лурсманишвили первым ворвался в село и лично истребил 26 фашистов.

Пятьдесят гитлеровцев в одном бою уничтожил из автомата комсомолец Валерий Половинкин. Когда из строя выбыл командир минометного взвода, он принял командование на себя. Взвод отразил три атаки противника, уничтожив при этом около 300 фашистов, 2 минометных расчета и 50 автомашин.

Исключительную силу духа и отвагу проявил молодой командир взвода 43-й стрелковой бригады младший лейтенант Идрис Сулейманов. Во время наступления на опорный пункт в районе Моздока осколком снаряда его ранило в глаз, но Идрис продолжал бежать впереди наступавших.

- Вперед! Только вперед! - кричал он, увлекая бойцов за собой. И вдруг - второе ранение в ногу. Сулейманов упал.

- Гасанов! - крикнул он командиру орудия. - Бери меня на руки и неси вперед!

Так, на руках товарища, с выбитым глазом и перебитой ногой, Суленманов продолжал руководить боем, пока его не покинули силы. Стрелковый взвод выполнил задачу.

Русские П. Барбашев и В. Половинкин, грузин В. Лурсманишвили, армянин С. Мкртумян и азербайджанец И. Сулейманов - сыны одной дружной семьи народов. Все они были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Благодаря героизму и стойкости советских воинов мы отстояли Орджоникидзе - город, раскинувшийся на берегах Терека у подножия Кавказских гор.

Оценивая значение разгрома гитлеровцев на территории Северной Осетии, Министр обороны СССР А. А. Гречко в книге "Битва за Кавказ" пишет: "С разгромом немецко-фашистских войск

на подступах к Орджоникидзе провалилась последняя попытка гитлеровцев прорваться к Грозненскому и Бакинскому нефтяным районам, а также в Закавказье"{6}.

Вскоре после разгрома гитлеровцев под Гизелью, 15 ноября 1942 года, меня и командующего Северной группой войск генерала И. И. Масленникова вызвали в Ставку Верховного Главнокомандования. Я доложил И. В. Сталину о мужестве войск, ополченцев, партизан, жителей столицы Северной Осетии Орджоникидзе. Сталин внимательно выслушал меня и сказал:

- Хорошо! Зайдите к товарищу Щербакову и передайте ему, чтобы об этой победе сообщили в сводке Информбюро.

И. В. Сталин поинтересовался настроением войск и местных жителей, спросил, много ли разрушений в городах и селениях, каково состояние Военно-Грузинской дороги, как сражаются национальные дивизии.

Я доложил, что части армянских, грузинских и азербайджанских национальных дивизий сражаются с врагом умело и мужественно, а все народы Кавказа самоотверженно помогают фронту.

Наша беседа длилась около двух часов. Сталин мягкой походкой прохаживался по кабинету, изредка присаживался за стол, накрытый большой картой, синим карандашом делал на ней аккуратные пометки.

Кавказ Сталин знал хорошо. Называл не только города, но и отдельные населенные пункты, горные перевалы, реки на территории Грузии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, в районе Черкесска и Туапсе.

- Мы в Москве немного понервничали за ваш фронт, - сказал Верховный Главнокомандующий. - Но "кавказцы" молодцы, не подвели нас.

Затем в общих чертах он проинформировал меня о предстоящей Сталинградской операции и приказал готовиться к наступлению на Кавказе.

- Закавказскому фронту скоро будет облегчение. Мы намерены разгромить врага на Волге...

Уезжал я из Москвы в хорошем, радостном настроении. Предстояла подготовка к наступлению на Закавказском фронте.

* * *

С приходом холодов "кавказские" немцы стали несравненно больше интересоваться железными печками и высокими барашковыми папахами, чем нефтяными вышками Баку. После поражения под Орджоникидзе и очередных неудач в районе Туапсе гитлеровцы по всему Кавказскому фронту глубоко зарылись в землю, рассчитывая на тихую зимовку. При штурме

города Малгобек мы захватили секретные документы, в том числе приказ Гитлера, датированный декабрем 1942 года. Этот приказ гласил: "Берега Терека, изобилующие населенными пунктами, наиболее благоприятный зимний рубеж, который нужно во что бы то ни стало отстоять для покорения Кавказа весной".

По и этим замыслам Гитлера не суждено было осуществиться.

1 января 1943 года началось наступление Северной группы войск. Оно совпало с началом общего отхода главных сил 1-й танковой армии противника. Этот отход был вызван поражением немецких войск под Сталинградом и угрозой оказаться в новом котле.

2 января части 9-й армии заняли Эльхотово, 3 января 417-я стрелковая дивизия под командованием полковника И. А. Шевченко неожиданно для противника вброд форсировала Терек и ворвалась в Моздок. Гитлеровцы в панике начали отходить. К полудню части дивизии во взаимодействии с подошедшими войсками 44-й армии полностью освободили город.

4 января штурмом была взята столица Кабардино-Балкарии Нальчик, а на следующий день освобождены города Прохладный, Майское, Котляревская.

Один пленный немецкий офицер с ужасом рассказывал:

- Солдаты видели, что их очень торопят, приказывают в пути уничтожать грузовики, подрывать орудия и портить другое военное имущество. Уже на третий день отступления пошли разговоры о том, что немецкая армия не отходит от Терека, а бежит. Ясно было - случилось что-то очень тяжелое, а от солдат и даже нас, ротных офицеров, это скрывалось.

Довольно точную картину "эластичной обороны" и "планомерного отхода" давали и другие пленные гитлеровцы.

Продолжая преследование противника, войска Северной группы с 6 по 8 января на отдельных участках продвинулись до 50 километров.

Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись. Отступая, они то и дело контратаковали преследующие их советские части. Наши воины наносили врагу ощутимые удары, проявляя при этом выдержку и бесстрашие.

Командир роты старший лейтенант И. М. Ефимов служил в полку с двумя сыновьями. Оба они пали смертью храбрых. Мстя за них, И. М. Ефимов за один день боев лично уничтожил 40 гитлеровцев.

Подлинное мужество проявляли саперы, обезвреживая многочисленные минные заграждения, открывая путь для наступавших войск. Воины 64-й комсомольской инженерно-саперной бригады только на рубеже реки Баксан сняли 3000 мин.

Особенно отличился при этом старший сержант бакинец Джабраил Аллахвердиев за два дня он обезвредил 470 мин!

Верховное командование германской армии строжайше приказало трем пехотным и двум танковым дивизиям, а также частям соединения "Ф" (африканский корпус) любой ценой остановить советские поиска на рубеже Кума, Золка. Но из этого ничего не вышло. Войскам Северной группы понадобилось всего два дня, чтобы преодолеть сопротивление противника, форсировать шумную Куму и углубиться в степь, продолжая преследование врага.

11 января войска 9-й и 37-й армий освободили Пятигорск, а части 37-й армии - Кисловодск и завязали бои за Минеральные Воды, Железноводск и Ессентуки.

Первыми в Минеральные Воды с ходу ворвались танкисты 52-й Краснознаменной танковой бригады. К концу дня они вместе с бойцами 131-й стрелковой бригады полностью очистили город.

В этих боях вновь отличились танкисты Героя Советского Союза В. Я. Петрова - теперь уже командира батальона. Прорвавшись к железнодорожной станции и подбив паровозы двух эшелонов, они создали на станции Минеральные Воды пробку. Много эшелонов с танками, боеприпасами и другими военными грузами были взяты к качестве трофеев. Несмотря на отчаянные попытки, противнику не удалось прорваться через Минеральные Воды.

Писатель П. А. Павленко, прибывший в Пятигорск вместе с войсками 9-й армии, рассказывал мне:

"Вместе с сержантом-разведчиком мы прежде всего устремились на Лермонтовскую улицу, к домику, где умер Лермонтов. Хотелось поскорее проверить, уцелела ли эта святыня, дорогая сердцу каждого советского человека, не надругались ли над ней гитлеровцы. На дверях домика увидели проштемпелеванный листок: "Реквизировано и взято под охрану штабом Розенберга и местной комендатурой, согласовано с высшим командованием армии. Вход в здание и снятие печати запрещено". "Что за притча? - думаю. - Откуда такое бережное отношение к реликвиям русской культуры у тех, кто осквернил яснополянскую святыню, разграбил дом-музей Чайковского в Клину?" А дело объяснялось просто. 4 сентября домик Лермонтова посетил нацистский писатель Зигфрид фон Фегезак, заявивший, что отныне "домик будет содействовать ознакомлению немцев с русской литературой и даст понятие о России". Зато с местом дуэли поэта у подошвы Машука, где стоит каменный обелиск, фашисты не поцеремонились. Они вырубили здесь зеленые насаждения, расстреляли немало пятигорцев. Не

пощадили фашисты и город. Эсэсовцы заложили мины и подорвали Дом партийного актива, Госбанк, старейшее здание бальнеологического института..."

На месте дуэли поэта собрались бойцы, командиры, политработники. Возник стихийный митинг. С разрешения находившегося здесь командующего 9-й армией генерал-майора К. А. Коротеева была принята необычная присяга. П. А. Павленко обратился к замершим в строю воинам и торжественно произнес:

- Клянемся великому русскому поэту поручику Тенгинского полка Лермонтову, что наши войска дойдут до Берлина!

- Клянемся! - грянули хором бойцы и командиры.

Варварские разрушения увидели мы и в освобожденном Нальчике. Там, где раньше были здания Дворца пионеров, педагогического училища, Кабардино-Балкарского театра драмы, республиканской библиотеки, остались груды развалин.

Город за городом, селение за селением освобождали наши войска от фашистских оккупантов. Минеральные Воды, Кисловодск, Железноводск, степной город Буденновск...

20 января был освобожден Невинномысск, 21 января - Ставрополь, 24 января - Армавир.

Другая группа войск Закавказского фронта вышла из горных теснин Приморья в кубанские стеши, отбила у врага Майкоп, а за ним и Краснодар.

Только за первые 20 дней нашего наступления мы разгромили пять немецких дивизий и много отдельных частей армейского подчинения, уничтожили 170, захватили 314 танков, а также много самолетов и орудий разных калибров.

Трофейные команды собрали без малого 385 тысяч артиллерийских снарядов, почти столько же авиабомб, 3 миллиона винтовочных патронов.

Среди других трофеев были 600 вагонов с авиабомбами. На этих вагонах стояла выразительная надпись - "Для Баку".

Начиная свой поход на Кавказ, Гитлер рассчитывал захватить Баку к 25 сентября. Уже печатались справочники-путеводители и набирался штат для акционерного общества "Немецкая нефть на Кавказе". А в декабре Гитлер мечтал лишь о том, чтобы разбомбить Баку с воздуха. Но и это ему не удалось...

На перевалах

Из районов Северного Кавказа в благодатную долину Риона, к берегам Черного моря ведут несколько горных перевалов. Через них кое-где проходят довольно сносные автомобильные дороги, а местами едва приметные троны, вьющиеся но краю обрыва. Любое неосторожное движение но ним может стоить жизни. Вверху - снежные пики, по склонам - никем не тронутые леса, в

ущельях - пенящиеся горные речушки. Есть и такие тропинки, по которым неискушенному человеку, кажется, и шага не ступить. Но для хорошо подготовленных горных войск они вполне проходимы.

Еще наши славные предки - солдаты русской армии доказали, что они с успехом могут действовать в самых трудных природных условиях, в том числе и в высокогорных районах Кавказа.

Старики горцы до сих пор с уважением вспоминают, как русские солдаты в 60-х годах прошлого века первыми проложили путь через перевалы Чемашха и Доу от Псеман, на Северном Кавказе, до Сухуми. А в гражданскую войну красноармейские отряды, изнуренные боями и голодом, совсем не знакомые с горами, имея лишь нескольких кавказцев-проводников, глубокой зимой прошли по этим труднопроходимым и опасным местам.

Этим же путем, идущим через перевалы Главного Кавказского хребта, устремились и немецко-фашистские войска. Их планы были ясны - как можно скорее выйти к берегам Черного моря и во взаимодействии со своими главными группировками поиск, наступавшими под Орджоникидзе и Туапсе, овладеть Кавказом, а затем и Закавказьем.

Несомненно, гитлеровцы, начиная свой поход на Кавказ, надеялись, что им удастся привлечь какую-то часть населения на свою сторону, посеять среди народов Кавказа рознь. Но враги просчитались.

Пароды Кавказа, как и все советские люди, не щадили ни сил, ни самой жизни для достижения победы над немецко-фашистскими захватчиками.

Хочется рассказать об одном отважном сыне гор добровольце Ахсарбеке Абаеве. Нашим частям предстояло освободить его родное село Дигора. Девятнадцатилетний осетин Ахсарбек с разрешения командира глубокой ночью тайными тронами вывел 20 автоматчиков в тыл немцам. Утром, когда подразделения нашей стрелковой дивизии начали атаку, автоматчики ударили из засады. Фашисты растерялись, решили, что попали в окружение. Вражеский гарнизон был почти полностью уничтожен.

Незадолго до этого Абаев спас жизнь раненому командиру. Он смело вступил в бой с пятью гитлеровцами, уничтожил их и вынес командира в безопасное место. В этой схватке Абаев был ранен, но снова вернулся на передовую.

Так же храбро сражался Ахсарбек Абаев и в других боях на Северном Кавказе и в Крыму. За совершенные подвиги он был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Вот какими отважными воинами были горцы! Горцы, особенно сваны, прекрасные охотники, альпинисты. Многие из

них вызывались быть проводниками советских частей, действовавших в горах, указывали им пути обхода противника с флангов и захода ему в тыл. Местное население доставляло войскам боеприпасы и продукты питания, изыскивало вьючный транспорт, шило специальное горное обмундирование для наших горных отрядов.

Однако обстановка в августе 1942 года складывалась для нас неблагоприятно. Войска Северо-Кавказского фронта под напором превосходящих сил врага отходили, оставляя перевалы без прикрытия.

Высланные в горы со стороны Закавказского фронта части 46-й армии не успели своевременно занять оборону. Гитлеровцы воспользовались этим и бросили на перевалы большие силы.

Немецкое командование ставило задачу 49-му горно-стрелковому корпусу нанести удар нашим войскам в районе Черкесска и через перевалы Главного Кавказского хребта выйти на Черноморское побережье, к Сухуми.

15 августа начались бои на перевалах, а уже 18 августа передовые части 1-й и 4-й горнострелковых немецких дивизий появились на северных скатах Клухора и на перевале Донгуз-Орун-Баши.

Не встречая сколько-нибудь организованного сопротивления, "эдельвейсы" за несколько дней добрались до основных горных путей и завязали бои с обороняющими перевалы подразделениями 815-го полка 394-й стрелковой дивизии. Здесь же столкнулась с противником и разведка 214-го кавалерийского полка 63-й кавалерийской дивизии.

Для восстановления положения на перевал Клухор были брошены два батальона 815-го стрелкового полка, учебный батальон 394-й стрелковой дивизии, отряд Сухумского пехотного училища (две роты), отряд НКВД (300 человек), 121-й горнострелковый полк 9-й горнострелковой дивизии. Руководил операцией на перевалах командир 3-го стрелкового корпуса генерал-майор К. Н. Леселидзе.

С 18 по 30 августа продолжалось выдвижение основных сил 46-й армии к перевалам Главного Кавказского хребта и сосредоточение их в этом районе.

27 августа в связи с создавшейся реальной угрозой вторжения немецко-фашистских войск в Западную Грузию я выехал в штаб 46-й армии, находившийся в Сухуми. К этому времени противник, опередив части 46-й армии, занял Клухорский и Санчарский перевалы и подошел к Белореченскому.

Вот оно, печальное следствие того, что отходящие войска Северо-Кавказского фронта не прикрыли перевалы, а

командование 46-й армии и ее штаб неправильно организовали свои действия по обороне Главного Кавказского хребта. На перевалы высылались лишь небольшие отряды, с которыми сразу же терялась связь. При этом плохо было организовано снабжение войск боеприпасами, продовольствием и обмундированием.

Ошибкой командования армии было и то, что оно не установило тесной связи с местным населением, не использовало его возможностей для усиления обороны, не подготовило нужных транспортных средств.

Мною были даны конкретные указания по усилению частей, действовавших на основных направлениях, и уточнены боевые задачи.

Учитывая, что противник мог попытаться обойти наши отряды, выдвинутые на перевалы, я отдал распоряжение немедленно взять под особое наблюдение дороги: Ткварчели - Очамчире; Захаровка - совхоз имени Ильича; озеро Рица Бзыбь; Красная Поляна - Адлер; Бабук - аул Дагомыс; Хокуч - Лазаревская. Каждую из этих дорог заняла рота пехоты, усиленная саперами. Одновременно штаб фронта дал указание немедленно приступить к взрывам и завалам тех троп, которые не оборонялись нашими войсками, но могли быть использованы противником.

Необходимо было в самый кратчайший срок создать гарнизоны в городах Очамчире, Сухуми, Гудаута, Гагра, Адлер и Сочи как резервные силы в помощь частям, выдвинутым на перевалы, включив в состав каждого гарнизона подвижные отряды. Требовалось так же немедленно приступить к формированию отрядов бойцов-альпинистов.

Большое внимание мы уделили и организации бесперебойного снабжения войск, выдвинутых в горы, боеприпасами, продовольствием, теплым обмундированием. Для этого на важнейших направлениях были созданы запасные склады, рассчитанные на срок не менее месяца.

Из окрестных горных сел и аулов к нам стали прибывать проводники, которые прекрасно знали не только дороги и троны, идущие на перевалы, но и природные особенности Кавказских гор.

Бои перемещались все выше и выше в горы и становились все более ожесточенными. Штурмом было взято горное селение Псху, освобождены перевалы Санчаро и Клухор.

Чем выше взбирались наши бойцы, тем труднее становилось доставлять им патроны и продукты питания. Киркой и аммоналом пробивали себе дорогу вьючные караваны. Двенадцать дней и ночей шли они от южного приморского города

до места назначения.

В сентябре я снова выехал в штаб 46-й армии. Вместе с генералом Леселидзе мы старались изыскать пути подвоза питания и боеприпасов отрядам, действовавшим на перевалах. С нами были два летчика, пилотировавшие У-2.

- Позвольте мне, - попросил пилот Примов, - попробовать найти посадочную площадку в горах. Тогда можно будет самолетами доставлять отрядам боеприпасы и продовольствие.

Я разрешил. И вот в сторону перевалов улетели в разведку летчики Примов и Мариненко. Первая попытка ни к чему не привела, вторая тоже. Только на третий раз Марипенко сумел перетянуть свой самолет через острозубую, увенчанную ледником гору и найти за ней посадочные площадки.

Несколько дней Примов и Мариненко были как бы проводниками, показывали остальным пилотам открытые ими аэродромы. Потом все привыкли. Начальник штаба армии составил расписание полетов, на посадочные площадки назначили комендантов. И вот днем и ночью стали летать У-2, доставляя отрядам продукты, боеприпасы, консервированную кровь, а обратным рейсом эвакуируя раненых...

На перевалы для руководства боевыми действиями выехал член Военного совета фронта А. Саджая.

Жестокие бои шли на высоте трех с лишним тысяч метров девять суток кряду.

Гитлеровцы занимали район вблизи Эльбруса. Местность эта очень суровая. Шпилеобразная, крутая громада хребта вся в снегу. Слева примыкает ледник. Взобравшись сюда, немцы перерезали единственную тропу к перевалу "Приют одиннадцати" и непрестанно угрожали нам фланговым ударом. Все наши действия были видны противнику как на ладони. К тому же он хорошо укрепился: через каждые 25-30 метров стояли автоматчики, через каждые 100-150 метров станковые пулеметы, расположенные ярусами, один над другим, связанные между собой рацией.

К этим узлам сопротивления на высокогорных перевалах подойти было очень трудно. Двигаться приходилось в один след, пробитый вожаком. Оступишься, чуть подашься вправо или влево - шагнешь в пустоту. Но это не останавливало советских воинов. Мы продолжали наступать...

Однажды пятнадцать солдат-альпинистов получили задание перерезать горную тропу и не дать гитлеровцам уйти. Для этого нужно было преодолеть почти отвесные скалы. Бойцы медленно продвигались вперед. Передние вбивали в скалу клинья, цепляясь металлическими кошками, остальные подтягивались на веревках.

Когда до противника осталось не более ста метров, в ход пошли два основных вида оружия ближнего горного боя - гранаты и камни. Быстро падает брошенный сверху камень, увлекая за собой второй, третий... А секунду-другую спустя с неимоверной скоростью несется вниз уже целая лавина, грохоча и сметая все на своем пути.

В этом бою особенно отличился красноармеец Пузанов. В рукопашной схватке он убил двух фашистов. Снял с одного шинель и шапку, надел на себя, залег за камень и стал звать гитлеровцев. Два немца подошли - Пузанов убил их. Позвал еще. Приблизились два солдата и офицер - разделался и с ними.

Отважно дрался и курсант Нечипуренко. Он спрыгнул сверху на немецкий станковый пулемет, заколол двух гитлеровцев, а из пулемета открыл огонь по фашистам.

Сибиряку Орлову довелось действовать одному против восемнадцати гитлеровцев. После четвертого ранения обессиленный Орлов упал на снег. К нему подбежал фашист, приставил к груди пистолет и жестами стал спрашивать, нет ли на тропе русских. Сибиряк попросил немца нагнуться. Когда тот нагнулся, Орлов вцепился ему в горло и задушил.

...После полуночи оставшиеся в живых гитлеровцы бросились на тропу, ведущую назад к перевалу. Но там их давно уже поджидали альпинисты лейтенанта Чичурина. Немцы дрались с отчаянием обреченных. Им удалось столкнуть в расщелину ледника сержанта Каширина, красноармейца Цемалаидзе и несколько других бойцов, но наши воины все-таки выиграли бой.

Проиграв бой, фашисты откатились далеко назад, оставив открытыми ворота перевала.

Член Военного совета фронта А. Саджая с восхищением рассказывал мне о подвигах наших бойцов и командиров.

- Вы не можете себе представить, - говорил он, - какие это прекрасные бойцы. Вот, например, командир минометной батареи узбек Шафкат Бекбудиев. До войны он читал курс лекций по биологии в Самаркандском университете. Его помощник Максим Сысенко учил детей в украинском селе Гпивань. Александр Андгуладзе, заместитель командира батареи по политической части, руководил заводом в Тбилиси. Мамед Азимов работал лаборантом на хлебозаводе в азербайджанском городе Агдам. Казак Иван Грачев учился в девятом классе краснодарской школы. Татарин Самед Габдулханов пас колхозных коней. Белорус Федор Шульга добывал торф. Кумык Али Курмышев ткал дагестанские бурки. Родина позвала их, и они стали ее солдатами.

Об одном интересном эпизоде рассказал мне генерал

Леселидзе. Немцы, захватив перевал Санчаро, продолжали наступать на юг. С высоты наступление поддерживали 120-миллиметровые минометы. У нас минометы были калибром поменьше, и находились они на менее выгодных позициях - стрелять приходилось снизу вверх. Сорок минут успешно действовали наши батарейцы. Разведчик Ованесян телефонировал с верхушки 50-метрового дуба:

- От гитлеровцев только перья летят!

Однако справа и слева все ближе к минометчикам подбирались фашистские автоматчики. Был ранен командир - Шафкат Бекбудиев, убиты Сумбат Хачатурян, Иван Закутко... Тогда прозвучала команда Андгуладзе:

- Расчет Шульги продолжает вести беглый огонь! Шесть человек во главе с младшим лейтенантом Грачевым прикрывают слева, остальные истребляют неприятельских автоматчиков справа!

В самый тяжелый момент боя, когда немецкие автоматчики буквально захлестывали батарею, был ранен младший сержант Яшунин. Он упал на открытом возвышенном месте. Пули вспахивали землю вокруг него. Кахетинец Игнаташвили, не раздумывая, бросился на помощь товарищу. В два прыжка он достиг места, где истекал кровью Яшунин, и заслонил его от пуль своим телом. На другом склоне кумык Курмышев взвалил на плечи раненого разведчика Ахобадзе и под жесточайшим обстрелом отнес его в расщелину.

Несмотря на численное превосходство противника, батарейцы не дрогнули. Они сумели отбить натиск более сотни вражеских автоматчиков и продержаться до подхода наших стрелковых подразделений.

Член Военного совета А. Саджая вручил одиннадцати героям-минометчикам ордена и медали.

Инициатива боевых действий на всех перевалах Главного Кавказского хребта постепенно переходила в руки наших войск, а вместе с этим у людей все больше росла уверенность в победе.

Немцы же с каждым днем теряли веру в успешный исход войны в горах Кавказа. Все их попытки наступать, атаковать наши части встречали решительный отпор. Большие потери вызвали уныние даже среди самых оптимистично настроенных гитлеровцев.

В кровопролитных боях, продолжавшихся до октября 1942 года, войска Закавказского фронта, действуя на высокогорной местности, остановили наступление противника, нанесли ему большой урон и. отбросив на северные склоны перевалов, заставили отказаться от наступательных действий и на этом

участке фронта.

Многодневные бои на перевалах показали, что непроходимых горных рубежей не бывает. Всякий рубеж, если он не подготовлен по-настоящему к обороне и не защищается войсками, может быть захвачен противником. Горные условия местности, несомненно, создают известные трудности для действия войск. Но эти трудности вполне можно преодолеть, если организовывать боевые действия со знанием дела.

Еще Ф. Энгельс, исследуя вопросы горной войны, указывал, что оборона в горах не должна быть пассивной. Она должна черпать свою силу в подвижности, и всюду, где представляется случай, войскам следует действовать наступательно. Совершенно ясно, что такая оборона требует глубоко продуманной операции и энергичных опытных командиров-исполнителей, так как в этих случаях инициатива и находчивость отдельных командиров часто решают исход боя.

Несмотря на выгоднейшую обстановку, фашистские горные части так и не сумели прорваться к побережью Черного моря. Они вынуждены были отказаться от наступательных операций и перейти к обороне.

На эльбрусском направлении 1-я немецкая горнострелковая дивизия под ударами наших войск оставила перевалы Хотю-Тау и Чипер-Азау. Ее подразделения бежали на сонорные склоны хребта и оставались там до января 1943 года.

На клухорско-марухском участке большие силы немецко-фашистских войск стремились прорваться к Сухуми, по также не выдержали контратак наших частей, оставили перевалы и отошли на их северные склоны.

Весьма интенсивные боевые действия велись на перевале Санчаро. Это направление выводило немецкие войска наикратчайшим путем к району Гудаута, Гагра. Здесь гитлеровцы десятки раз бросались в атаку и каждый раз, неся большие потери, отходили в исходное положение.

Ожесточенные бои шли за селение Псху, которое немцы превратили в сильный опорный пункт на южных склонах хребта.

На санчарском направлении фашистским частям удалось даже достигнуть района, расположенного всего лишь в 25 километрах от Гудаут. Однако и здесь долго удержаться они не смогли. Группа полковника Пияшева, беспрестанно контратакуя гитлеровцев, разгромила их основные силы, а остатки отбросила далеко за перевалы хребта.

На Умнырском, Белореченском и других перевалах немцы проявляли также большую активность, стремясь прорваться к морю и перерезать рокадную магистраль, связывающую

Закавказский фронт с Черноморской группой войск. Но и в этом районе все попытки врага были тщетными.

Так в октябре 1942 года нам удалось создать устойчивую оборону на всех перевалах Кавказского хребта.

В этот период особенно отличились наши снайперы.

Помню маленького, живого и в то же время очень хладнокровного бойца Александрова. С каждым днем он увеличивал счет уничтоженных им гитлеровцев. Особенно запомнился его поединок с фашистским снайпером, которого бойцы прозвали "Ганс без промаха".

Александров решил уничтожить опасного противника. И вот началась дуэль стрелков высокого класса. В ней мог победить тот, у кого крепче нервы, больше смекалки, выдержки, хладнокровия.

Пять раз Александров менял огневую позицию. И хотя гитлеровцу не удавалось поймать его в свой оптический прицел, но и выстрелы нашего снайпера не достигали цели. Тогда Александров применил одну уловку. После очередного выстрела немца он притворился убитым, выскользнувшая из его рук винтовка откатилась в сторону. И фашист попался на удочку. Решив, что наш снайпер убит, он высунул голову из укрытия. Тотчас же раздался выстрел. Из запасной винтовки Александров поразил врага.

Боевые действия в горах многому нас научили, обогатили наш фронтовой опыт.

Прежде всего хочется сказать о тактических приемах, которые немцы применяли на перевалах Главного Кавказского хребта. Наиболее характерными из них, на мой взгляд, были:

- продвижение вперед небольшими отрядами (взвод, рота, редко батальон), действовавшими самостоятельно;

- активная разведка на широком фронте, которую вели отборные альпинисты с целью нахождения проходов и обходных путей на фланги;

- стремительное наступление, как правило, сопровождавшееся охватом флангов и заходом в тыл нашим боевым порядкам;

- оборона многоярусная, подковообразная; огневые точки располагались на скатах высот, обращенных в нашу сторону, особенно на фланги; на перевальных точках хребтов и на тропах устанавливались станковые и ручные пулеметы, причем станковые - обыкновенно за вершинами высот или на самих вершинах, ручные же - по скатам; как те, так и другие имели укрытия в каменной кладке;

- снайперы оборудовали свои огневые позиции на внешних скатах, ниже ручных пулеметчиков, а автоматчики -

непосредственно у подножия высот, там же находились и дежурные стрелки;

- отдыхающие смены располагались на обратных скатах, в укрытиях каменной кладки;

- по отдельным людям открывали огонь только снайперы, редко автоматчики, по небольшим группам - дежурные пулеметы; на наступавшие подразделения обрушивали огонь все имеющиеся огневые средства.

В обороне немцы широко применяли инженерные заграждения, преимущественно минирование.

Выброска воздушных десантов (парашютистов) на перевалы почти не наблюдалась. Из-за туманов самолеты могли летать через хребет очень редко. Кроме того, противник скоро убедился, что эти десанты быстро обнаруживали и уничтожали. Так было, например, с парашютным десантом до сорока человек в районе перевала Доу.

На перевалах Главного Кавказского хребта авиацию немцы использовали в основном для доставки продовольствия и боеприпасов. Изредка одиночные самолеты врага бомбили или штурмовали наши боевые порядки.

Попытки немцев применять технику - автомашины и даже танкетки - терпели неудачу.

Опыт действий наших войск на перевалах Главного Кавказского хребта показал, что оборона в подобной местности должна строиться таким образом, чтобы противник не мог проникнуть на перевалы, и в то же время она должна обеспечивать нам на скатах гор плацдармы, необходимые для маневра.

Как ни странно, военные действия в горах показали, что мы как следует не знали Главного Кавказского хребта. Нам пришлось изучать его по скудным описаниям и устаревшим, весьма неточным картам.

В первый период боев мы допустили немало тактических ошибок и из-за того, что к обороне перевалов привлекались соединения и части, не подготовленные к действиям в горах.

Хромала у нас разведка. Мы часто наступали в лоб, а не в обход, что особенно пагубно в горной войне. Допускалась беспечность при расположении войск в обороне. Все это приводило к печальным последствиям.

Кроме того, первое время наши войска занимали лощины или перевалы и оставляли без прикрытия соседние высоты. Это давало возможность противнику без боя занимать их, а затем фланкирующим огнем выбивать наши части с выгодных позиций.

В дальнейшем, с приобретением опыта, наша тактика и

методы ведения боевых действий резко изменились.

Мы поняли, что успех наступления зависит от скрытности и внезапности действий, что в горных условиях удар надо наносить не в лоб, а в обход, и только там, где его меньше всего ожидает противник. Мы перестали верить в кажущуюся неприступность гор.

Перед началом наступления командиры стали выбирать в малонаселенных и малодоступных районах исходные пункты, которые делали базами питания отрядов и превращали в узлы обороны. Около них выставлялась охрана. В случае необходимости отряд отходил на базу и здесь занимал оборону.

Чаще стали применяться засады на путях наступления противника и в его тылу.

Эффективным оружием в горах оказались минометы, в особенности 82-мм и 107-мм. Можно сказать, что они вполне заменяли артиллерию, которая там действовала мало.

Широко применялись на Кавказе и инженерные заграждения.

Особое значение в этих трудных условиях приобрело снабжение войск. Продовольствие, боеприпасы, теплое обмундирование, топливо не были заблаговременно заброшены на перевалы. Неналаженность снабжения первое время срывала наши операции. Когда же были созданы снабженческие базы не только в дивизиях, но и в отдельно действующих отрядах и подразделениях, положение значительно улучшилось.

Большую роль в снабжении войск в горных условиях сыграла наша авиация. У-2 ежедневно доставляли на отдельные базы до 60 тонн продовольствия. Немало продовольствия и боеприпасов доставлялось и на ишаках - атом незаменимом местном "транспорте".

Авиация активно участвовала и в боевой работе: вела разведку, осуществляла связь с войсками, штурмовала колонны противника, бомбила его оборону. Штурмовка неприятеля в горах производила на него огромное моральное воздействие.

Опыт показал, что в горной войне особое внимание следует уделять вопросам эвакуации и оказания помощи раненым. Во время боевых действий на Кавказе бывали случаи, когда даже легкораненые не доходили до перевязочных пунктов - замерзали в горах. Квалифицированную медицинскую помощь необходимо оказывать в непосредственной близости от поля боя. Для эвакуации раненых надо иметь специальных проводников (дополнительных санитаров) и примитивные перевозочные средства (ишаки, лошади с подвесными носилками, сани). Для транспортировки тяжелораненых может быть использована авиация.

На пути эвакуации раненых надо обязательно иметь обогревательные пункты. Они необходимы и частям, совершающим переходы.

Все эти выводы и наблюдения явились немалым вкладом в сокровищницу нашего боевого опыта.

Туапсинский "орешек"

Кукурузные поля и яблоневые сады Осетии остались позади. Бои переместились за тысячу километров в девственные леса и зубчатые скалистые горы Приморья.

Тихий, полукурортный, полутранзитный город Туапсе с самого начала кавказского похода привлекал внимание немецкого генерального штаба. В августе гитлеровцы еще всерьез верили, что достаточно одного хорошего прыжка, чтобы оказаться на побережье. Они мечтали обосноваться в Туапсе, откуда для них открывались возможности одна заманчивее другой.

Из-под Краснодара и Майкопа противник стал стягивать силы. В район Туапсе было переброшено двенадцать пехотных и специально обученных горнострелковых дивизий, отдельные танковые батальоны, кавалерия, мотострелки. Враг решил во что бы то ни стало овладеть городом и морским портом, чтобы лишить нас сухопутной и морской коммуникаций, а следовательно, затруднить оперативные перевозки, сорвать переброску войск и обеспечение их продовольствием и боеприпасами.

Наши воины сражались с невиданным мужеством, стойкостью и упорством.

- Головы сложим, а землю родную вернем! - говорили бойцы.

Старое ратное правило гласит - кто напуган, тот наполовину разбит. Поэтому оборону свою мы строили на дерзких контратаках, на постоянном упреждении ударов противника.

Георгиевский кавалер казак Максим Гребнев привез в штаб завернутого в попону немецкого офицера. В его сумке оказался приказ о наступлении. Две егерские бригады и отдельный высокогорный полк, усиленные 12 артиллерийскими и 15 минометными батареями, должны были с утра атаковать позиции 17-го конного корпуса.

Узнав о намерении противника, казаки устроили ему ловушку. Гитлеровцы были контратакованы и разбиты.

Перед этим коротким ночным боем 69-летний Семен Скворцов, отец восьми советских офицеров, учил молодого бойца:

- Не хватит, говоришь, патронов, снарядов не подвезут? У германца возьмем! Отобьют у тебя в бою винтовку - за гранату берись, израсходуешь гранаты - бей прикладом, глуши кулаком, вгрызайся окаянному в горло!..

Один немецкий лейтенант писал в своем дневнике:

"Против нас кубанские казаки. Мой отец как-то рассказывал о них, но как его страшные рассказы далеки от того, что вижу я. Их не возьмешь ничем. Они жгут наши танки... Сегодня моя рота была брошена на помощь стрелковому полку, попавшему в очень тяжелое положение. И я вернулся с поля боя с четырьмя солдатами. Что там было! Как я остался невредимым?! Прямо чудо, что я жив и могу писать. Они атаковали нас на лошадях. Солдаты бежали. Я пытался их остановить, но был сбит с ног и так ушиб колено, что ползком пробирался назад к реке. Говорят, что наша бригада перестала существовать. Если судить по моей роте, то это правда".

Кубанские и донские казаки дрались с невиданным мужеством, наводили на врага ужас, обращали его в бегство.

...По проселочной дороге к минометной батарее лейтенанта Гаврилова приближались шесть грузовиков с автоматчиками. Все они были в красноармейской форме, на машинах - красные флажки. Когда же навстречу грузовикам поскакали два наших бойца, раздались выстрелы.

- Немцы! - крикнул лейтенант Гаврилов и подал команду: - Огонь!

Грузовики с переодетыми гитлеровцами загорелись. Один из них перевернулся, другой накренился набок. Но тут на казаков двинулись пятнадцать вражеских танков с автоматчиками на броне. Под гусеницами неприятельской машины погиб весь расчет сержанта Зиненко, другой танк раздавил миномет старшины Приходько. Сам Приходько успел выскочить из окопчика. Гранатами и бутылками с горючей смесью он уничтожил два танка, но сам погиб под третьим. Четыре танка подбил сержант Силко. Получив тяжелое ранение, он продолжал сражаться.

Гитлеровцы бросили в бой мотоциклистов с пулеметами. Но и это не устрашило казаков. Красноармейцы Кривонос и Савосин подорвали мотоциклы гранатами, парторг Нижник, сержанты Олифиров и Мигашко бросали в наступавших четырехкилограммовые мины.

Три раза Гаврилов поднимал своих воинов в атаку. Полтора часа не затихала эта кровавая сеча. Когда нарочный привез приказ об отходе, никого из казаков уже не было в живых. Вокруг дымилось 8 немецких танков, валялось свыше 250 вражеских трупов.

Батарейцы Гаврилова погибли, но погибли они победителями. За эти полтора часа был эвакуирован госпиталь, вывезено ценное вооружение, казаки перегруппировались и

изготовились к бою на новом рубеже.

Шаг за шагом бои перемещались в горные леса, на хребты. Для конницы такие места невыгодны, в теснинах ей делать нечего. Для казаков более подходящими были моздокские степи и песчаные буруны Ставрополья. В этот район мы и перебросили казачьи полки. Там они совершали дальние рейды, прорывались в немецкие тылы, под самым Буденновском громили корпус "Ф", сформированный для завоевания Египта.

Конников сменили стрелковые части 47-й и 18-й армий.

18-й армией тогда командовал генерал А. А. Гречко (ныне Маршал Советского Союза).

Гречко я знал давно, еще с довоенной поры, когда он служил командиром взвода. Отрадно было видеть, как в годы Великой Отечественной войны он быстро выдвинулся в ряды талантливых военачальников.

Командующий Черноморской группой войск И. Е. Петров не ошибся, доверив А. А. Гречко самое ответственное направление. Командарм 18-й полностью оправдал возлагаемые на него надежды, он искусно руководил своими соединениями.

Значение Туапсе особенно возросло в связи с событиями на крайнем левом фланге, у Новороссийска.

В первых числах сентября 1942 года ударная группа противника - четыре пехотные, две кавалерийские дивизии и три отдельных танковых батальона начала наступление на Новороссийск. Одновременно гитлеровцы высадили десант на Таманском полуострове.

В ночь на 7 сентября завязался ожесточенный бой на северо-западной окраине Новороссийска и около поселка Мефодиевский. Сражение длилось всю ночь и следующий день. Только в сумерках оно закончилось победой черноморцев. С утра немцы снова возобновили атаки. Их танки прорвались на юго-восточную окраину Мефодиевского и на базарную площадь, но снова были вынуждены отойти.

Гитлеровцы пытались прорваться и северо-восточнее Новороссийска, но упорным сопротивлением войск 47-й армии, которой с 8 сентября командовал генерал А. А. Гречко, были остановлены.

После многократных массированных налетов авиации вражеские танки и две пехотные дивизии вновь штурмовали поселок Мефодиевский и обошли Новороссийск со стороны перевала Маркотх. Нашим войскам пришлось отойти на первый километр приморского шоссе, в район цементного завода "Октябрь".

Немцы торжествовали, считая, что ворота Кавказского

побережья в их руках. Но хотя фашисты и заняли Новороссийск, фактически хозяевами израненного города оставались наши войска. Артиллерийские батареи мощным огнем перекрыли дороги, ведущие в город, держали под обстрелом вражеские корабли, проходившие в Цемесскую бухту.

Однажды мне довелось быть на батарее старшего лейтенанта Давиденко. В это время наблюдатель доложил:

- На железнодорожной станции замечено большое скопление немецких войск.

- Открыть огонь! - скомандовал командир. Несколько сот солдат и офицеров потерял противник после этого огневого налета.

В ответ гитлеровцы бросили свою авиацию. На наши батареи обрушились 28 пикирующих бомбардировщиков. Волна за волной шли они на цели. Всего в этот раз на батареи было сброшено 460 бомб. Однако это не сломило духа наших артиллеристов. Как только взошла луна, орудия заговорили снова... Казалось, они воскресли из пепла. Стволы их были в бесчисленных царапинах, щиты - в глубоких вмятинах.

Артиллеристы поддерживали пехотинцев в тяжелой битве за Кавказ, преграждали путь врагу и прокладывали нашим воинам дорогу в наступлении.

Особенно жаркие бои в районе Туапсе разгорелись в октябре 1942 года. Немцы с каждым днем усиливали натиск, стараясь овладеть городом.

Само собой разумеется, что Военный совет фронта и Ставка Верховного Главнокомандования были обеспокоены создавшимся положением. Ставка приказала мне во что бы то ни стало удержать город Туапсе и порт, а для руководства операциями лично выехать в Черноморскую группу войск.

В первых числах октября я со своими заместителями и начальником штаба фронта прибыл в Туапсе. Со мной был член Военного совета Иван Степанович Исаков и командующий ВВС фронта Константин Андреевич Вершинин.

4 октября, когда стихла артиллерийская канонада, мы решили выехать на главное направление в район селения Шаумян. Уже темнело. И вдруг в воздухе появились фашистские бомбардировщики. Обычно они бомбили порт и город Туапсе. Однако на этот раз вся эскадрилья повернула на шоссе, прошла над нами и сбросила на нас серию бомб. Больше всех пострадал Иван Степанович Исаков. Осколок бомбы пробил правую ногу. Ранение было очень тяжелым.

Я немедленно отправил И. С. Исакова со своим адъютантом на медпункт, а потом в Сочи.

В то время мы, конечно, не могли знать, что немецкое командование получило сведения о выезде Военного совета фронта на передовую и отдало распоряжение своим летчикам о бомбежке шоссе. Это выяснилось спустя несколько лет, когда в Грузии состоялся процесс над изменниками Родины. Тогда же мы считали это случайностью.

В ту ночь я очень много думал об Иване Степановиче Исакове, с которым мы были знакомы еще с гражданской войны, а в мирное время вместе работали в Наркомате обороны. Этот замечательный человек вырос от мичмана до Адмирала Флота Советского Союза, от адъюнкта военно-морской академии до ученого-океанографа, члена-корреспондента Академии наук СССР, автора многих научных трудов.

Ему, начальнику штаба Балтийского флота, а впоследствии первому заместителю Народного комиссара Военно-Морского Флота СССР, принадлежит большая заслуга в создании и укреплении Военно-Морского Флота. Он являлся основным автором Боевого устава Морских сил, научным руководителем ряда специальных океанологических исследований и одним из организаторов морских операций Великой Отечественной войны 1941-1945 годов.

И вот этот выдающийся флотоводец выбыл из строя. Я понимал, как ему тяжело, как он переживает, что потеря ноги мешает ему быть с нами, на передовой, принимать активное участие в разгроме врага. 4 октября 1943 года он прислал мне из Москвы письмо, в котором писал:

"Дорогой Иван Владимирович!

Сегодня исполнился ровно год со дня моего ранения, когда я выпал из тележки. Конечно, я предпочел бы быть на двух ногах и работать с тобой или на другом фронте, но даже то, что я сейчас могу работать в Москве и как-то приносить пользу общему делу разгрома врага, - и то хорошо. Могло бы это кончиться небольшим памятником в Сочи или Тбилиси.

Поэтому я доволен и признателен тем, кто отодвинул немного устройство памятника, и хорошо понимаю, что кроме Петрова или Джанелидзе много обязан тебе за поддержку, помощь и внимание.

Думаю, что не ошибусь, подозревая, что ты не вполне доволен своей работой. Активные операции идут вне твоей епархии. Но, как и раньше говорил, считаю, что твоя работа в Тбилиси не менее (а в некотором отношении более) трудна и нужна государству, чем в другом месте.

Первое время я сам очень тосковал без ответственной работы. Быть на положении почетного зама тяжело, а в военное время

особенно. Но к моему удовлетворению, неожиданно получил назначение в правительственную комиссию, где и работаю сейчас (по совместительству). Работа исключительно интересная и ответственная.

Будет свободная минута, напиши пару строк.

Сейчас под моим водительством печатают (впервые) и будут выходить сборники по опыту войны (морские). Зная твой интерес к флоту, буду посылать тебе.

Будь здоров.

Желаю успеха в работе.

Твой Исаков".

Пока Военный совет фронта и командование Черноморской группы разрабатывали и осуществляли мероприятия по усилению туапсинского направления, противник продолжал развивать наступление и 17 октября овладел районом Шаумяна, а на стыке 56-й и 18-й армий стал продвигаться в направлении горы Кочкацова.

В боях за эту гору совершил подвиг славный сын азербайджанского народа 19-летний красноармеец Кафур Мамедов.

18 октября в жарком бою он уничтожил тринадцать фашистских автоматчиков и один миномет с расчетом.

На следующий день, когда на наблюдательный пункт 3-й роты 323-го батальона морской пехоты прорвались автоматчики противника, Кафур заметил, что один из них целится в командира роты. Отважный боец бросился вперед и заслонил собой командира. Кафур погиб, но имя Героя Советского Союза Кафура Мамедова осталось жить в веках.

Немецко-фашистское командование придавало новороссийско-туапсинскому направлению особенно большое значение. Клейст и его начальник штаба генерал фон Грейфенберг отдавали явное предпочтение туапсинскому направлению перед моздокско-грозненским.

На мой взгляд, это было грубым просчетом немецкого командования. Все оперативные работники штаба Закавказского фронта пришли к единому выводу: такая оценка обстановки противником и такое решение должны привести фашистские войска к поражению на всем Закавказском фронте.

Почему же все-таки гитлеровское командование предпочло Туапсе Грозному? Думается, прежде всего из-за непоколебимой приверженности немецких генералов теории Шлиффена, той модернизированной "теории Канн", которая легла в основу военной стратегии и тактики генерального штаба третьего рейха.

Дело в том, что, выйдя на Туапсе, противник разрезал бы

пополам Черноморскую группу наших войск и окружил две армии - 56-ю и 47-ю. Вот это стремление повторить "Канны" и продиктовало командующему группой армий "А" его туапсинский план.

Это был тщательно разработанный план. Лесистые предгорья Западного Кавказа имели в этом месте самый удобный проход к морю - железную дорогу Майкоп - Туапсе. Сосредоточив на этой дороге ударные силы, немцы рассчитывали одним броском захватить Туапсе и завершить окружение и разгром всего левого фланга Черноморской группы.

У гитлеровцев тут было одно большое преимущество: они наступали с севера и, следовательно, имели самую широкую возможность маневрировать силами по Кубанской долине. Кроме того, в распоряжении немецкого командования находилось много превосходных путей подвоза. У нас же наоборот: ни свободы маневра, ни достаточных путей подвоза не было, так как наши войска стояли среди лесистых гор, доходящих в этих местах до самого моря.

Наше положение затруднялось еще и тем, что помимо железной дороги Майкоп - Туапсе противник мог выйти к Туапсе несколькими обходными путями, проходящими через долины Псекупс и Пшехская. Это вынуждало нас распылять свои силы на несколько направлений и все время держать войска в состоянии крайнего напряжения.

Зная свои сильные стороны, немецкое командование в то же время не учло сильных сторон наших войск, и прежде всего оборонительного района Туапсе.

Севернее Туапсе мы располагали четырьмя исключительно хорошими естественными оборонительными рубежами. Это система лесистых гор разной высоты, отлично прикрывающих город со всех сторон. Первый, внешний, рубеж горы Оплепен, Гунай, Гейман, Елисаветпольский перевал и Сарай-гора. Они выше всех впереди лежащих высот на 300-400 метров. Поэтому весь рубеж мог господствовать над местностью. Второй рубеж - ряд высот, хребет между реками Гунай и Пшиш. Третий - горы Два Брата, Семашхо, Индюк, Гойтхский перевал. На этом рубеже противник имел возможность обходов и охватов по множеству ущелий, балок и троп. Наконец, четвертый, самый близкий к городу, - горы Псеиф, Большая и Малая Псеушхо, Заповедный, Невед.

Все эти рубежи, точно огромные концентрические круги, охватывали Туапсе до самого моря.

Немцы не учли и того, что рокадную магистраль нам заменял Черноморский флот, господствовавший на море. Флот

обеспечивал бесперебойную работу тыла и оперативные перегруппировки Черноморской группы войск.

Недооценка противником этих наших возможностей превращала план его осеннего наступления на юге в авантюру. Тем не менее немецко-фашистские войска наступали на Туапсе с исключительным ожесточением и упорством.

После разгрома 3-й горнострелковой дивизии румын, пытавшейся обходным маневром найти лазейку для прорыва в сторону Геленджика и дальше по Кавказскому побережью, немецкое командование снова приказало наступать на Туапсе, не считаясь ни с какими потерями.

Советские войска, действовавшие на туапсинском направлении, располагали весьма выгодными позициями и поэтому имели серьезное преимущество над противником. Однако это никоим образом не могло компенсировать отсутствие проезжих дорог. В результате - огромные трудности с подвозом боеприпасов и продуктов, недостаток порой самых простых инструментов для фортификационных работ.

Стрелковая часть, оборонявшая горы Гунай и Гейман, раздобыла два десятка лопат, но лома ни одного не имела. А попробуй-ка выдолби окоп в скале без лома! Выручил какой-то смекалистый интендант: наладил изготовление ломов из осей обозных повозок.

Затрудняло наши действия и то, что все рубежи туапсинского направления располагались в густых лесах. А фашисты наступали со стороны Кубанской долины. Они имели специально обученные дивизии, всякие приспособления для действий на горном и лесном театре, разветвленную систему железных и шоссейных дорог, достаточное количество снарядов, продовольствия и неограниченные возможности маневра.

Первый таранный удар противник наносил из района Хадыженской по шоссе и по железной дороге Майкоп - Туапсе. Наши командиры всех рангов сумели заранее посоветоваться со стариками кавказцами, охотниками, лесничими, пастухами. Старожилы показали все ущелья, которые надо было прикрыть огнем. Они помогли советами нашим воинам и научили их хитрой "лесной и горной жизни". На деревьях бойцы и колхозники оборудовали тайные гнезда для снайперов-автоматчиков.

Мне рассказывали, как рядовой Пономарев, скрываясь в ветвях кряжистого дуба (впереди своей роты на 250 метров), подпустил разведку противника четырнадцать гитлеровцев и перестрелял тринадцать из них. Четырнадцатый забился в валежник, и снайпер привел его живым.

В другой засаде сержант Николай Забродин уничтожил из

автомата более пятидесяти фашистов.

Озлобленные долгими бесплодными попытками пробиться напролом, гитлеровцы решили взять Туапсе в двойное окружение. Для этого они не жалели сил. На небольшом участке противник ввел в бой девять немецких дивизий (из них четыре горнострелковые), шесть румынских и одну словацкую, пять отдельных высокогорных полков и десять отдельных батальонов. Условия местности крайне ограничивали действия танков, и их активно заменяла авиация.

Создание малого кольца окружения предусматривало прорыв наших позиций в районах горы Лысой и хутора Шугай, выход к станции Навагинская и окружение советских частей, оборонявших высоту с отметкой 356,3, Первомайскую, Белую Глину. Большое кольцо должно было зажать наши войска, защищавшие треугольник - гора Гунай, разъезд Куринский, селение Шаумян. Немцы пытались рассечь фронт и на самурско-лазаревском направлении с целью перерезать железную дорогу Сочи - Туапсе.

Местами противнику удалось продвинуться на полтора-два десятка километров, взять некоторые высоты, вклиниться в правый фланг нашей обороны. На основном же рубеже - Котловина, река Гунайка - гитлеровцы терпели неудачу за неудачей. В силу этого нередко наступало затишье. Немцы приводили в порядок свои части, отражали контратаки наших войск, а затем снова переходили в наступление.

В дневнике одного ефрейтора германской армии мы прочитали о боях под Туапсе такую запись:

"После длительных поисков я вчера прибыл на позиции своей роты. 23 человека лежат в своих ямах. Да, здесь за последние три дня наша рота понесла тяжелые потери. Я здороваюсь с немногими старыми товарищами и рою себе окопчик. Через некоторое время русские начинают обстреливать высоту. Бьют минометы. Опять старая песня. Над нами самолеты, перед нами вершины Кавказа, а под нами ямы в зарослях густого дубняка. Приказано удерживать позиции. Дикая стрельба, на пять метров ничего не видно. Трудно вообразить себе всю ожесточенность борьбы в этих горных лесах. Мы то наступаем, то отступаем, и когда все это кончится".

В середине октября гитлеровцы довольно быстро перегруппировались, атаковали с юга селение Шаумян и захватили станцию Навагинская и перевал Елисаветпольский. Части 1-й и 4-й горнострелковых дивизий немцев при сильной поддержке горной артиллерии и минометов, под прикрытием сотни бомбардировщиков устремились дальше на юг в направлении поселка Гойтх и горы Семашхо. Вдоль шоссе к

селению Индюк продвигались части 101-й немецкой легкопехотной дивизии.

Восемь тысяч снарядов выпустили фашисты по горе Безымянной, шестьдесят раз бомбили ее. На склонах, где прежде поднимался могучий столетний лес, торчали одинокие, истерзанные деревья с расщепленными обгоревшими стволами. Сама гора как будто стала меньше, ниже. В бездну полетели тысячи пудов гранита. Но гарнизон высоты - 84 гвардейца - выстоял. Гарнизон жил, гарнизон дрался...

Тридцать семь молодых бойцов под командованием лейтенанта Матросова выдержали ночной бой с 300 немцами.

Этот бой был необычным. Гитлеровцы шли в психическую атаку с электрическими фонарями на шее. Множество огоньков отчетливо просматривалось сквозь заросли кустарника.

Матросов приказал бойцам расположиться так, чтобы взять атакующих в огневой мешок, и ждать, пока "иллюминированные" цепи подойдут поближе.

Все ярче становился свет фонарей. Когда фашисты были уже совсем близко, Матросов скомандовал:

- Бить по фонарям!

Грянул первый выстрел, за ним второй, затем раздались пулеметные и автоматные очереди.

Тускнела "иллюминация", но немцы все шли. Тогда Матросов поднял своих воинов в контратаку. Эхо разнесло могучее русское "ура". Бойцы сражались штыком и прикладом, уничтожали врагов гранатами. Гитлеровцы не выдержали дружного натиска гвардейцев и поспешно отошли. Важнейшая высота осталась в наших руках.

На правом фланге наши части сами перешли к активным действиям. К моменту разгрома немецких танковых дивизий под Орджоникидзе была освобождена и долина реки Пшиш. В ущелье на северо-восточных склонах горы Семашхо попало в окружение до двух батальонов гитлеровцев. Но к сожалению, мы упустили удобный момент для их уничтожения. Промедление в бою очень опасно. Оно может привести к потере инициативы. Так случилось и здесь. Истреблению окруженных батальонов мы не придали должного значения и несколько затянули эту операцию. Немцы же, воспользовавшись нашей медлительностью, успели разведать наиболее уязвимое место в нашей обороне и бросили туда только что подошедшую пехотную дивизию. Блокада была прорвана извне. В образовавшуюся брешь противник сразу же направил пять полков с горной артиллерией и минометами. Как обычно, в воздухе все время находились вражеские пикирующие бомбардировщики.

Здесь, на вновь образовавшемся семашхском плацдарме, гитлеровцы надеялись поквитаться за поражение под Орджоникидзе и все туапсинские неудачи.

Но время было уже не то! Закавказский фронт располагал резервами, мог быстро маневрировать ими. И мы сумели исправить свою ошибку. Наша стрелковая дивизия начала наступление на высоту с отметкой 394,7. Ей навстречу на юго-восток с кровопролитными боями двигалась наша специально обученная горная часть. Сомкнув свои фланги, они надежно перекрыли вражеские коммуникации, шедшие к горам Семашхо и Индюк. Подвижные отряды (численностью от роты до батальона) выбивали фашистов с господствующих высот, захватывали опорные пункты. Природные условия не позволяли здесь создать сплошную линию позиций. Непрерывного фронта здесь не было.

Противник потерял инициативу. Его отборные части, прорвавшиеся на Семашхо, оказались под угрозой полной изоляции.

С 20 ноября гитлеровцы стали поспешно возводить на высотах долговременные укрепления из камня, бетона и земли. Вокруг них для стрелков отрывались окопы полного профиля, соединенные ходами сообщения. Впереди и на флангах фашисты создавали минные поля, ставили проволочные заграждения в пять и более кольев. Укрепляясь, они, однако, не оставляли надежды захватить Туапсе.

И действительно, сосредоточив в Апшеронской, Ширванской, Нефтегорске, Хадыженской большие силы, немцы вскоре вновь начали наступление на Туапсе.

Массированные авиационные удары по городу и близлежащим дорогам следовали один за другим. На тихие улочки Туапсе обрушились сотни фугасных и зажигательных бомб, тяжелые бочки со смолой и нефтью.

За три недели налетов, не прекращавшихся ни днем ни ночью, город был почти полностью разрушен, в порту бушевали пожары...

Город опустел. Почти все жители ушли в горы. В Туапсе остались только моряки.

На рубежах туапсинского направления оборонялись 18-я армия, 17-й казачий кавалерийский корпус и чисти Туапсинского оборонительного района во главе с контрадмиралом Г. В. Жуковым.

В середине декабря мы нанесли противнику контрудар с востока, запада и юга. За несколько дней гитлеровцы потеряли убитыми 5000 солдат и офицеров.

В ночь на 17 декабря немцы, бросая вооружение и

боеприпасы, стали в беспорядке отходить за горную реку.

Два дня лил дождь. Горные речки вышли из берегов, разлились, зашумели мутными потоками. Потом ударил мороз, подул сильный ветер. Все покрылось толстой коркой льда - и обрывистые тропы, и промокшие шинели. Двигаться стало неимоверно трудно, каждый шаг был сопряжен со смертельной опасностью. Но, несмотря на это, наши части довольно быстро вышли из горных теснин, преодолели снежные хребты и устремились в долину.

За время наступательных действий на туапсинском направлении противник несколько раз менял свою тактику. Например, 25-26 сентября части 101-й легкопехотной дивизии пытались наступать из района Хадыженской в направлении Первомайской, нанося удар с фронта с целью прорыва обороны 32-й гвардейской стрелковой дивизии. Одновременно немцы наступали вдоль Туапсинского шоссе. Наши гвардейцы стойко защищали свои позиции. Попытка гитлеровцев успеха не имела, и они, понеся большие потери, отошли, отказавшись от лобового удара.

В дальнейшем противник стал применять малые и большие клещи, осью которых было Туапсинское шоссе. Так, наступая от горы Лысой и хутора Шугай на Навагинскую, он пытался взять в малые клещи нашу группировку в районе Навагинской. Ударом из района горы Лысой на Котловину, реку Гунайка, гору Индюк и из района Горячего Ключа на Фанагорийское, Садовое, а затем на Шаумян фашисты как бы большими клещами пытались сжать шаумяпскую группировку нашей 18-й армии.

Хотя немцы и имели некоторый тактический успех, основной цели им все же достичь не удалось. Они не смогли окружить и уничтожить наши группировки.

Отказавшись от клещей, противник продолжал наступление, нанося удар с юго-востока, стараясь овладеть отдельными узлами сопротивления, расположенными вдоль железной дороги и шоссе Хадыженская - Туапсе.

При наступлении на туапсинском направлении активно действовала вражеская бомбардировочная авиация. В первой половине сентября против Черноморской группы войск действовало до 120 бомбардировщиков, а к концу сентября, то есть к началу наступления гитлеровцев на туапсинском направлении, - уже до 350. Авиация противника базировалась в непосредственной близости к фронту, в районах Майкопа, Белореченской, Краснодара, Крымской, Керчи, и наносила удары не только по тылам, портам и коммуникациям, но и по боевым порядкам Черноморской группы войск.

Исключительно большое значение немцы придавали воздушной разведке и организации взаимодействия авиации с наземными войсками. Самолеты-разведчики задолго до начала наступления пытались вести наблюдение за нашими оборонительными рубежами, боевыми порядками войск, дорогами и портами Черноморского побережья и производить их аэрофотосъемку.

Для содействия наступлению на туапсинском направлении части 46-й пехотной дивизии гитлеровцев стали наступать на самурско-лазаревском направлении. В случае удачи, выйдя в район Лазаревской, они перерезали бы единственную шоссейную дорогу Туапсе - Сочи, чем могли нарушить снабжение всей Черноморской группы. Учитывая такую возможность, командование Черноморской группы войск по указанию штаба Закавказского фронта в начале сентября 1942 года создало группу войск лазаревского направления. В нее вошли 31-я стрелковая дивизия, 691-й стрелковый полк 383-й стрелковой дивизии, 11-я гвардейская кавалерийская дивизия.

В течение октября и первой половины ноября на лазаревском направлении шли ожесточенные бои. Наши войска сумели остановить здесь наступление противника.

На фанагорийском направлении бои продолжались почти до конца ноября. Гитлеровцам удалось овладеть Фанагорийским, но фланговым ударом 83-й мотострелковой бригады и 26-го полка НКВД они были отброшены к горе Фонарь. Благодаря исключительному упорству и беззаветной храбрости наших воинов наступление немцев было остановлено и на этом направлении.

Наступательные действия противника в горно-лесистой местности имели некоторые характерные особенности. Например, после авиационных налетов и бомбовых ударов он обычно применял короткий огневой налет всеми имеющимися средствами (артиллерия, минометы, автоматическое оружие) по боевым порядкам наших оборонявшихся частей, после чего переходили в атаку его пехотные подразделения. Наступление, как правило, велось небольшими группами усиленный взвод, рота и батальон, - действовавшими по отдельным направлениям, вдоль горных троп и рек. Этим группам ставилась задача захватывать господствующие высоты, перекрывать рокадные дороги, а также узлы дорог в глубине нашей обороны. Вне дорог обычно действовали отдельные группы автоматчиков, усиленные легкими минометами и саперными подразделениями. Эти группы старались выйти во фланги и в тыл наших войск, на пути подвоза.

На туапсинском направлении гитлеровцы трижды пытались

прорвать нашу оборону. Но Черноморская группа войск Закавказского фронта, которой командовал генерал И. Е. Петров, отразила все атаки противника и, нанеся ему ответный удар, разгромила его ударную группировку, рвавшуюся к Туапсе. Туапсинский "орешек" оказался не по зубам немцам.

В боях на Черноморском побережье вновь проявился полководческий талант И. Е. Петрова. Ивана Ефимовича я знал давно как опытного и хладнокровного генерала, обладающего незаурядными организаторскими способностями.

Большую помощь нашим сухопутным войскам оказывал Черноморский флот, которым командовал вице-адмирал Октябрьский. Помимо своей основной задачи уничтожения надводных и подводных средств противника на море - военные корабли осуществляли перевозки людей и боевой техники, обеспечивая своевременную перегруппировку войск Закавказского фронта. Только за сентябрь - ноябрь 1942 года черноморцы перебросили свыше пятидесяти тысяч бойцов и командиров, свыше шестидесяти тысяч тонн всевозможного груза.

Боевая работа Черноморского флота свидетельствовала о тесном взаимодействии сухопутных и морских сил в битве за Кавказ.

За три месяца ожесточенных боев на этом участке фронта гитлеровцы потеряли свыше двадцати пяти тысяч солдат и офицеров. Их наступление захлебнулось.

После разгрома противника под Туапсе Черноморская и Северная группы войск Закавказского фронта перешли к наступательным боевым действиям.

"Горы" и "Море"

Учитывая обстановку, сложившуюся на фронтах Великой Отечественной войны, и главным образом успешные наступательные действия под Сталинградом и на реке Терек, штаб Закавказского фронта в конце декабря 1942 года направил в Ставку Верховного Главнокомандования план наступления Черноморской группы войск.

По этому плану наступление намечалось начать 3 января 1943 года. Частям 46-й армии на майкопском направлении ставилась задача освободить Майкоп, выйти в долину северных отрогов Кавказского хребта и соединиться с наступающими войсками группы генерала И. И. Масленникова.

Для обеспечения главного удара на Майкоп предусматривались также вспомогательные удары 18-й и 47-й армий. Предполагалось сковать противника на всем фронте и замаскировать наши основные усилия.

Возможности для выполнения этой операции у Черноморской

группы войск имелись. Однако 29 декабря из Ставки Верховного Главнокомандования пришел ответ, в котором сообщалось, что наступление на майкопском направлении временно отменяется.

Нам предлагалось срочно подготовить и осуществить удар на краснодарском направлении. Войска Закавказского фронта должны были прорвать оборону немцев, перерезать железную дорогу в районе Тихорецкой и тем самым не допустить отхода кавказской группировки врага. Одновременно вспомогательный удар надо было наносить в обход Новороссийска, при благоприятной обстановке занять Новороссийск, а в дальнейшем иметь в виду освобождение Таманского полуострова.

Для проведения такой операции Черноморской группе в то время недоставало ни сил, ни средств. Ставка обязывала нас перебросить генералу И. Е. Петрову из состава Северной группы весь 10-й гвардейский стрелковый корпус, две стрелковые дивизии 58-й армии и одну стрелковую дивизию 46-й армии. Кроме того, в распоряжение черноморцев передавались три танковых полка из резерва Ставки.

Получив такой приказ, мы с Иваном Ефимовичем крепко призадумались. В самом деле, Ставка поставила нам невероятно трудную, если не сказать, невыполнимую задачу. Цель, указанная в директиве Ставки, была заманчивой: с выходом на Батайск мы ставили противника в безвыходное положение. Однако, всесторонне рассматривая этот план, тщательно анализируя сложившуюся обстановку, мы наталкивались на непреодолимые препятствия.

Основным из них был сам район предстоящих боевых действий - отроги Главного Кавказского хребта. Нам предстояло преодолеть их в самое неблагоприятное на юге время года, когда температура на побережье плюсовая, а в горах доходит до минус 15-25°. В этот период труднопроходимые отроги хребта покрыты глубоким снежным покровом.

А отсутствие дорог для подвоза боеприпасов и продовольствия? Строительство их требовало большого количества дорожных и инженерных батальонов. На нашем же фронте таких батальонов было очень немного.

Вторая трудность - переброска войск из района Орджоникидзе. Она могла быть осуществлена только комбинированным путем: до порта Поти по железной дороге, а затем морем. На это требовалось много времени.

Даже Иван Ефимович Петров, повидавший и преодолевший немало трудностей при героической обороне Одессы и Севастополя, сокрушенно вздыхал:

- Трудновато приходилось мне в Крыму, но то, что нам

предстоит ныне, куда сложнее...

Однако директива Верховного Главнокомандования не предмет для дискуссии, и я, озадаченный не менее Петрова, все же счел нужным успокоить его:

- Не так уж страшен черт, как его малюют! Выдюжим, Иван Ефимович. Давай еще раз обмозгуем план операции, прикинем, какую помощь нам сможет оказать Черноморский флот.

Вариант за вариантом выдвигался то мной, то Иваном Ефимовичем. Но все они после горячего обсуждения отвергались, так как и с военно-теоретической, и с практической точки зрения оказывались нереальными.

Обсуждения в штабе обычно заканчивались тем, что мы садились в вездеход и выезжали на рекогносцировку местности. Уж на что выносли вездеход, но и ему приходилось туго: подъемы и спуски обледенели, снежный покров - в два метра. И по этой дьявольской дороге предстояло пропустить пехоту, артиллерию.

На следующий день мы уже разведывали дорогу на другом направлении горячеключевском. Но и она оказалась непригодной для продвижения большой группы войск. Недаром ее называли арбной дорогой. Да и не всякая арба могла пройти по ней. Для автомашин же ее следовало значительно расширить.

- Вот и наступай тут большими силами, - досадливо морщился Петров. Сколько же дней потребуется на расширение этой и прокладку новой дороги?

- Ни одного лишнего, - сказал я Петрову. - Торопись, Иван Ефимович. Дай задание своим дорожникам, пусть проявят чудеса расторопности и смекалки. Без дороги, проходимой для артиллерии и автотранспорта, нам нечего и думать о наступлении. Организуем перевалочные станции, наладим диспетчерскую службу...

Вернувшись в штаб, я позвонил Сталину, доложил о том, что дала рекогносцировка на лазаревско-майкопском и горячеключевском направлениях, высказал свои опасения за успешный исход наступления. Моя попытка отстоять ранее разработанный "майкопский план" успеха не имела. Остался в силе краснодарский вариант, предложенный Ставкой.

Забегая вперед, скажу, что Черноморская группа, как мы и предвидели, не смогла справиться с поставленной перед ней задачей. Впоследствии войскам Северо-Кавказского фронта потребовалось семь месяцев, чтобы в конце концов преодолеть здесь оборону противника.

Итак, в соответствии с директивой Ставки мы срочно разработали план наступления на краснодарском направлении,

который состоял из двух частей (операций) - "Горы" и "Море".

Операция "Горы" предусматривала прорыв вражеской обороны в районе Горячего Ключа, выход на реку Кубань и освобождение Краснодара.

Но, как указывала Ставка, Краснодар не был конечной целью наступления. Отрезав пути отхода кавказской группировке противника на Ростов и Ейск, наши войска должны были овладеть Тихорецкой и Батайском. Этим завершалась операция "Горы".

Далее следовала морская операция. Ее замысел предусматривал наступление левого крыла войск 47-й армии в направлении перевалов Маркотх и Неберджаевский.

С выходом наших сухопутных частей на этот рубеж Черноморский флот должен был высадить морской десант в районе Южной Озерейки. Планировалось совместным ударом моряков и общевойсковых соединений разгромить немцев у Новороссийска, овладеть портом и городом и выйти на перевал Волчьи Ворота.

Для дезориентации врага в разных местах побережья предполагалось выбросить демонстративные десанты.

В случае неудачи с десантом в районе Южной Озерейки был намечен второй пункт высадки - Станичка.

Руководство десантной операцией возлагалось на вице-адмирала Ф. С. Октябрьского.

Так в общих чертах выглядел план нашего наступления на краснодарском направлении.

Директивой Верховного Главнокомандования от 4 января 1943 года нам предписывалось выделить мощную колонну войск из состава Черноморской группы, занять Батайск, Азов, "влезть" в Ростов с востока и закупорить, таким образом, северокавказскую группировку противника, пленить ее или уничтожить.

В выполнении всей операции нам должен был содействовать Южный фронт, точнее, его левое крыло.

Верховный Главнокомандующий лично мне отдал распоряжение: "Прикажите Петрову, чтобы он начал свое выступление в срок, не оттягивая это дело ни на час, не дожидаясь подхода резервов". Мне же было приказано немедленно выехать в Черноморскую группу войск и обеспечить выполнение этих указаний.

Аналогичные распоряжения я получил и от начальника Генерального штаба генерала армии Василевского.

В первых числах января 1943 года немецкие части стали оставлять перевалы Главного Кавказского хребта, чтобы усилить оборону на краснодарском направлении.

Войска Северной группы, развивая наступление по всему

фронту, к 10 января овладели Воронцово-Адександровским, Солдатско-Александровским и вышли на рубеж рек Куба, Золка, Малка.

Утром 11 января 1943 года с рубежа Церковный, высота 509,9 в общем направлении на Самурскую перешла в наступление 31-я стрелковая дивизия 46-й армии. Ее поддерживали шесть горновьючных и три 107-мм батареи двухорудийного состава. Остальная артиллерия левого фланга 46-й армии - пять батарей 9-й горнострелковой дивизии, 193-й гвардейский минометный полк и гвардейский минометный дивизион - в наступлении не участвовала. Из-за истощения конского состава эти подразделения не могли занять огневых позиций.

Погода не благоприятствовала нам. С 10 по 12 января непрерывно шли дожди с мелким снегом. Дороги стали совершенно непроходимыми для всех видов транспорта. Железная дорога Туапсе - Майкоп на многих участках была выведена из строя, и поезда могли ходить только до станции Индюк. Поэтому части армии испытывали недостаток в боеприпасах и продовольствии.

Слабая артиллерийская обработка объектов атаки, а впоследствии такая же слабая огневая поддержка пехоты артиллерией и авиацией привели к тому, что наступление быстро захлебнулось. А на следующий день противник, сосредоточив до двух батальонов пехоты в районе Черниговский, Измайловский, предпринял мощные контратаки и снова овладел высотой 509,9, которую несколько дней назад с таким трудом взяли штурмом два батальона 248-го стрелкового полка 31-й дивизии.

Неудачным оказалось наступление 46-й армии и на самурско-апшеронском направлении, а 47-й армии - в районе Ахтырской и Абинской. Эти две армии, в задачу которых входило отвлечь внимание гитлеровцев от главной операции на краснодарском направлении, понесли значительные потери и вынуждены были опять перейти к обороне.

Не достигла успеха и 18-я армия. Наступление здесь шло крайне медленно из-за непрерывных снежных заносов. В горах сугробы доходили до полутора метров. Лишь два дня спустя части этой армии овладели селением Шаумян и перевалом Елисаветпольский.

Зато на главном направлении войска 56-й армии прорвали вражескую оборону и за три дня продвинулись на 20 километров.

Этим, собственно, и закончился первый этап наступательной операции основных сил Черноморской группы. И хотя войска ее правого фланга ценой невероятных усилий вышли на равнину, главная цель ими не была достигнута: ударной группировке не

удалось освободить Краснодар.

24 января 1943 года по распоряжению Ставки Верховного Главнокомандования из Северной группы войск был образован Северо-Кавказский фронт с непосредственным подчинением Ставке.

В составе Закавказского фронта остались Черноморская группа и войска, прикрывавшие побережье и наши границы с Турцией и Ираном.

К концу января войска правого фланга Черноморской группы, ломая упорное сопротивление противника, сомкнулись с левым флангом 37-й армии Северо-Кавказского фронта. В двухнедельных наступательных боях было захвачено в плен и уничтожено 25 тысяч солдат и офицеров. Враг потерял 200 орудий, до 400 минометов, 300 пулеметов, 500 автомашин, 64 самолета и много другой техники.

В операции "Море" основная задача возлагалась на 47-ю армию, которая должна была прорвать оборону гитлеровцев на рубеже высота 424,5, гора Сахарная Головка, развивать наступление в направлении перевалов Неберджаевский и Маркотх, а затем совместно с морским десантом овладеть Новороссийском. В случае успеха создавались условия для дальнейших действий армии по захвату Таманского полуострова.

1 февраля части левого крыла 47-й армии (группа войск генерал-майора А. А. Гречкина) после пятичасовой артиллерийской подготовки перешли в наступление и, преодолевая огневое сопротивление противника, отражая его контратаки, на отдельных направлениях продвинулись на 200-500 метров от переднего края.

На следующий день отдельные штурмовые группы продолжали блокировать огневые точки и разрушать проволочные заграждения немцев. Общее же наступление пришлось приостановить, так как из-за плохой видимости артиллерия не могла поддерживать наши части.

3 февраля войска группы генерала Гречкина вели ожесточенные рукопашные бои на новороссийском направлении с переходившими в контратаки гитлеровцами.

Ночью 4 февраля первый эшелон морского десанта, покинувший порт Геленджик, подошел к Южной Озерейке. После получасового огневого налета нашего крейсера и двух эсминцев по району высадки балиндеры и канонерские лодки устремились к берегу.

Немцы открыли ураганный огонь по судам десанта. Прямые попадания вывели из строя несколько балиндеров, получили повреждения и канонерские лодки. Высадку десанта пришлось

прервать.

Успевшие высадиться почти полторы тысячи бойцов 255-й бригады морской пехоты вступили на берегу в неравный бой с фашистами. Наши воины заняли Глебовну и удерживали ее три дня. Однако, не получив подкрепления, десантники вынуждены были отойти и отдельными группами пробиваться через линию фронта.

Более успешным оказался вспомогательный десант в районе Станички. Двести пятьдесят бойцов отряда морской пехоты во главе с майором Ц. Л. Куниковым захватили небольшой плацдарм на берегу Цемесской бухты. Вскоре сюда были переброшены еще три группы морских пехотинцев.

Десантников поддерживали дальнобойная артиллерия из района Шесхарик и авиация с геленджикского аэродрома.

5 февраля было принято решение направить в Станичку основные силы десанта. Туда были доставлены 255-я бригада морской пехоты, 83-я морская стрелковая и 165-я стрелковая бригады.

Десантникам удалось расширить плацдарм. На этой Малой земле наши войска сражались почти восемь месяцев, до самого освобождения Новороссийска в сентябре 1943 года.

Нам уже не довелось участвовать в этом: 5 февраля в соответствии с директивой Ставки Верховного Главнокомандования Черноморская группа войск была включена в состав Северо-Кавказского фронта. Основной задачей нашего фронта снова стало обеспечение безопасности ближневосточных границ...

Осенью 1943 года гитлеровцы были вышвырнуты с кавказской земли. Битва за Кавказ закончилась полным поражением немецко-фашистских войск. Все попытки врага захватить грозненскую и бакинскую нефть потерпели крах.

В период битвы за Кавказ большую помощь нашим войскам оказывали партизаны. Мощное партизанское движение развернулось по всему Кавказу: в Ставропольском и Краснодарском краях, в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии были созданы десятки партизанских отрядов. Во главе штабов, руководивших партизанским движением, стали испытанные партийные работники краев и автономных республик. Так, штаб партизанского движения Ставропольского края возглавлял первый секретарь крайкома М. А. Суслов.

Командование и политуправление Закавказского фронта оказывали штабам партизанского движения всемерную помощь в создании отрядов, их вооружении и обеспечении продовольствием, в определении пунктов их базирования,

разработке конкретных мероприятий по взаимодействию, определении основного направления их борьбы во время наступления наших войск, разработке отдельных операций.

В период оборонительных боев партизанские отряды Карачаевской и Черкесской автономных областей первыми вступили в бой с частями дивизии "Эдельвейс", помогли войскам 46-й армии не пропустить гитлеровцев через перевалы к Черному морю.

Девять партизанских отрядов, объединенных в Северо-Осетинскую партизанскую бригаду, действовало в горах Северной Осетии. На счету этой бригады много уничтоженных гитлеровцев и боевой техники врага.

Политуправление Закавказского фронта регулярно выпускало листовки "Вести с Родины", обращенные к населению оккупированных районов и партизанам.

В дни, когда Закавказский фронт перешел в наступление, в листовке "Вести с Родины" писалось: "Мы идем к вам, товарищи! Нам приказано освободить Кубань и Кавказ, и мы этот приказ выполним. Сегодня, в дни решительного наступления Красной Армии, вы должны вместе с ней беспощадно громить ненавистного врага, неизмеримо усилить борьбу с немецко-фашистскими захватчиками, всячески и всеми средствами противодействовать немецким грабителям увозить с Кубани и Кавказа наше добро, ценности, продовольствие, скот.

Не пропускайте к фронту и за пределы Кубани и Кавказа ни одного железнодорожного эшелона, подрывайте их, уничтожайте мосты, взрывайте склады, нарушайте связь, всеми способами истребляйте гитлеровских мерзавцев и отрезайте им путь к отступлению. Настал час расплаты!"

Этот горячий призыв был услышан и подхвачен на всем Кавказе.

Партизаны Ставропольского края освободили семьдесят населенных пунктов, в том числе семь районных центров. Когда части 347-й дивизии штурмовали Ставрополь, около ста партизан, действовавших в городе, вступили в бой с гитлеровцами в центре Ставрополя и не дали им разрушить многие предприятия и учреждения.

Партизаны Ставрополья помогли войскам Северной группы полностью очистить от гитлеровцев Левокумский и Арзгирский районы.

Большую помощь нашим наступающим частям оказали партизанские отряды майкопского и нефтегорского соединений. Взаимодействуя с воинами 31-й стрелковой дивизии и 40-й отдельной стрелковой бригады, они освободили много крупных

населенных пунктов и удерживали их до подхода воинских частей.

В битве с врагом наравне с мужчинами участвовали и женщины.

Инженер-механик Нина Филипповна Бурлак, не побоявшись угроз гитлеровцев, делала все, чтобы ни одна скважина треста "Хадыженнефть" в захваченном немцами Майкопе не вошла в строй действующих.

Около 700 девушек Карачая и Черкесии пошли на фронт и в партизанские отряды. Отважно сражались с врагом балкарка Лиля Балкизова, карачаевка Залихат Эркенова и многие другие. В сентябре 1942 года кабардинка Софият Жанказиева из Баксанского ущелья захватила в плен немецкого майора, при котором оказались важные документы. За этот подвиг она была награждена орденом Красного Знамени.

Героическая борьба защитников Кавказа была высоко оценена партией и правительством. Президиум Верховного Совета СССР Указом от 1 мая 1944 года учредил медаль "За оборону Кавказа".

В дни обороны Кавказа на нашем фронте была сложена песня:

Пусть дети и внуки взволнованно внемлют,
Пускай же об этом расскажут не раз,
Как мы защищали советскую землю,
Как мы защищали Советский Кавказ.
Мы шли по горам, сквозь пургу и метели,
Морили нас холод и зной,
И те, кто орлятами в горы летели,
Орлами Кавказа вернутся домой,
Орлами вернутся домой.
Мы знали, что ждать нам придется недолго,
И Терека вновь зацветут берега,
Гвардейцы отгонят фашистов от Волги,
А мы от Кавказа отбросим врага.

Так оно и получилось: гитлеровцы были разбиты и отброшены от Кавказа.

* * *

За моими плечами три войны, свыше пятидесяти лет службы в рядах Советской Армии. Многое забылось за эти долгие годы, но никогда не сотрутся из памяти имена товарищей по оружию, с которыми мне довелось сражаться против врагов любимой Родины, имена тех, кто погиб, защищая наше правое дело.

Примечания

{1} Декреты Советской власти, т. 1. М., Госполитиздат, 1957, стр. 356.

{2} Письма трудящихся к В. И. Ленину. 1917-1924 гг. М.,

Госполитиздат, 1960, стр. 63.

{3} П. Е. Дыбенко. Из недр царского флота к Великому Октябрю. М., Воениздат, 1958, стр. 179-180.

{4} ЦГА ВМФ, ф. 115, д. 70, л. 69.

{5} 25 июля 1941 года 6-я и 12-я армии, находившиеся в полуокружении, были сведены в одну группу под общим командованием бывшего командующего 12-й армией генерал-майора П. Г. Понеделина.

{6} А. А. Гречко. Битва за Кавказ. М., Воениздат, 1967, стр. 184.